

НА Б ЕВОМ ПОСТУ

№8

август

2002

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

**ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА —
ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ
И БЕЗОПАСНОСТИ**

Люди неземной профессии

Более двадцати лет назад День Воздушного Флота по праву стал красным днем в календаре и для военнослужащих войск правопорядка. Именно тогда у нас появился первый авиационный отряд. Шли годы. Менялись задачи войск, а вместе с этим росла и крепла наша авиация. За два с небольшим десятка лет ее крылья были над Чернобыльской АЭС, Закавказьем и Северным Кавказом.

Серьезным испытанием и боевым экзаменом для авиации внутренних войск явилась чеченская война. В ходе ее ни одна операция не проводилась без мощной авиационной поддержки и прикрытия с воздуха. Благодаря высокому профессионализму летчиков были спасены тысячи жизней офицеров и солдат.

Постоянная боевая готовность, внезапность действий, тесный контакт с наземными подразделениями, массированное применение сил и средств на главных направлениях – вот важнейшие принципы авиации внутренних войск.

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного редактора — ответственный секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного редактора),
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П. (зам. главного редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЕНКОСЕНКО Л.Ф.,
СВИТКО Е.В.,
ТОНКОНОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление

БАННИКОВ А.Ю.,
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка

ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки

фото САВКОВА А.И.

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —

МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —

Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:

газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов

«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и
литературно обрабатывать при-
нятые к публикации тексты. Ре-
дакция может публиковать ма-
териалы, не разделяя точку зре-
ния авторов. Рукописи не рецен-
зируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение
тайны отвечают авторы публика-
ций, за достоверность реклам-
ных объявлений — рекламодат-
тели, за качество печати — ти-
пография. Переписка с читате-
лями ведется только на страни-
цах журнала.

Сдано в набор 15.05.2002

Подписано к печати 18.06.2002

Формат бумаги 84x108 1/16

Общий тираж изданий 15 000

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.

Уч.-изд. л. 11. Зак. № 1498

Индекс для индивидуальных подписчиков

— 70610

для предприятий и организаций

— 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»

123007, Москва,

Хорошевское шоссе, д. 38

НА Б О Е В О М П О С Т У

№ 8
август
2002

В номере:

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

2 И. БЫСЕНКОВ
“Жизнь требует
моторности”

5

КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК

5 Д. БЕЛЯКОВ
Там, где нет
войны, или
Война, которой
нет

9

ЮБИЛЕЙ

9 И. СОФРОНОВ
Бригада горячих
точек

11 И. НИЖЕГОРОДСКИЙ

В Грозном, на
Минутке

19

17 В. ВИННИК
“Бригада еще не
раз покажет
себя...”

**В ЗОНЕ ОСОБОГО
ВНИМАНИЯ**

19 И. РОМАНОВ
856 метров над
уровнем моря

ПАМЯТЬ

23 Письма в номер

СЛУЖБА

25 Р. ИЛЮЩЕНКО
И тогда настанет
завтра

29

27 Квартирный
вопрос

МУЖЕСТВО

Р. ИЛЬИН
Русский характер **29**

ОФИЦЕРСКАЯ ТРИБУНА

Р. ИЛЮЩЕНКО
Почему еще
служит
полковник? **31**

К 200-летию МВД России

**А. МАЛЫГИН,
Р. МУЛУКАЕВ**
Министерство
внутренних дел:
страницы истории **34**

ИМЯ В ИСТОРИИ ВОЙСК

А. КУЛИКОВ
Тяжелые звезды
(продолжение) **37**

ЛИТЕРАТУРА

В. БАРАНОВ
Заколдованный
круг
(рассказ) **46**

В. СЛОБОДЯНЮК
О чем вы, березы,
шумите... **52**
(стихи)

В. КОВАЛЕВСКИЙ
Милицейские
байки
(рассказы) **54**

КАЛЕЙДОСКОП

Кроссворд **64**

© Журнал «На боевом посту», 2002

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная 9 а

Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Визитная карточка. Генерал-лейтенант Петр Николаевич Ровенский родился 3 января 1946 года в селе Березна Винницкой области. Закончил Благовещенское танковое командное училище, Академию бронетанковых войск, Военную академию Генерального штаба. В Вооруженных силах прошел путь от командира танкового взвода до заместителя начальника оперативного управления Московского военного округа. Служил в Одесском военном округе, Группе советских войск в Германии, Ленинградском и Московском военных округах. С 1993 года — во внутренних войсках МВД РФ. Заместитель главнокомандующего внутренними войсками по вооружению — начальник вооружения.

Заместитель главнокомандующего внутренними войсками по вооружению генерал-лейтенант Петр РОВЕНСКИЙ:

"Жизнь требует моторности"

— Товарищ генерал-лейтенант, как вы оцениваете техническую оснащенность войск с учетом задач по их реформированию? Какие проблемы в связи с этим волнуют вас, как начальника вооружения?

— Сейчас техническая оснащенность войск стала лучше. Правда, в 1995 — 1996 годах у нас произошел некоторый спад. Тогда это было связано с первой чеченской кампанией. Наш аппарат техники и вооружения только начал работать самостоятельно (в 1993 году мы вышли из состава тыла). Еще не был достаточно хорошо отлажен процесс восстановления поврежденных машин и было низкое финансирование закупок техники.

Сегодня войска укомплектованы в среднем более чем на 70 процентов. Лучше всего этот вопрос удалось решить с бронетанковой и автомобильной техникой. Несколько хуже обеспечены наши авиационные части и подразделения связи. К сожалению, до сих пор остается нерешенной проблема со специальной инженерной техникой. Над ней мы бьемся уже долгое время.

— Удалось ли закупить новую технику в прошлом году? В какие части ее направили в первую очередь?

— Третий год мы приобретаем в среднем по 300 — 400 единиц. Однако этого недостаточно. Войскам необходимо получать 2000 единиц техники ежегодно. Дело в том, что столько мы должны списывать, исходя из установленных сроков эксплуатации. Но, естественно, при нынешней ситуации в стране такого количества мы не получим. Решено по возможности продлевать сроки эксплуатации. В результате списываем в среднем 700 единиц.

Новую технику приобретаем на бюджетные средства. За четыре месяца нынешнего года уже закупили 72 машины: грузовые "Уралы", КамАЗы, БТР-80, легковые автомобили, отдельные виды специальной техники.

Деньги начали поступать с 2000 года. На нынешний год выделено 1 миллиард 600 миллионов рублей. Бюджетные статьи мы защищаем в правительстве, Государственной Думе, Министерстве финансов, при возможности стараемся добиться их увеличения. В этом году таким образом дополнительно получили 380 миллионов.

Естественно, в первую очередь новой техникой оснащаем войска, которые принимают участие в проведении контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона. У нас существует специальный план распределения этой техники. До конца года надеемся завершить перевооружение 46-й ОБрОН. Сюда поступят только новые образцы боевой техники. Эта задача была поставлена в прошлом году военным советом Главного командования войск и коллегией МВД.

К сожалению, остальные округа внутренних войск обеспечиваем во вторую очередь. Им достаются лишь единицы из современной техники.

— В постановлении военного совета Главного командования говорилось о необходимости повышать укомплектованность внутренних войск военной техникой на 2-3 процента, а с учетом приоритетного комплектования — на 3-5 процентов. За счет чего это будут проводить?

— Мы работаем по нескольким направлениям. Я уже рассказал о закупке новых образцов.

Следующее — организационно-штатные изменения. Технику из сокращенных частей передаем в те, которые остаются. При этом уменьшаем в них ее штатное количество. К примеру, вместо десяти боевых машин в роты оставили семь. Опять же не от хорошей жизни. Просто для эксплуатации и качественного обслуживания большого числа не хватает запасных частей и топлива.

С прошлого года у нас появился надежный источник пополнения автомобильного парка. В 2000 году Правительство РФ приняло постановление, по которому войска должны безвозмездно получить от Министерства обороны 1200 автомобилей. Они поступают после капитального ремонта, проведенного на заводах МО. Его оплачивает Главкомат внутренних войск. Конечно, было бы лучше закупать новые образцы. Но сейчас выбирать не приходится. Капитальный же ремонт в три раза дешевле. Мы разработали специальные планы поставки. За четыре месяца нынешнего года получили 176 единиц.

В результате уже удалось выполнить постановление военного совета.

— Сейчас часто сообщают о подрывах. В результате их выводятся из строя боевая техника. Какие существуют возможности для ее восстановления?

— Действительно, минная война в последнее время приобрела значительные масштабы: гибнут люди, выходит из строя техника. Как правило, половину ее приходится списывать. Остальное восстанавливаем. Частично отправляем в “капиталку” на заводы Министерства обороны. Средний ремонт проводим своими силами. Для этого в войсках создано шесть ремонтно-восстановительных батальонов: пять на Северном Кавказе, один в Подмосковье. К тому же в каждой воинской части существуют штатные ремонтные подразделения, в тех, которые находятся на территории Чечни, они развернуты по полевому варианту. Здесь специалисты проводят необходимые работы на готовых агрегатах. Поэтому все, что удастся закупить, в первую очередь отправляем в эти подразделения.

Если проанализировать состояние техники, то за время двух войн в Чечне каждую единицу уже ремонтировали по два раза. В том, что она продолжает находиться в строю, большая заслуга технарей.

— Почему только недавно начали активно сотрудничать с авторемонтными заводами Министерства обороны?

— К ним мы обращались и раньше. Но тогда наше взаимодействие было незначительным. Сейчас оно стало шире благодаря большому количеству автотранспорта, который нам передает МО. Заказ внутренних войск на авторемонтных заводах составляет от одной трети до половины объема выполняемых там работ.

Кроме того, от Министерства обороны мы продолжаем получать авиационную и инженерную технику, топливозаправщики, средства связи. Все это, конечно, не новое. Но для нас не лишнее.

— Во время первой чеченской кампании были случаи, когда поврежденную технику и вооружение в войсках пополняли со складов неприкосновенного запаса (НЗ). Остался ли этот источник сейчас?

— Действительно, так поступали с разрешения министра внутренних дел. Этот источник сохранился и сейчас. Но им практически не пользуемся. За исключением тех случаев, когда до укомплектования недостаточно того, что получено по другим статьям.

Техника же, которая находится на длительном хране-

нии, старая, ее эксплуатационные возможности ограничены. Но если ее забираем, то взамен обязаны поставить новую. А это значит, что какое-нибудь подразделение спецназа или разведки не получит вовремя необходимую боевую единицу.

Правда, технику НЗ мы освежаем. Специально закупаем и меняем аккумуляторы, шины. Словом, то, что не предназначено для длительного хранения. За последнее время удалось немного обновить передвижные мастерские ремонта и обслуживания.

— Часто ли техника и вооружение приходят в негодность? В чем причины?

— Как правило, это происходит зимой и в период распутицы, особенно в частях, расположенных на территории СКР, — там больше войск и техники. Чаще всего летят двигатели боевых машин. А это приличные расходы. К примеру, новый двигатель к танку, БМП или БТРу в среднем стоит около 300 тысяч рублей.

Конечно, есть объективные трудности: интенсивная эксплуатация, нехватка запасных частей для своевременной их замены, недостаточное количество масел и смазок. В результате все работает на износ.

Мы понимаем, что действовать приходится в тяжелых условиях. К тому же при выполнении служебно-боевых задач в первую очередь смотрят на результат, а уже потом на состояние техники. Бывали случаи, когда некоторые машины требовалось обслужить, привести в порядок. Но поступала очередная вводная, и люди ехали...

Однако есть в этом деле и субъективные моменты. Часто на фотографиях и телеэкранах можно увидеть водителей БТРов, которые управляют машиной, сидя по походному (видно его лицо). Однако в бронетранспортере такое положение не предусмотрено. Водитель должен сидеть внутри, по-боевому. Только тогда он нормально достаёт до педалей, полностью выжимает сцепление, может следить за показаниями приборов, а в результате беречь двигатель. При управлении в положении по-походному хотя и улучшается обзор дороги, но не выполняются необходимые условия эксплуатации.

За Северо-Кавказским следуют некоторые части Северо-Западного, Сибирского и Московского округов.

— На оперативном сборе руководящего состава войск говорилось о недостаточной оснащенности боевой техникой высших учебных заведений и учебных подразделений внутренних войск. Каким образом осуществляется их комплектование? Что планируется предпринять, чтобы улучшить ситуацию?

— Каждый год я утверждаю планы обеспечения вооружением и техникой. Специальный раздел в них посвящен военным институтам и учебным частям. В 2002 году военные институты должны получить 54 единицы, а учебные части — 82. На сегодняшний день их укомплектованность составляет соответственно 81 и 77 процентов.

Однако здесь существует другая проблема — недостаточная оснащенность технической и учебной базы, не хватает тренажеров. Решение этого вопроса — одна из первоочередных наших задач.

— Бичом для многих частей было несоблюдение мер безопасности при работе на технике. Какие меры принимают представители службы вооружения, чтобы уменьшить количество травмированных и погибших в этой связи военнослужащих?

— Действительно, от этой беды не отмахнуться. Лю-

бая техника — средство повышенной опасности. Хотя и реже, но наши люди продолжают получать различные травмы. Прежде всего из-за личной неосторожности, а порой — разгильдяйства.

Недавний пример. Существует правило — технику можно заводить только с разрешения старшего. В парках воинских частей этим зачастую пренебрегают. В результате ежегодно военнослужащие попадают под колеса. Недавно в Чечне на пункте заправки погиб военнослужащий софринской бригады. За руль БТРа сел не штатный водитель, а человек, который умеет водить. Без соблюдения мер безопасности он начал сдавать машину назад. В результате наезд со смертельным исходом.

С подобными случаями мы постоянно боремся, проводим специальные занятия. Но, возможно, из-за молодости многие проявляют пренебрежительность и неосторожность.

Еще одна проблема, с которой постоянно приходится сталкиваться, — дорожно-транспортные происшествия. За шесть месяцев нынешнего года на войсковом транспорте их совершили десять раз (за этот же период в прошлом году — шесть), на личном — пятнадцать (в прошлом году — двенадцать). Есть погибшие. Наша беда, что личными автомобилями в этих случаях большинство водителей управляли в нетрезвом состоянии. Как, к примеру, в Ульяновске второго мая. После службы несколько военнослужащих-контрактников заехали в кафе, выпили. Один из них, владелец автомобиля, взялся развезти сослуживцев по домам. На регулируемом переезде при закрытом шлагбауме он решил проскочить железнодорожное полотно. В результате машину сбил проходящий пассажирский поезд. Водитель погиб, трое военнослужащих тяжело травмированы.

А ведь только в апреле в войсках проводили месячник безопасности дорожного движения. За это время не произошло ни одного ДТП.

— Как планируется изживать случаи утраты и хищения оружия и боеприпасов?

— До сих пор эта проблема существует. Хотя произошли определенные сдвиги к улучшению. За шесть месяцев нынешнего года в войсках утрачено четырнадцать единиц оружия. Несколько лет назад в период активной фазы ведения боевых действий в Чечне это количество доходило до нескольких сотен.

Однако есть случаи, когда оружие похищают из комбат, оборудованных специально для его хранения. Происходит это практически ежегодно, несмотря на то, что в «оружейках» установлена сигнализация, несколько замков, ключи от которых находятся у должностных лиц.

Продолжается воровство гранат и боеприпасов, чаще всего для продажи. Неоднократно это совершали в Чечне. Недавно такой случай произошел в одном из отрядов спецназначения. Во время выполнения стрельб в учебном центре военнослужащий украл гранату и патроны. При попытке продать похищенное его задержали сотрудники милиции. Против похитителя возбуждено уголовное дело, ведется следствие.

Такие случаи позорят войска и говорят о недостаточном контроле со стороны должностных лиц, в том числе и технического состава. По каждому из них мы, что называется, бьем во все колокола: проводим тщательные расследования, готовим соответствующие приказы, наказываем виновных, вплоть до увольнения, возбуждаем уголовные дела.

— Часто ли в войсках необоснованно списывают

или отправляют в капитальный ремонт технику? На что командирам следует обратить внимание, чтобы эти нарушения не повторялись?

— Списывать любую единицу техники во внутренних войсках имеет право только лично главнокомандующий, после предоставления ему всех юридических документов. Подготовку начинают в воинских частях. Затем к работе приступают вышестоящие штабы, собирается не одна комиссия. И только по реальному техническому состоянию или боевым повреждениям, после оформления необходимых документов принимается окончательное решение. Такой подход не допускает случайного списания.

Что касается капитального ремонта, то командир части также не может отправить технику на завод по собственной воле. Документы для этого оформляют только в Главном штабе внутренних войск. Я подписываю письменное указание об отправке, а начальник Главного штаба — о выделении караула для сопровождения. Планы капитального ремонта небольшие. К примеру, по бронетанковой технике на этот год — менее ста единиц (не хватает средств). Реально же в этом нуждается значительно большее количество. Поэтому из нескольких машин выбираем, что называется, самую-самую. Остальным продлеваем сроки эксплуатации.

— Главнокомандующий внутренними войсками неоднократно указывал на необходимость более эффективно использовать существующие возможности. Один из способов — продление ресурсов и сроков эксплуатации техники и вооружения. Где работа ведется лучше?

— Такой подход во многом выручает. К примеру, если капремонт положен после пробега 50 тысяч километров, то у нас есть образцы, которые набежали по 60 — 70 тысяч и до сих пор остаются в строю — продлеваем межремонтные сроки эксплуатации. Отмечаю хорошую работу заместителя командующего войсками Приволжского округа ВВ по вооружению генерал-майора Анатолия Миха, его коллег из Северо-Кавказского округа генерал-майора Николая Тутрина и из Московского округа полковника Василия Жорова, командира калачевской бригады генерал-майора Александра Агапова.

Пока среди отстающих вынужден назвать «вооруженцев» Северо-Западного и Сибирского округов. У них в хозяйствах многие вопросы решаются хуже, учитывая существующие возможности, появилась некоторая самоуспокоенность. А ведь главная задача — искать пути решения проблем, не ждать указаний сверху. Жизнь требует от каждого активности, я бы сказал, моторности. Особенно это касается нас — технарей.

В соединениях и частях добросовестно работают заместители командиров по вооружению полковники Михаил Вознесенский, Игорь Аутодаров, Александр Нефедов, Виктор Алехин, заместитель начальника Северо-Кавказского военного института ВВ полковник Александр Кудрявцев, его коллега в Саратовском военном институте полковник Николай Костечко. Особенно отмечаю заместителя командира центральной войсковой комендатуры по вооружению подполковника Сергея Поповича. Ежедневно здесь находится в эксплуатации более 200 машин, из них постоянно исправны не менее 90 процентов. Пожалуй, этот показатель красноречивее любых похвал.

**Беседу вел подполковник
Игорь БЫСЕНКОВ**

Дмитрий БЕЛЯКОВ

Фото автора

Я провел только 14 дней там, где "закончена основная фаза военных действий". Меня спрашивали: почему Чечня, а не Израиль либо Афганистан? Говорили, что в Чечне "ничего интересного не происходит". За всё время командировки я не встретил ни одного коллеги и часто слышал от военных: "Вы (пресса) врете, что война закончилась, поэтому и не ездите к нам".

Я предлагаю вашему вниманию свой дневник, который вел все 14 дней.

Там, где нет войны,

или Война, которой нет

ВЫЛЕТ с Чкаловского в 8 утра. Лечу бортом генерал-полковника М.Панькова. Пользуясь случаем, задаю несколько вопросов...

— Удалось ли боевикам втянуть Российскую армию в болото партизанской войны?

— Ситуация неоднозначная... Группировке приходится не только противостоять бандитам, но и заниматься восстановлением мирной жизни. Бандиты упорствуют. Они свои теракты проводят не только против федеральных сил, но и против местных органов власти. Говорить о масштабном кризисе не приходится, так как практически все населенные пункты находятся под контролем власти. Как таковой партизанской войны нет.

— Каковы перспективы?

— Нужно в большей степени создавать условия для развития экономики и воспитания людей. Военная составляющая — это подпора. Военные не могут всегда быть за главного. Нужно создавать систему и добиваться, чтобы она работала.

ПОДЪЕМ в 5.30 утра. В 6.00 — развод в инженерно-саперном батальоне, рядом с палаткой комбата. Туман. Сыро. Напяливаю тяжеленную "кирасу", лезу в БТР. Темно, холодно, орет "Сектор Газа", половину слов сглатывает подвывающий движок. "Скелет! Где мой поджопник?" — "Да на кой мне твой броник! Быстрее ищи! Пока не найдешь — не поедем!"

6.15. Команда "Держимся!" Резкий рывок. Ухабы, вой движка, темнота, запах соляры, рядом ноги моего опекуна из пресс-службы группировки, он тоже парится в бронике и едет под броней — всё по инструкции.

Остановились на шоссе. Я с трудом, неуклюже цепляясь краями броника за все углы, двери, люки и рукоятки, вываливаюсь из бэтээра. Чавкает глина, налипая килограммами на кроссовки, сизо-голубой туман, плотный, как жирный кисель, неохотно выдавливает из своей гущи силузты бэтээров и фигурки солдат. Идущий впереди меня автоматчик, засунув руки в рукава камуфляжной

куртки, дремлет на ходу, прикрыв раскосые глаза.

7.00. Команда "Стой!" По рядам гулким эхом: "Нашли..." Подтягиваюсь к передним рядам, старательно вытягиваю шею, чтобы увидеть что-нибудь. Все солдаты уже давно залегли либо присели у обочины, вглядываясь в туман. Мне маячат — "Сюда, корреспондент!" Подхожу. Возле полураскопанной свежей воронки сидит солдат, тупо уставившись на матово блестящий 122-мм артиллерийский снаряд. В глину втоптаны ключья синего провода, какие-то две белесые пластины и тонкая желтоватая трубочка.

10 утра. В палатке у комбата саперов Олега Грибова жарко натоплено, телефоны разрываются, на столе дымится чай. Атласно выбритый широкоплечий подполковник из Москвы нехотя отвечает на мои вопросы: "Да не стали боевики умнее! Не стали! Но у них появились деньги, чтобы платить своим шахидам за подрывы. Боеприпасы старые у них уже давно закончились, так что они придумывают

новые трюки из ничего. Кулибины... У нас целая коллекция таких вот "кулибинок"... Чего у нас? А у нас — генераторы радиопомех. Хреновина такая ставится на бэтээрт и создает возле себя электромагнитное поле, которое не дает взорвать радиофугас. Если моджахед с радиовзрывателем сидит в кустах и ждет, когда побольше народу подойдет к его мине, то она не взрывается. А "духу" этому "кирдык" можно сделать. Если его найти.... "

— ЧЕЧНЯ нашпигована минами. Чем дальше в горы — тем хуже. Если взглянуть на карту минной обстановки Урус-Мартановского района, то она вся черна от пометок. Шелковской район — одно сплошное минное поле. Сегодня никто не скажет, чьи мин больше: наших или "чеховских", где они...

Майор Николай Мартынов — старший группы инженерно-саперного батальона. Человек с репутацией абсолютно "безбашенного" человека. О нём говорят, что у Мартынова в руках и рядом с ним ничего не взрывается. Взрывается у других — тех, на кого Мартынов охотится. Мартынов никогда не говорит "подорвался", "взорвался", "наступил на мину" или "задел растяжку". Вместо этого у Николая в словарном запасе

только один глагол — "умер"... Он сухощав, смугл, невысок ростом, не носит усов или бороды и всегда чисто выбрит. У него постоянно воспаленные от недосыпания веки. Он сутулится, когда ходит, и практически никогда не снимает разгрузку, где "замастырены" какие-то ему одному нужные "прибамбасы". Он может сделать мину из чего угодно и поставить ее где угодно и на какое угодно количество "чехов". Про таких, как Николай, говорят — штучный материал. А проще — абсолютный профессионал. Этот майор ведет настоящую охоту на чеченских минеров. За его голову боевики назначили награду в 100 000 долларов. У него своя тактика, свои приемы, свои секреты. Он называет это "минные шахматы".

Все знают, что сапер ошибается один раз в жизни. Не обязательно при разминировании. (Вообще о саперах, обезвреживающих взрывные устройства, майор говорит с иронией: "Вот вчера нашел один воин фугас на дороге. Проявил героизм — обезвредил зачем-то".) Можно ошибиться, просто проходя по лесу и не увидев смерти в траве. Достаточно расслабиться, и ты умер...

— Наше слабое место — в повторяемости маршрутов саперной разведки и самого времени выхода на операцию. Рано или поздно это приведет к потерям. Наша беда — в небрежности и просто скотском отношении к своим же людям, проявляющемся в игнорировании такого элементарного требования, как уведомление своих о том, где ты ставил мины. Сколько раз я находил растяжки, поставленные "грушниками" и "фэйсами". Особенно этим грешат "грушники". Просто "гадят" в лесу, где ночью свои же из разведбата пойдут в засаду. Естественно, никто не будет проводить расследования и наказывать виновных...

Интуиция сапера? Да, есть такое дело. Она вырабатывается. Идешь по одному и тому же маршруту в двадцатый раз и уже чувствуешь, что и где не так. Яркий пакет на дереве? Самодельная мина, набитая стальной стружкой, гвоздями и укрепленная на ветках. А возможно — "маяк" для подрывника, который сидит в двухстах метрах от закопанного в грязи фугаса. Приблизился БТР, "дух" нажал на кнопку, и весь личный состав смело с брони. Либо размазало тех, что под броней. Брошенная машина на обочине дороги? 90% гарантии, что за-

минирована. Я их уничтожаю — расстреливаю с безопасного расстояния. Для меня важно, чтобы НАШИХ погибло как можно меньше.

Самый циничный случай был в Чечен-Ауле. Под грудой упавших ящиков сидел и жалобно мяукал котенок. Тронули только край ящика, чтобы достать несчастное, глупое животное. Солдат погиб. Под ящиком была мина-сюрприз. Вообще, мины-сюрпризы — их любимый метод. Моя рекомендация — не трогать ничего, что лежит на халюва. Особенно лустые рожки от автоматов, брошенные ящики от патронов, ни в коем случае не подбирать пачки от сигарет, видеокассеты и тому подобное.

Мы перелезаем через земляной вал, окружающий по периметру место дислокации 46-й бригады, на границе которого курит в кулак часовой. Николай подмигивает ему, мол, прикрой, если что... Заходим в чахлый лес.

— Здесь ступаем по моим следам, — предупредил Николай. — Это и есть минное поле. Наставили мин, чтобы ночью "духи" не лазили или не обстреляли бригаду из минометов. Вон те кусты видишь? Там подорвался один. Он был глупый. Хотел мою растяжку снять и на меня ее же поставить, но не знал, что у меня стандартный прием — мина-сюрприз под гранатой, которую я нарочно дико-красного цвета проволокой привязал к дереву и замаскировал по-хамски, чтобы видно было за десять метров. Растяжку он перерезал и... умер.

Трупы их мы редко находим, они их забирают. Иногда всё же уносить бывает некому. Нашла разведка в лесу небольшой схрон: автоматы там, патроны, макулатура всякая вахабитская. Я велел схрон не трогать и поставил пару мин на касание. Сдвинули один ящик — и три боевика умерли.

Мы выходим на крохотную полянку, где Николай определил место для установки своей любимой "помки". Указав мне на точку, откуда я мог снимать и откуда мне не следовало уходить ни на метр, он сорвал красный колпачок с мины, дернул за капроновый шнур и прыжками бросился в мою сторону. Зеленый цилиндр, слегка раскачиваясь, как ванька-встанька, на моих глазах выпрямился в траве и, слегка осев вправо, выстрелил стакан-корпус на десять метров вверх, оставив сизое облачко дыма. Когда дым развеялся, три желтоватые тоненькие ниточки легонько колыхались на ветках кустов. Это и были утяжеленные на концах нити грузиками растяжки, которые умная мина выбрасывала сама. Приблизился — умер мгновенно. Вместе со

всеми, кто шел в радиусе сорока метров за тобой.

— Их задача — формировать у нас минобязнь на трассах, на дорогах, в городе, в поселках. Моя задача — формировать такую же минобязнь у них. Я веду свою дуэль с ними. По своим правилам. На их территории. Я минирую их тропинки в лесу, я минирую их склады боеприпасов, я минирую все поляны, где наши олухи-артиллеристы закапывают нестрелянные либо нераззорвавшиеся боеприпасы. "Духи" всегда любят покопаться на местах нашей старой дислокации...

— САМОЕ тяжелое время — период зеленки. Если зимой бывали дни, когда мы часами смотрели телевизор, лежа на диване, то уже с середины марта стали зашиваться. Каждый день поступления. Мы здесь делаем только срочные операции, после которых короткий период реабилитации и — в Москву либо в стационарный госпиталь в другом городе. Это четвертая военная кампания за мою практику...

На Пушкина он не похож, хотя зовут полковника Ковалева так же — Александр Сергеевич. За Чечню 95-го года у него медаль Суворова, за Дагестан — орден "За военные заслуги".

— По сравнению с первой чеченской кампанией квалификация медиков и система снабжения всем необходимым для работы и быта стали гораздо лучше. Повоевали, кое-что поняли. Выстроили систему, она работает. Чего бы хотелось пожелать? Раненых поменьше. Вообще не надо раненых. Молодых парней жалко, — при этом Ковалев смущенно-мягко улыбается, давая понять, что осознаёт полную нереальность этого пожелания (еще бы — по его собственному признанию, за месяц он лично провел 37 операций).

— Самый страшный эпизод вам рассказать? 95-й год. Летим за ранеными. Ночь. С нашими договорились, что они разожгут три костра на земле, чтобы обозначить место для посадки. Вот эти три костра. Летчики садиться не стали, что-то заподозрив. По связи запросили зажечь фары бэтэера. По нулям... Наша вертушка продолжила рейс, вторая стала обрабатывать участок. Боевики ответили пулеметным огнем. Уже приземлившись на опушке леса, где были и костры, и фары бэтэера, мы всё еще слышали бой в трех километрах от места посадки. Я дал команду, чтобы всех раненых везли ко мне, развернули бэтээр и в свете его фар

я всю ночь осматривал и оперировал раненых. А утром меня согнуло — страшная боль в желудке. Заработал себе язву на почве нервного напряжения.

Военная практика операций в экстремальных условиях делает человека невероятно циничным. Всё просто: жил — умер, спасли — не вытащили, безнадежный — есть шанс. Ковалева с его огромным опытом характеризуют как хладнокровного. Разница в том, что цинику плевать, умрет ли 18-летний, изувеченный миной водитель БМП. Хладнокровие же профессионала, возможно, спасет солдату жизнь.

МАРШЕМ прошли краешком Грозного. Кажется, через Заводской район рванули, скорость под сто. Пыль, пыль, пыль... Все "витязи" в "сферах", очки пластиковые на глазах, на лица некоторые натянули снизу косынки, чтобы на зубах песок не скрипел.

Влетели через три часа в Алхан-Калу. Здесь уже лагерь брезентовый стоит. Уже кухня пытит. Уже оцепление по всему периметру лежит — и морпехи, и десант, и чей-то там ОМОН, и "фэйсы" тусуются.

Наш БТР тормозит на узенькой улице, "витязи" сыплются с брони. Кладанье автоматов, топот ног, удары железа о дерево, истощный визг:

— Не ломайте окно! Я сейчас вам двери открою!

Грохот падающей лестницы. Сыплется шифер с крыши. Скрежет зеленых ворот со следами мелких пробоин от осколков. Одуревшая от страха кошка ползет по стене на чердак. Ветер треплет на веревке мужское исподнее. Бледное лицо хозяйки дома:

— Вот документы, паспорта, регистрации. Вот мой муж...

Шестидесятилетний сутулый дядя с поднятыми руками робко спрашивает:

— Можно я руки опущу, а то спина болит?

— В стену упритесь — легче будет, — на полном серьезе советует ему двадцатитрехлетний "контрабас".

Спецназовцы всё давно уже знают. По приметам. По настроению в селе. По количеству машин на улицах. По ехидным ухмылкам на лицах детей. Нет суеты. Нет паники. Нет пацанов, летающих из дома в дом через дворы, чтобы предупредить боевиков о внезапной опасности. Нет толстозадых баб, хватаящих за руки и за стволы автоматов перед входом на крыльцо — лишь бы дать уйти своим "партизанам"...

Значит, опять впустую. Значит, еще пара разбитых горшков и ни одного найденного патрона. У третьего дома "витязи" уже спрыгивают с бэтэера с лентой. Углы блокируют не бегом, а пешком. Водитель вылезает из-под брони и ставит старый динамик на крышку люка. Хриплым басом заорал "Раммштайн": "Du hast mich". Пять минут — дом зачищен. Счастливые бабы машут нам рукой. Голозадая пацанка пританцовывает под "хэви-металл". Зрелище еще то....

Четвертый дом. Какой-то двухэтажный особняк, вставленный углом между двух улиц. За нами подтягивается "Урал" со стальным фургоном в кузове. Смеаю — значит, кого-то будет брать. Громоздкий "Урал" никак не может развернуться в узком дворе. Слышу ровный голос "фэйса" за

спиной: "Идеальный момент для за- сады..." В зеленых штанах от костю- ма "Горка" и черном свитере, с ТТ в портупее из желтой свиной кожи и с АКСУ в руке, неопределенного воз- раста полковник уверенно заходит во двор особняка. Никакого призна- ка паники. Демонстративная готов- ность помочь:

— Лестницу принести? На крышу будете лазить?

— Хозяйка, где Аслан?

— Аслан здесь не живет. Он на за- работки уехал. Время сейчас такое, помогать...

— Хозяйка, я знаю, что твой Аслан вчера был здесь.

— Ой, кто вам такое сказал? Это неправда! Это вам в милиции сказа- ли?

— Неважно, где сказали. Не в ми- лиции...

Быстрый шмон.

— Ладно, пошли. Тут по нулям, — деловито отрубил "фэйс", через де- сять минут запрыгивая на БТР.

Его молодой помощник, стара- тельно выколачивая пыль из куртки, мне потом пояснил:

— Этот Аслан — помощник и род- ственник Бараева. А вся эта семейка боевикам помогает — продукты, ноч- лег... Их уже предупредили, что мы едем. Ушли все. Пока эту операцию разработаешь — вся информация утечет сто раз...

Последнее село — Кулары. Стар- рый мост через реку взорван еще в первую чеченскую. Лейтенант Саня, командир группы, командует: "За- нять брод и удерживать!". Брод — это железный, хлипкий навесной мостик. Перебежали, пулеметчики снялись со своих точек, и — вперед. Брони нет, она осталась на том бере- гу. Первым идет Черный — срочник- пулеметчик. Худой, но жилистый.

Прет свой пулемет, как собака — кость через столовую. За мной Фе- дор. Сутулый, высокий, молчаливый "контрабас". За всё время только и услышал, как его зовут. Вдоль забора слегка вразвалочку ступает лейте- нант. За ним — Денис с ПБС в руке. Поворачиваем за угол. Вот и попа- ли... Прямо на нас вылетает темно- вишнёвый универсал "Вольво" с бо- родатыми дядями в салоне.

— С-с-тая-я-ять!! Стоять, говорю!

— Саша наводит автомат на машину. "Вольво" тормозит. Опешившие бо- родачи, задрав руки в гору, безро- потно выходят из иномарки. Один — высокий, в голубой джинсовой руба- хе, — озирается на мою фотокамеру. Саша, прикрываемый двумя специа- ловцами, хлопает мужиков по карма- нам и бокам.

— Командир, мы просто пива еха- ли выпить...

— По-моему, вы уже выпили.

— Не-е, мы трезвые. В норме.

— Вот и шагайте вперед, засчита- ем вам нормативы.

Дальше начинается невообрази- мое. Пятеро мужиков с руками за го- ловой, подталкиваемые в спину ав- томатами, вприпрыжку несутся по улицам. Из каждого двора, из всех закоулков появляются и облепляют их бабы. Вопли, слёзы, топот десят- ков сандалей. Мужчина в коричневом свитере на бегу теряет обувь с одной ноги. Он не решается подобрать ее, так и бежит полубосой. Какая-то ба- ба подбирает эту сандалию, пытает- ся вклиниться между нами и мужчи- ном. У женщины ярко-синие глаза и длинные загорелые ноги, обтянутые черной коротенькой юбкой. Женщи- не неудобно бежать, но она, еще вы- ше задрав юбку, несется, как сприн- тер на стометровке. Догоняя нас, она принимается дубасить Сашку по спи-

не, хватает его за ствол автомата, рвет на нём куртку. Синеглазую "спортсменку" оттаскивают. Она вы- рывается. Тогда Черный передерги- вает затвор ПКМ и дает очередь в воздух. Громкий, хлопающий звук эхом отдается во дворах. Задержан- ные чеченцы как по команде оборо- чиваются и опускают руки, делая шаг в нашу сторону. Витек прыжком раз- деляет нас: "Стоять!!! Щас всех на землю положим!".

Вслед нам летит камень. Денис бросает баллончик с "Черемухой" в толпу. Белый дым быстрыми клубами поглощает людей. Однако, удиви- тельное дело, — они снова бегут за нами. Впереди маленькая площадь. Спецназовцы, выстроившись цепью, сдерживают толпу. Задержанные бо- родачи стоят у забора, упершись в него руками. Саша с "фэйсом" бегом просматривают их паспорта. Бабы стеной прут на нас. Какой-то безум- ного вида лысый дед пытается схватить ствол. Черный опять поднимает ствол пулемета. Гильзы падают нам под ноги. Люди разбегаются в раз- ные стороны. Саша что-то кричит ко- му-то в рацию, с кем-то переговоров коротко, дает команду: "Отходим!"

Какая-то баба машет нам плат- ком и кричит вслед: "Спасибо вам, ребятки! Спасибо!"

Спасибо за что? Наверное, за то, что обошлось без трупов. За то, что те пятеро полупьяных и небритых "чехов" разойдутся по домам, а не сгниют на "фильтре". За то, что стре- ляли поверх голов. За то, что не за- бросали толпу гранатами. За то, что не переломали кое-кому ноги, не вы- били ни одной двери, не высадили ни одного окна. За то, что не взяли ни- чего с чужого двора. В общем за то, что ничего не натворили под воздей- ствием стресса. Когда вырывают оружие из рук, когда плюют в лицо, когда эмоции хлещут через край. Когда кругом — такая "мирная" жизнь и "дружелюбно" настроенное население "приветствует" свою обо- зленную, униженную, обманутую ар- мию, которая воюет на честном сло- ве и голом энтузиазме, будучи наглу- хо изолированной от своего народа, за который воюет...

НА ПЕРПОНЕ мялись два майора, которые прилетели со мной одним рейсом из Минеральных Вод. Жи- рный таксист с золотой "гайкой" на безымянном пальце и золотыми фиксами во рту, хамовато улыбаясь, спросил у них:

— Братаны! Куда ехать?

— На Красноказарменную.

— Базара нет, у нас по всей Моск- ве из аэропорта такса стабильная — сто баксов. Едем?

БРИГАДА ГОРЯЧИХ ТОЧЕК

... Мы по тревоге подняты,
В бронжилеты впаяны.
Мы будем трижды прокляты
И, может, раз похвалены.
Останутся застелены
Простыночки конвертами.
Мы вечером обстреляны,
А утром оклеветаны.
Мы ко всему привычные.
И хватит в нас терпения
Принять плевки публично
И заочно — извинения...

Это строки из стихотворения нашего земляка — волжанина, журналиста внутренних войск старшего лейтенанта Анатолия Ягодина, погибшего на первой чеченской в апреле 1996 года. Они как будто бы специально написаны о «людях боя», военнослужащих отдельной бригады оперативного назначения Приволжского округа ВВ МВД России, которая отметила 40 лет со дня своего образования.

Нижегородцы, а теперь, пожалуй, уже и все остальные, больше знают ее как шумиловскую бригаду.

Когда летом 1962 года недалеко от деревни Шумилово Богородского района Нижегородской области началось формирование учебного батальона внутренних войск, мало кто мог предположить, что у этой воинской части будет такая насыщенная событиями — героическими и трагическими — биография.

Если составить перечень горячих точек, вспыхивавших за последние пятнадцать лет на территории бывшего Советского Союза с пугающим постоянством, то в этом списке мало найдется таких мест, где бы не пришлось побывать шумиловцам.

Первым испытанием на прочность для них стал Ереван, где солдаты и офицеры бригады оказались в феврале 1988 года. Вооруженные лишь металлическими щитами и резиновыми дубинками, они стали живой

стенной, разделившей две враждующие националистические группировки, приняли на себя удары камней, железных прутьев, первые плевки от нарождающейся «демократической прессы» и выкрики в лицо от беснующейся толпы: «Оккупанты!». Пистолет или автомат в руках «борца за национальную независимость» (читай — боевика, бандита) считался тогда большой редкостью.

Затем был практически до основания разрушенный землетрясением Спитак, где шумиловцам вместе с солдатами других частей внутренних войск пришлось поддерживать правопорядок, вылавливать уголовников и мародеров, желавших поживиться на людском горе, помогать спасателям разгребать завалы, организовывать и охранять пункты раздачи воды, пищи и гуманитарной помощи. Часто ли там сейчас вспоминают об этом?

Ну а дальше пошла сплошная череда того, что на официальном языке будет принято называть «вооруженным конфликтом на национальной почве», «наведением конституционного порядка», «контртеррористической операцией», скрывая за этими мудреными казенными формулировками то единственное слово, которое было у всех на устах: война!

Карабах и Молдавия, Северная Осетия и Ингуше-

тия, Дагестан и Чечня — вот те “малые войны”, в которых шумиловцам пришлось заплатить далеко не малую цену.

Более 70 солдат и офицеров бригады, до конца исполнив свой гражданский и воинский долг, пали от пуль и мин боевиков. Бывший начальник разведки бригады майор Вячеслав Афонин, попавший в плен 11 декабря 1994 года, и по сей день числится пропавшим без вести. Раненым, контуженым, искалеченным несть числа.

Мало найдется в России воинских формирований, принесших в мирное время большие жертвы на алтарь Отечества и заплативших такую страшную цену за независимость и территориальную целостность страны.

Бригаде есть чем и кем гордиться: более четырехсот ее военнослужащих награждены орденами и медалями, двое стали Героями России.

С 1998 года бригада, как одна из самых боеспособных частей МВД, входит в состав мобильных сил внутренних войск, готовая, если возникнет необходимость, по первому приказу оказаться в любой, самой отдаленной точке страны и выполнить любую из поставленных перед ней задач. Что, впрочем, за сорок лет своего существования шумиловцы доказали уже не раз.

15 августа 1999 года бригада была поднята по тревоге и в срочном порядке переброшена в Дагестан для прикрытия административной границы с Чеченской республикой на кизлярском и хасавюртовском направлениях. Несколько попыток банд чеченских боевиков и отрядов международных наемников вторгнуться в Дагестан отбили шумиловцы летом и осенью того года.

С вводом войск на территорию Чечни в ноябре 1999 года батальоны бригады совместно с частями Российской армии принимали активное участие в уничтожении основных сил бандитов в горной юго-восточной части мятежной республики.

С февраля 2000 по август 2001 года бригада выполняла боевые задачи в Аргунском ущелье, обеспечивая безопасное прохождение войсковых колонн по одной из основных транспортных артерий Чеченской респуб-

лики и продолжая наносить эффективные удары по базам боевиков.

В августе 2001 года в соответствии с решением командования Объединенной группировки войск на Северном Кавказе бригада была сосредоточена в городе Аргуне, где находится и по сей день.

Только за пять месяцев текущего года военнослужащими бригады было проведено более восьмидесяти разведывательных и оперативно-поисковых мероприятий, в результате которых из бандитских тайников и схронов изъято 26 единиц огнестрельного оружия, 12 ручных гранатометов, почти полторы сотни мин и гранат, свыше 6000 боеприпасов к стрелковому оружию.

В своей зоне ответственности приволжцами обеспечено безопасное прохождение 395 войсковых колонн и железнодорожных эшелонов с военными и промышленными грузами. Саперами бригады за тот же период обезврежено более 30 взрывных устройств и фугасов, шесть из которых были установлены бандитами в радиоуправляемом варианте.

В ходе боестолкновений, отражения нападений на колонны, административные и промышленные объекты солдатами и офицерами Приволжской оперативной бригады уничтожено 52 боевика. В результате специальных операций задержаны и переданы правоохранительным органам 207 активных участников незаконных вооруженных формирований, многие из которых числились в федеральном розыске за преступления, совершенные еще во время первой чеченской кампании.

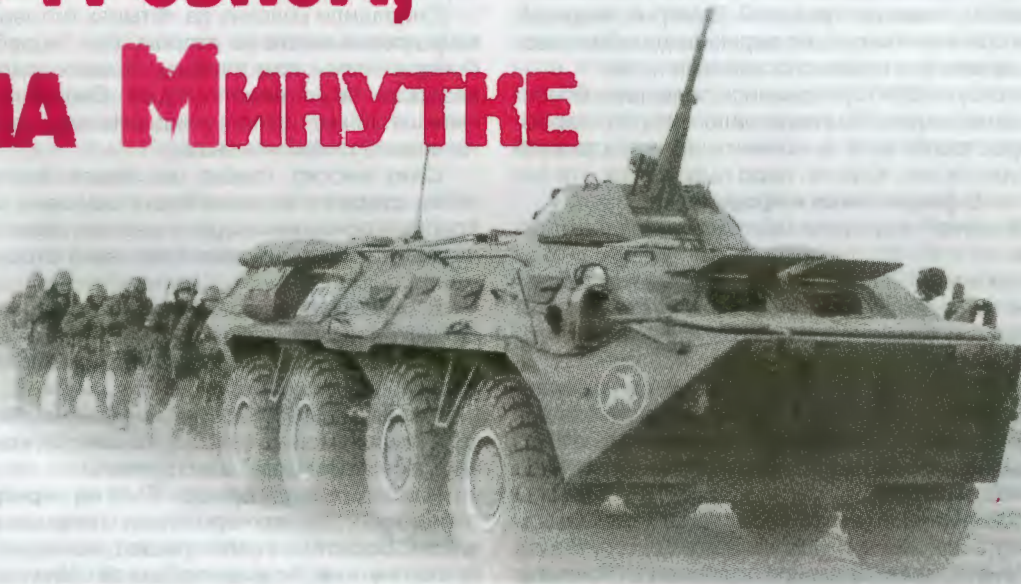
Таков далеко не полный перечень результатов служебно-боевой деятельности оперативной бригады Приволжского округа ВВ МВД в юбилейном для нее году.

Подполковник Игорь СОФРОНОВ

Приволжский округ внутренних войск

В ГРОЗНОМ, НА МИНУТКЕ

В сорокалетней истории шумиловской бригады было много героических эпизодов. Но, по мнению большинства военнослужащих соединения, самым ярким из них стал август 96-го. Сегодня, шесть лет спустя, о нем вспоминают участники тех событий.

5 августа 1996 года и без того хрупкая и непрочная тишина над Грозным была вспорота автоматными и пулеметными очередями, разорвана в клочья взрывами мин и гранат. Каждые два часа дикторы с экранов передавали в новостях: бои, бои, бои...

Огненная круговерть, пожалуй, самая жестокая со времени штурма города в январе 1995 года, продолжалась почти три недели. И в самом центре ее оказались солдаты и офицеры отдельной оперативной бригады Приволжского округа внутренних войск.

5 августа. Официальная информация:

“Личный состав проводил спецоперацию по обеспечению действий СОБРа и ОМОНа октябрьской комендантуры. Для выполнения поставленной задачи сформирована группа в количестве 85 человек с 5 единицами бронетехники под командованием майора А. Мустафина.

В ходе выполнения задачи задержано 11 нарушителей паспортного режима. При возвращении в пункт временной дислокации (ПВД) на улице Гудермесской боевиками произведен подрыв радиоуправляемой мины. В результате взрыва погиб майор А. Славгородский, 2 военнослужащих получили тяжелые ранения, 7 — ранения средней и легкой тяжести...”

Рассказывает майор Игорь Ветров, кавалер ордена Мужества:

— Фугас был заложен недалеко от городка 101-й бригады. Охотились на них. Но сработала мина по нашей колонне. БТР, шедший головным, успел проскочить. Взрыв прогремел перед капотом предпоследней маши-

ны. Сила его была ужасна. Александра Славгородского, сидевшего в кабине рядом с водителем, буквально разорвало на куски. ЗИЛ перевернуло, отбросило в сторону. Водитель рядовой Александр Ковалев и дрессировщик Олег Бабиладзе, когда их извлекли из этой груды оплавленного железа, еще дышали. Они умерли от ран через несколько часов.

6 августа. Официальная информация:

“С 2.45 ведется интенсивный обстрел ВОП “Минутка”. Обнаружено перемещение больших групп боевиков в районе разрушенного завода. В 6.20 начат обстрел ВОП “Дом”. Пик боевых действий приходится на время с 7.10 до 23.40. В этот период ПВД и ВОПы обстреливались 23 раза, на все обстрелы открывался ответный огонь.

В 23.10 боевиками выдвинут ультиматум о сдаче ВОП. Капитаном Демидюком и старшим лейтенантом Блохиным ультиматумы отклонены. Отбиты все попытки заблокировать опорные пункты, в ходе боевых столкновений уничтожено 4 боевика...”

Рассказывает подполковник Дмитрий Ларин, Герой Российской Федерации:

— Обстрел взводных опорных пунктов и ПВД, который начался пятого августа, шестого усилился. Кое-где предпринимались даже попытки штурмов. В ход пошла “карманная артиллерия”: по развалинам под прикрытием снайперов и автоматчиков боевики подбирались на небольшое расстояние к блокпостам и пытались забросать их гранатами.

Это одна закладка. Была еще и вторая. Бетонные блоки, которыми обложены КПП и посты, создают иллюзию безопасности. Но лежат-то они без цемента, просто друг на друге. Четыре выстрела из РПГ по одному и тому же блоку сбрасывают его на землю. Проверено на горьком опыте.

Под такой плитой, сорванной с места гранатометным выстрелом, оказался рядовой Дмитрий Андреев. Нужна была срочная эвакуация: парню раздробило кости таза, переломало и посеколо осколками ноги.

Кроме этого, на ВОП требовалось пополнить боезапас. И добавить людей. Там ведь мало того, что периодически перестрелка шла, в моменты затишья личный состав дежурства нес. Короче, надо было ехать...

7 августа. Официальная информация:

"ВОП "Минутка" подвергся обстрелу с двадцати огневых точек.

К 14.00 на всех ВОП сложилась критическая обстановка с боеприпасами и водой. В результате неоднократных штурмов появились раненые, состояние которых ухудшалось.

Командиром бригады принято решение выслать группу в составе четырех БТР с десантом спецназа для эвакуации раненых и пополнения боеприпасов на ВОП "Минутка". При прорыве на перекрестке улиц Гудермесской и Ханкальской подбит замыкающий БТР. Экипаж и десант под командованием прапорщика О. Токарева заняли оборону в одном из домов частного сектора.

При получении информации о подбитом БТР командиром бригады выслана дополнительная группа в количестве трех бронетранспортеров для эвакуации экипажа и десанта. Во время выдвижения группа попала под интенсивный обстрел. Командир колонны старший прапорщик Коротков принял решение прорываться на Минутку. На ВОП группа вышла без потерь.

В ходе боевых столкновений уничтожено до 15 боевиков. Потери бригады: 20 военнослужащих ранено, 4 пропала без вести..."

Рассказывает подполковник Дмитрий Ларин:

— Седьмого числа командир собрал комбатов. А у нас батальон на автомобилях, и достается мне готовить

в ПВД технику, медикаменты, боеприпасы и ждать, как это все другие моим людям на эту проклятую Минутку доставят. Э нет, думаю, так не пойдет! Подхожу к комбригу: "Товарищ подполковник, тут есть кому работать, а там я своим солдатам нужнее. Да и на месте виднее будет что к чему. Разрешите съездить, разобраться?". В общем, убедил его.

Снарядили колонну из четырех бэтээров. Занял командирское место во втором. Вся "коробочка" забита боеприпасами под завязку. Только подо мной около двадцати "Мух" лежало. Едем. Скорость хорошая, не меньше 80 км/ч. Дорогу видно только первому, для остальных — сплошная пыль.

Сижу высоко, голова над люком торчит. И вижу: с обеих сторон к колонне будто шаровые молнии летят. Красные огненные шары в раскаленном, заполненном пылью и чадом воздухе. Красиво и страшно одновременно...

В каждый из четырех бэтээров попало от трех до пяти выстрелов. Это только попало! А сколько всего по нам тогда гранат выпустили, об этом можно лишь догадываться.

Но мы живы. Правда, сильно бьюсь лбом о край люка, а водила мой на руль заваливается, контузило пацана. Да и мне по ушам дало прилично.

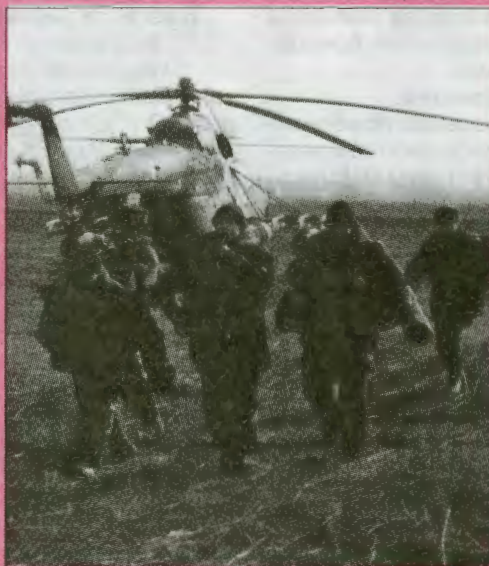
Вперед глянул: горящая БМП на перекрестке прямо перед нами, вот-вот врежемся. Начинаю руль выворачивать. Водитель в себя пришел, помогает. Правда, глаза еще мутные, но уже соображает. Или на "автопилоте" работает.

Но самое главное, чему я до сих пор удивляюсь: тот склад с боеприпасами, который мы везли, не сдетонировал при попадании...

Рассказывает лейтенант Олег Токарев, кавалер ордена Мужества:

— Колонна вышла на помощь тем, кто сражался на Минутке. Я был старшим на замыкающем бэтээре. Шли на скорости. Жара, пыль, дым от пожаров. Почти ничего не видно. На перекрестке горела подбитая БМП. С ходу врезались в нее. Нас тут же подбили из "граника".

При взрыве погибли сержант Алексей Глазачев и ря-

довой Володя Русинов. С остальными занял оборону в частном доме. Окружили нас сразу. Бой вели до утра.

Несколько раз нам предлагали сдаваться, кричали: "Офицер, отпусти солдат. Тебя все равно убьем, а их до-мой отправим". Особенно усердствовал один, хохол. Русоволосый такой, в синем спортивном костюме с желтым трезубцем. Его потом Егор Дмитриев из авто-мата достал.

Ребята не ушли, не бросили, хотя я сам несколько раз предлагал им оставить меня. Дрались все вместе — друг за друга и за себя. Альберт Ахметзянов, наводчик бэтэера, горящую машину покинул без автомата, отби-вался одними гранатами. Парнишка не прослужил и по-лугода, но вел себя геройски.

Когда покидали уже горящий дом, погиб рядовой Во-лодя Кечин. Несколько человек успели выскочить под выстрелами через окно. Но потом пулеметчик, видно, пристрелялся и срезал парня длинной очередью.

Около пяти утра наша группа, разделившись на двойки и тройки, пробралась в ПВД части...

Рассказывает подполковник Дмитрий Ларин:

— С боем, с кровью, но тремя бэтээрами на Минутку тогда мы прорвались. Потом подошло еще три машины с ребятами из спецназа.

Я к солдатам на блокпост зашел. Смотрю — парни мои бодрые. Хоть и устали, но блеск и злость в глазах не потухли, страха и суеты нет. Хорошо, думаю, сейчас са-мое главное Андреева Димку вытащить.

Выхожу на улицу. В это время из бэтэера хлопчик мой с ящиком патронным выбирается. И очередь авто-матная — дзинь, дзинь, дзинь! Несколько пуль по броне, одна парню в руку, около кисти.

Ящик у него перехватил, помог на землю опуститься. Тюбик промедола свой вколот, пакет достал. Затащил пацана внутрь "блока", поставил задачу: перевязать, на обратном пути заберу. И быстренько в БТР. Надо же и на другом посту боеприпасы выгрузить.

Съезжаем под "романовский" мост, останавливаем-ся у первого поста. Пока все по плану: боезапас выгру-жаем, соляркой с ребятами делимся. С офицерами об-мозговали, как дальше быть.

Стоим с ними, разговариваем. Выгрузку закончили, Андреева в бронетранспортер занесли. И тут вспоми-наю, что связист наш, Серега Удовиченко, просил "Ис-торик" с Минутки забрать. Это прибор спецсвязи. Он хоть пулей пробит, но даже и в таком виде для "духов" слишком дорогой подарок.

Забираю этот железный ящик, иду с ним к бэтээру. Держу перед собой. Это меня и спасло... Подхожу к ма-шине — на нижней крышке десантного люка лежит гра-ната. И на моих глазах скатывается на землю. Ну, думаю, горе-вояки мои при выгрузке боеприпасы теряют. Сей-час всем по шапкам наступчу. А потом доходит: запал-то в гранату вставлен... и кольца с чекой нет... и рванет сей-час эта зараза...

Успел только присесть и ящик железный перед со-бой выставить. Как она грохнула — мама дорогая!!! Гла-за открываю — тишина полнейшая. Все как в немом ки-но. Димку Андреева в бэтээр заволокли, люки захлопну-ли.

Только под мост съехали — по посту четыре выстре-ла из гранатометов жажнуло. Опоздали "духи" на полми-нуты!

11 августа. Официальная информация:

"Личный состав во взаимодействии со 101-й Ос-БрОН проводил спецоперацию по прорыву на площадь Минутка с западной стороны. В 11.00 штурмовая группа старшего лейтенанта С. Лисина приняла бой у железно-дорожного виадука. В 15.20 из ВОП "Минутка" с боем прорвался старший лейтенант Ларин на БТР-80 с тяже-лоранеными. ПВД и ВОПы обстреливались 23 раза. По-тери 5 раненых..."

Рассказывает лейтенант Олег Токарев:

— В эти дни отличился Алексей Каргин (Хитрый). Когда штурмовая группа вела бой в частном секторе, Леха вывел три бэтэера с ранеными. Пыль, дым от пожа-ров, пути не разобрать. Механики тыкаются по дворам и переулкам как слепые котята. Алексей, сам дважды ра-неный, бежал впереди машин, показывая дорогу.

Рассказывает подполковник Дмитрий Ларин:

— Первый раз мы попытались вывезти раненых с Минутки в тот же день, 7 августа. Не получилось. Только

сунулись — бронетранспортеры начали обстреливать из "граников". Ждут, гады, из-под моста носа не покажешь. Заняли круговую оборону. Огрызаемся.

Просидели мы так под мостом четыре дня. Боеприпасов хватало. Хуже с едой и медикаментами. Раненые ребята в бэтээре лежат. Когда промедол закончился, мы им коньяк из НЗ давали понемногу. Затихнет боль часа на два, забудутся они в полудреме. Потом опять стоны, зубной скрежет.

Те крохи продовольствия, что с собой захватили, тоже вскоре подьели. Если что и оставалось, раненым отдавали, чтоб хоть как-то могли силы поддерживать. Дождь прошел — воду на брезент собрали, в канистры слили, небольшой запас сделали.

Одиннадцатого числа кто-то из раненых ко мне обратился: "Командир, давайте попробуем вырваться. Здесь все равно загнемся. А так, может, проскочим. А не повезет, так хоть в бою... Все веселее".

А, думаю, была не была. Стали готовиться. Главное — с площади целыми выскочить. Потом, когда уже скорость наберем, меньше вероятности, что подожгут.

Решил использовать дымовые отстрелы на бэтээре. Пару раз для пробы из-под моста выкатились, посмотрел, куда заряды ложатся, куда ветер дым сносит. Рассчитал: еще надо будет выстрелить, чтобы площадь задымить. Потом вспомнил, что у нас еще есть ручные дымовые гранаты. Пойдет, думаю. Постараемся изобразить с их помощью подбитый БТР, может, еще несколько секунд выиграем.

Собрались, заняли места в бэтээре. Водитель и я контужены, в десантном отделении пять раненых. Один лишь наводчик более-менее нормально себя чувствует. Вот такой подобрался "экипаж машины боевой".

Разогнались под мостом, идем в гору. Чувствую, "коробочка" наша еле вытягивается. У нее, родимой, еще когда сюда прорывались, редуктор гранатометом разбило.

Стучу наводчика по колену. Он дымовую гранату поджигает и на броню кладет.

А дальше получается так. По нам бьют из гранатомета. У меня из люка голова торчит, вижу: летит огненный шар. По траектории прикидываю: или в корму ударит, или мимо. Водиле кричу: "Прибавь!"

Граната проходит впритирку над двигателем, ударяет в каменный забор. Взрыв, грохот, огонь, стена дыма и пламени. Когда она осела, разгорелась дымовая граната на броне. Эффект подбитого бэтээра полный! Как они купились на это!

(Слышу крики: "Аллах акбар! Аллах акбар!") Выбегают человек пятнадцать в зеленых повязках, с оружием. И трусцой направляются к нам. Конечно, подбитый БТР для них легкая добыча. Вот сейчас сын встанет, люки открываются...

Водителю говорю: "Прибавляй, но не быстро". И наводчику: "Твои!" Он подпустил этих бегунов метров на пятьдесят. Пока они приближались, не торопясь башню развернул. И из ПКТ... По-моему, ни один не поднялся.

Проскакиваем областной военкомат, поворачиваем к Ханкале. Своим команду даю: стволы бэтээра поднять вверх, больше не стреляем: там на подходе блокпосты федералов стоят, чем встретят — неизвестно. Мы же никого не предупреждали, что едем.

Сам опять из люка по пояс высунулся, автомат на вытянутых руках над головой держу. Подъезжаем уже к

самой Ханкале. Там танки вкопанные перед КПП. Башни разворачивают, стволы опускают, на нас наводят. Все, думаю, приехали! 152 миллиметра — это не граната или мина. Даже собирать нечего будет.

Набрал воздуха в легкие, руками машу, кричу: "Не стреляйте, свои!" Подпустили нас метров на пятнадцать. Из-за танков выглядывают, на мушке держат. "Ребята, — говорю, — быстрее, раненые у нас. И так уже четыре дня без помощи".

Выходит начальник КПП, лейтенант. "Кто такие, откуда?" Я ему: "Брат, я тебе потом все расскажу, а сейчас поехали, проведи нас к госпиталю". Заглянул он внутрь через десантный люк. Ни о чем больше спрашивать не стал, метнулся к телефону, позвонил куда-то. Потом к нам на броню запрыгнул.

Подъехали к госпиталю армейскому. Там уже три бригады врачей нас встречают.

13 августа. Официальная информация:

"...В 10.55 штурмовая группа во главе со старшим лейтенантом Д. Лариным выдвинулась в район КПП-16, в 14.45 попала в засаду боевиков. Прикрывая отход подчиненных, тяжело ранен старший лейтенант Д. Ларин".

14 августа. Официальная информация:

"В течение дня штурмовые группы старших лейтенантов А. Сивкова и О. Моисеева проводили поисково-разведывательные мероприятия по уточнению мест расположения и сил боевиков..."

Рассказывает подполковник Дмитрий Ларин:

— С утра командир поставил задачу: в пешем порядке штурмовой группе выдвинуться на Минутку, доставить боеприпасы, продовольствие, медикаменты. С Сергеем Лисиным отобрали двадцать пять человек. Пошли.

Без стрельбы продвинулись до военного городка десантников. Заглянули к ним, наладили связь, обменялись частотами, позывными. "Ребята, — говорю, — если что — выручайте". Тут мое прошлое очень пригодилось. Те как узнали, что я раньше в десанте служил, тельняшки на себе рванули: брат, только шумни — вытащим. На том и распрощались. Штурмовая группа со всеми предосторожностями двинулась дальше.

Собрались под железнодорожным мостом, по рации вышел на Минутку, на Олега Моисеева. Он говорит: сидите там, дальше не дергайтесь, сейчас вышлю группу, встретим, проводим. Наблюдателей выставили, ждем.

Стрельба началась. С каждой минутой усиливается. Похоже, те, кто вышел нам навстречу, нарвались на засаду. И мне солдаты докладывают: там двое дорогу перебегают, там между домами фигуры боевиков замелькали, потом еще с другой стороны. Понятно, обкладывать начинают.

Мозгуем с Лисиным, что дальше делать. По той улице, по которой собирались к Минутке двигаться, уже не сунешься, там наверняка ждут. Решили отойти чуть назад, взять влево.

Начинаем выполнять задуманное. Перебежками, от укрытия к укрытию, прикрывая друг друга. Но и нас зажимать стали. Обстреливают, ближе подходят. Чувствую — гиблое дело, надо возвращаться под мост. Дал команду на отход. Первым приказал прорываться Димке Танкушину, старшему сержанту из двенадцатой роты.

"Дима, — говорю, — берешь одного парня. Надо добраться до моста. Закрепиться там и оттуда прикроешь отход группы. Понял? С Богом!"

Добежали они. За ними остальные по 2-3 человека. Мы с Лисиним сидим, во все стороны гранаты из подствольников кидаем. Я краем глаза наблюдаю, как парни мои экзаме на выживание сдают. Момент один в мозгу запечатлелся. Не помню, кто из ребят бежал, но бежал быстро. А за ним фонтанчики из песка от врезающихся в землю пуль — тык-тык-тык! Дорожка такая тянется.

У меня сердце замерло: догонит — не догонит? убежит — не убежит? А парень несется: с автоматом, в броннике, вещмешок с патронами за спиной. Упал, перекатился, перепрыгнул через бетонный блок. Я про себя его хвалю: молодец, сынок, хочешь жить, будет из тебя толк. И тут он из укрытия высовывается и посылает в “духов” две длинные автоматные очереди! Я ему мысленно аплодирую: да ты, пацан, не только жить хочешь, ты у меня воевать уже научился! Ай, умница!

Короче, группа вся уже под мостом собралась. Серега Лисин там оборону организовал: слева, справа, сверху, чтоб не обошли. Остались мы вдвоем: я и Володя Погонин со своим пулеметом. Хороший солдат, спокойный, основательный. Его бойцы Дедом звали.

Подполз он ко мне. “Ну что, Дед, наш черед? Давай так: на счет “три” бежим сразу вместе. Ребята прикроют. Понял? Раз, два, три...” Выскакиваем, даем несколько очередей. Я — из “калаша”, Дед — из своего пулемета. Собираем глаза в кучу и — бежим к мосту. На ходу не стреляем, чтоб не тормозиться...

Метра три я до опоры моста не добежал, а то и меньше. Удар в живот... Такое ощущение, будто кто-то со всего маху лом в кишки вогнал. А потом выдернул и в дырку эту кипятком наливает. Боль адская!

Лежу на спине. Перевернулся набок. Как мог, подполз к опоре. Бронежилет с себя скинул. Фонтанчики вокруг меня запрыгали. “Духи” видели, что я уползаю, решили добить. Сумел еще одной рукой автомат поднять, пару очередей дал в ответ. И тут сознание уходит стало.

Слышу, бойцы мои кричат: “Комбата убило!” Голову поднял, прохрипел: “Ни хрена, я еще живой...”. И опять голова кругом пошла. Видел, как четверо солдат ко мне кинулись. Понесли...

А потом Сергей Лисин пробился в городок к десанникам и просил помощи у них.

Дальше, помню, подлетает БМД, кладут меня на броню. Десантники головами качают: как же ты, братуха, так подставился? А мне уже ни до чего дела нет. Перед глазами круги плывут, чертики прыгают.

Доставили меня на шестнадцатый КПП, оттуда на машине — в Ханкалу. А потом госпиталья, госпиталья, госпиталья...

Рассказывает старший лейтенант Алексей Сивков, кавалер ордена Мужества:

— В эти дни “духи” свою активность немного поубавили. Видно, им тоже досталось. В основном действовали снайперы, гранатометчики. Работали по нам и минометы. 13 августа на Минутке погиб рядовой Айдар Демитов. Вместо молодых пацанов он отправился за боеприпасами. И уже почти вернулся, укрылся. Снайпер сразил Айдара на последнем шаге. Но принесенные им патроны дали возможность остальным продолжать сражаться...

14 августа мы выходили на поиск и разведку. Забрались на недостроенную девятиэтажку, оттуда почти весь частный сектор как на ладони. Видно было, как по улицам перемещались группы боевиков по 3-4 человека. В прицел хорошо разглядели женщину-снайпера. Она шла с СВД и двумя “Мухами” за спиной. В бой ввязы-

ваться не стали, нас могли легко заблокировать на верхних этажах. Вернулись к своим, доложили обстановку.

22 августа. Официальная информация:

“...В 11.00 предпринята попытка овладеть зданием на пл. Минутка. При выдвигении штурмовые группы обстреляны боевиками из домов частного сектора, со стороны кирпичного завода и гаражей, ранено 5 военнослужащих.

На ул. Багратиона штурмовые группы обстреляны из выскочившего на них автомобиля ГАЗ-53 с боевиками. В результате ответного огня два боевика убиты, один боевик захвачен в плен. В ШГ имеются потери...”

Рассказывает старший лейтенант Алексей Сивков:

— Последняя значительная боевая стычка произошла у нас 22 августа. Несколькими группами проводили разведку местности, поиск своих пропавших. Дошли до первого рубежа, огляделись, с офицерами обменялись информацией: кто что видел, обнаружил, засек. Получили команду по радиации двигаться дальше. Только стали выдвигаться, летит “газон”, два боевика в кабине, один в кузове. Похоже, они сами не ожидали, что выскочат на нас.

Огонь открыли одновременно. Но прежде чем успели убить водителя, машина сбила солдата, а потом уже врезалась в столб. Водителя автоматными очередями искромсало в куски, тот, что сидел рядом, получил пулю в легкое, несколько пуль в плечо. Который был в кузове, отделался легким ранением и царапинами. Его мы доставили в ПВД. Тяжелораненого боевика перевязали, какое-то время еще несли с собой, а когда он скончался, передали местным жителям в частном секторе...

Погиб в тот день солдат рядовой Валерий Архипов. Ему выпала горькая доля стать последним шумиловцем, павшим в августе 1996 года...

23 августа. Официальная информация:

“...Боевые действия не велись...”

Рассказывает прапорщик Олег Токарев:

— После подписания перемирия вывозили технику, вооружение и людей в Ханкалу. В первую очередь, конечно же, раненых и погибших.

Когда проводили колонны через Грозный, почти на всех улицах толпились чеченцы. Кто-то молчал, но большинство злорадствовало. Помню, на перекрестке тормозулись, пропуская колонну. БТР обступила толпа, с воплями “Аллах акбар!” долбила кулаками в небо. Один из моих бойцов возьми и скажи в ответ: “Ничего, Христос воскрес...” — и перекрестил их. Толпа шарахнулась от бэтэра как от чумного.

Лишь через несколько дней, когда уже стояли в Ханкале, когда отмылись, отьелись и отоспались, до сознания дошло: кажется, мы живы....

Похоже, они и сейчас, уже отмотав не по одной боевой командировке на “второй чеченской”, еще не до конца верят в то, что вернулись живыми из того августовского ада девяносто шестого.

И застывшая у каждого в глубине глаз невыносимая боль, готовая в любой момент прорваться наружу, говорит внимательному собеседнику: мыслями они часто возвращаются туда, в охваченный огнем грозный город, где остались их боевые друзья. Они не забудут этого никогда...

Игорь НИЖЕГОРОДСКИЙ

Фото Андрея ВЯЗИНА

Полковник
Василий БЫКАДОРОВ:

Полковник Василий Быкадоров родился 11 января 1958 года в Волгограде. В 1975 году поступил в Новосибирское высшее командное училище внутренних войск. После его окончания служил в различных должностях. В 1996 году назначен заместителем командира Отдельной дивизии оперативного назначения. В 2001 году окончил Академию Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Указом Президента от 22 июня 2001 года полковник Василий Быкадоров назначен командиром отдельной бригады оперативного назначения Приволжского округа внутренних войск.

"БРИГАДА ЕЩЕ НЕ РАЗ ПОКАЖЕТ СЕБЯ..."

— Василий Алексеевич, какие основные задачи выполняют сегодня военнослужащие бригады?

— В настоящее время пункт временной дислокации соединения находится в Аргуне. Там вместе с другими силовыми структурами военнослужащие

бригады регулярно участвуют в проведении спецопераций. Кроме того, от нас выставляются заставы, КПП, подвижные КПП. Инженерная разведка местности и прикрытие войсковых колонн также лежат на плечах военнослужащих-приволжцев. Одной из основных задач является борьба с незаконным оборотом нефтепродуктов. Как всем известно, денежная подпитка боевиков напрямую связана с незаконным нефтебизнесом. Поэтому в ходе спецопераций мы разыскиваем и уничтожаем подпольные мини-заводы по производству ГСМ. Так, в трех километрах от пункта временной дислокации бригады находится знаменитая "московская скважина". Ее уникальность заключается в том, что нефть из нее идет самоотеком под давлением 60 атмосфер. Нефть отличная, и ее можно использовать для изготовления высококачественного высокооктанового бензина. В настоящий момент скважина законсервирована, и задача бригады — чтобы она и оставалась в таком состоянии. Попытки ее расконсервировать не прекращаются по сей день.

Другим не менее важным объектом является ТЭЦ-4. Это крупнейший в республике энергоузел, который является символом восстановления Чечни. После многочисленных попыток боевиков уничтожить объект было решено взять его под усиленную охрану.

— **С началом контртеррористической операции бригада постоянно находится на территории Чечни. Существуют ли трудности с заменой личного состава?**

— Скажу больше: бригада не вылезает из горячих точек вот уже 13 лет. Что касается замены личного состава, то трудностей, связанных с ней, не возникает. У нас нет ни одной сводной роты и ни одного военнослужащего другой части. В этом заключается ценность бригады — меняем сами себя. Насколько мне известно, таких бригад две: наша и калачевская. В отличие от ОМОНов, которые приезжают и уезжают, мы здесь находимся постоянно. В месяц меняется всего 100-120 человек, а проверенный в боях костяк остается. Подготовка и обучение смены проходит в

пункте постоянной дислокации соединения. Для этого там созданы все условия. В течение полугода солдаты готовятся к командировке. По прибытии в Аргун они еще некоторое время несут службу вместе с теми, кого меняют. То есть происходит плавный ввод в служебно-боевую деятельность.

— **Какие наработки вы используете при подготовке личного состава, убывающего в Чечню?**

— В пункте постоянной дислокации оборудован макет территории, входящей в зону ответственности бригады. Отдельным ее элементом является Аргун. Здесь реально воссозданы все улицы, здания и другие объекты. На этом макете военнослужащие впервые знакомятся с местом, где им предстоит выполнять служебно-боевые задачи. Здесь показаны наиболее опасные участки. Но учеба продолжается и в пункте временной дислокации. Для этого там построена стационарная застава, где отрабатываются действия в различных условиях, осуществляются полевые выходы с упражнениями учебных стрельб. Кроме стандартных упражнений выполняются и нестандартные — ведение десантом огня из БТРа на ходу, военнослужащие стреляют "от пояса". Много внимания уделяется ведению огня из-за различных укрытий, например зданий. Кстати, стрельбище у нас было сооружено у первых в группировке. К тому же только у нас есть директриса для ведения огня из БМП, БТР и даже малый артиллерийский полигон.

— **Бытует мнение, что с каждым годом качество призывников падает. Как вы характеризуете морально-деловые качества нынешних солдат? Хотят ли они служить в горячих точках?**

— Я вообще не поддерживаю такое мнение. В основном приходят служить нормальные, толковые ребята. Они воюют, и очень неплохо воюют. А их отношение к службе, настрой и подготовленность могут дать фору любому контрактнику.

Я был бы не до конца честен, если бы сказал, что все солдаты едут в Северо-Кавказский регион с удовольствием. В частности, у нас были проблемы с призывом из Башкирии. Но это единичные случаи, кото-

рые объясняются религиозными взглядами. Славяне же, напротив, охотно едут в горячий регион, как говорится, с чувством благородной ненависти к творящемуся там беспределу.

Повторюсь, идут служить нормальные ребята. На присяге я даже удивился, когда в строю увидел прямо-таки гренадеров. Приятно посмотреть — богатыри.

— Но чтобы из такого “богатыря” получился хороший солдат, много усилий требуется от офицера?

— Именно с офицерами в недавнем прошлом возникли проблемы. Точнее, проблемы из-за их отсутствия. Поскольку бригада безвылазно находится в горячем регионе, практически у всех офицеров, да и у прапорщиков и контрактников накапливается большое количество выходных, которые затем мы им должны предоставить. Получалось так: пробыв положенный срок в командировке, офицер приезжал домой и сразу уходил в отпуск, порой прямо до следующей командировки. Кроме того, что он сам терял командирские навыки, людьми, которых надо готовить для замены, заниматься было фактически некому. Потом этот офицер ехал в командировку с теми, кого сам не готовил, кого плохо знал. Процесс обучения и воспитания был нарушен.

Приняв должность, я сразу объяснил, что просто не смогу предоставить сразу всем выходные, и попросил поработать временно без выходных за командировку. За счет этого в бригаде пошел и процесс обучения, и воспитательный процесс. Коллектив сплотился, ведь все понимают, что мы работаем не просто на результат, а для того, чтобы пацаны домой живыми возвращались. Были, конечно, недовольные. Некоторые просто не выдерживали такого бешеного ритма работы. Все они написали рапорта и уволились. Остались только лучшие, которые хотят и умеют работать, добросовестно относятся к службе.

Вообще большой ротации кадров в соединении нет. Офицеры держатся за свою работу. И пресловутых “невъездных” в бригаде тоже нет.

Меня, как командира, радует еще и тот факт, что офицеры просятся в бригаду. Из Приволжского окру-

га внутренних войск приходят, даже из Министерства обороны. Тем, кто приходит, я сразу говорю, что будет трудно...

— Василий Алексеевич, какие проблемы беспокоят вас, как командира?

— Самая большая проблема — это жилые площади под личный состав срочной службы. Если сейчас вывести бригаду из пункта временной дислокации, то жить военнослужащим будет негде. Разместить на данный момент реально только около половины бригады. Поэтому жизненно необходимо построить две пятиэтажные казармы и отремонтировать тот жилой фонд, который есть. Если с последним мы еще как-то справляемся, то с капитальным строительством сложнее. До сих пор недостроена одна пятиэтажная казарма, а необходима закладка еще одной. Такого плачевного состояния бытоустройства и размещения, видимо, нет ни в одном соединении.

Одно радует, что не так давно построена новая столовая. Четыре года военнослужащие бригады принимали пищу, приготовленную в походных кухнях. Ели из котелков — как на войне. Сейчас же в новой столовой приятно находиться, да и качество пищи на высоком уровне. Не стыдно приводить родителей наших солдат.

Другая проблема — боевая техника. Например БМП в бригаде — 68-го года выпуска. Прошли все горячие точки последних лет и теперь все чаще и чаще выходят из строя. Их ремонт забирает много энергии, которую можно было бы пустить и на боевую подготовку, и на строительство.

Конечно, в последнее время многое сдвигается с мертвой точки. Сейчас сможем солдатскую баню отремонтировать, все казармы, подготовим их к зиме. Да и с техникой обещали помочь. Так что будем работать. А результат не заставит себя долго ждать — бригада еще не раз покажет себя. С лучшей стороны.

Беседу вел
старший лейтенант Вадим ВИННИК
Фото автора

856 МЕТРОВ

НАД УРОВНЕМ МОРЯ

“Лучше гор могут быть только горы”, — пел Владимир Высоцкий. И невозможно с ним не согласиться, когда, кружа на вертушке над вершинами Веденского ущелья, наблюдаешь их величие, понимаешь и чувствуешь все их величие и мощь, навсегда пленяясь их молчаливой красотой.

Высота 856,0, отмеченная на оперативной карте командующего группировкой как ротный опорный пункт одной из оперативных бригад ВВ МВД России. Он начинается на юго-восточной окраине чеченского поселка Дышне-Ведено, этой колыбели чеченской нации, сердца Ичкерии, вотчины печально известного, ныне почти уничтоженного бандитского клана Басаевых, других “вождей нации” рангом пониже. Край заповедный и дикий: дальше на юг в этом направлении дороги практически нет, сплошные тропы, петляющие по горам — вплоть до границы с Грузией и Дагестаном. Кое-где малонаселенные аулы да пограничные заставы Итум-Калинского погранотряда. Когда побываешь здесь, становится понятным, по-

чему у боевиков горы — любимый район базирования. Когда начинается сезон так называемой зеленки, сплошным ковром покрывающей всю окружающую местность, пытаться разглядеть что-либо под зеленым покровом,

даже в самую мощную оптику — дело зряшное. Так и “начальник высоты”, командир усиленного ротного опорного пункта, или просто РОПа, полковник Андрей П. говорит. Так что летно-песенное “мне сверху видно все, ты так и знай” здесь звучит как-то фальшиво. Зато сам поселок хорошо просматривается и невооруженным глазом. Панорама открывается великолепная. Как на ладони: домики, мечеть, луг, пасущееся стадо. Надо думать, что оттуда, снизу, открыто стоящие люди видны также хорошо. Однако здесь есть где укрыться. Когда в свое время оборудовали позиции, пришлось изрядно попотеть. Грунт тяжелый, каменистый. И все лопатой да киркой, которых сломали немало, пока основательно вгрызлись в землю. Теперь здесь есть мощная система оборудованных по всем правилам инженерных сооружений: траншей, огневых точек. Целый подземный город: блиндажи и землянки — на всю роту; ходы сообщения — в полный рост; окопы — хоть “для стрельбы на лошади стоя”!

Примерно в километре виднеется разрушенное семейное гнездо террориста Басаева, рядом — лучше сохранившаяся осиротевшая резиденция почившего Хаттаба. Основные дорожки в лагере РОПа выложены, кстати, из кирпича с басаевской “фазенды” и попираются ныне сапогом российского солдата, что в общем-то знаменательно само по себе. Соппадений здесь, впрочем, и без того достаточно: например, начальником разведки тут служит майор Дмитрий А. Его супруга родом из Буденновска. В тот июньский день 1995 года она оказалась заложницей, вместе с двухгодовалым сыном стояла под прицелами террористов в оконном проеме захваченной больницы. Бог ее миловал. Тогда и поклялся находящийся в первых рядах оцепления Дим Димыч, как еще его величают старые знакомые, поквитаться с чеченским Робин Гудом, названным

так тогда суперлиберальной прессой. И вот, раненный и дважды контуженный, он здесь. А его пощипанный должник где-то прячется по горам и лесам. “Ничего, у меня терпения хватит, — говорит майор, — а живого или мертвого я его все равно разыщу”.

— По ночам, а то и днем по нам часто ведутся обстрелы, — рассказывает командир РОПа. — Последний пример: стреляли из мечети, до которой от нас всего 800 метров. При зачистке в ней обнаружили снайперскую винтовку, автомат, боеприпасы. Наблюдение за нами ведется несущинное и постоянное, в том числе и в радиозфире. Приходится об этом напоминать, особенно вновь прибывшим. Но все равно от потерь здесь уберечься удается не всегда. В этом году у нас в результате постоянных обстрелов имеется две потери. 27 апреля на водозаборе выстрелом снайпера с близлежащих разрушенных зданий был смертельно ранен солдат. Пуля попала в бок между передними и задними защитными пластинами броника и прошла прямо под сердце. Наши медики пытались спасти парня, был срочно вызван вертолет, но ранение оказалось несовместимым с жизнью, по дороге солдат скончался. Второй случай произошел буквально несколько дней назад, когда был ранен разводящий караула младший сержант Тихонов при проверке службы ночью. Одна пуля попала ему в руку, вторая застряла в разгрузнике. Этому парню повезло больше.

Одна из наших задач здесь, продолжает рассказ Андрей Николаевич, оказание всесторонней помощи всем федеральным структурам, находящимся в районе дислокации, в первую очередь ВОВД района. Любое обострение ситуации в поселке, где расположена комендатура, — и мы тут как тут; если надо провести колонну на Агишбатой или Хатуни — опять мы здесь. Когда в марте прошлого года под Жановедено попала в засаду колонна пермского ОМОНа, ближайшим к ним оказался наш РОП. Ну и раз-

бившийся 29 апреля армейский Су, который, как передавали по телевизору, долго не могли найти, упал буквально километрах в четырех от нас. На его поиски, как вы догадались, ходи-

ли опять мы.

Однако главная опасность, которая подстерегает здесь любого, кто попытается самостоятельно выйти за территорию лагеря, — это мины. Их вокруг разбросано очень много. И наших, и чеченских. Заминированы не только леса и горные тропы, но и основные дороги, в том числе и в самом поселке. Буквально два дня назад на улице Ленина в результате подрыва погибло двое и ранено семеро милиционеров. Подрыв, по мнению полковника П., скорее всего следствие расхоженности сотрудников комендатуры. Инженерную разведку маршрутов движения, они, как правило, не проводят, надеясь на авось. К сожалению, это часто приводит к столь трагичным последствиям.

Для гарнизона РОПа проведение инженерной разведки — святая святых. Но даже вполне мирная, казалось бы, поездка на водозабор, который наблюдается с “горки”, превращается в настоящую вылазку, или попросту боевую операцию, где все без скидок на расстояния: впереди — саперы со щупом и миноискателем, рядом — кинолог со спаниелькой Леськой, сзади урчат бэтры. В готовности — группы прикрытия. Кажется, все это очень громоздко и нелепо ради всего лишь одной бочки воды, но цена слишком высока — жизнь! Однако довольно

часто, когда через их зону ответственности проходят колонны, а порой это бывает ежедневно, саперы "чистят" уже всю свою дорогу, длиной примерно в 15 километров.

15 километров напряженного всматривания в каждый камешек, в каждый бугорок на дороге и вблизи нее. Не торчит ли где-нибудь коварный проводок? Не замечено ли чего-нибудь подозрительного? Не так лежит дерн. Откуда-то за ночь "вырос" кустик? Тут не только глаза, тут и ноги элементарно заболят. Расстояние-то не детское, да и мины не сигнальные. "Противопехотками" боевики здесь не балуются. Если уж ставят, то что-нибудь солидное. Любимый размерчик: гаубичные боеприпасы калибра 152 мм. Чтобы рвануло наверняка. Чтобы людей — в клочья, а технику — в решето, чтобы сделать ее страшным изуродованным памятником, каких немало ржавеет на дорогах войны. А потом добить раненых и контуженных контрольным выстрелом в голову. Любимый способ подрыва — по радио. У наших не в каждом подразделении примитивные милицейские "Танталы" есть. А здесь в пластиковые бутылки вкладываются "Кенвуды" и "Эрики", подсоединяются аккумуляторные батарейки и далее проводки уже к зарядам тянутся. И

лежат, зарывшись в землю, 152-мм "поросята", есть не просят, ждут команды. Такая вот элементарная электрическая цепь. В какой толькой школе учили ее замыкать?

15000 метров — это примерно 30000 шагов по враждебной, готовой в любую минуту встать на дыбы дороге. На заборе, недалеко от места подрыва комендачей, белеет листок. Прилепленная на жвачку листовка: сверху — "Бисмиллахиррахъманиррахим!" (это вместо приветствия). Внизу рисунок — коран и кривая араб-

ская сабля (это вместо подписи). Очередная страшилка с угрозой всем "русским свиньям" и мусульманам, сотрудничавшим с неверными.

А жизнь в поселке теплится, отдельные жители изваяниями застыли у домов, это уже хорошо. Значит, здесь не должно быть мин, а вот что дальше?

Дорогу все равно нужно пройти всю. Ножками, под взглядом недобрых глаз, под проливным дождем или изнуряющим зноем, а где-то и на мушке снайпера. И кому? Асам, профессионалам? Нет, они избегают себя так называть. Просто саперам внутренних войск. Санитарам чеченских дорог.

Буквально вчера, уже в конце маршрута, одним из них было обнаружено радиоуправляемое взрывное устройство, заложенное на обочине дороги. Расчет делался, видимо, на потерю нашими парнями бдительности. Но солдат обратил внимание на чуть торчавший из земли проводок и не стал сомневаться, вовремя подал команду: "Обнаружен фугас!" Военнослужащие мигом рассредоточились на безопасном расстоянии и открыли шквальный огонь по придорожному лесному массиву. У боевиков не выдержали нервы, рванул мощный взрыв, вырыв у дороги три большие воронки. Позднее кошкой была дернута и обесточена начинка, состоящая из "Кенвуда", помещенного в стандартную пластиковую полуторалитровую тару. Наверное, сегодня кто-то из выпускников диверсионно-подрывной школы имени Эмира Хаттаба завалил хорошо подготовленный экзамен. Зато на "отлично" его сдал наш боец из инженерно-саперного подразделения, которым командует капитан Андрей А., рядовой Евгений Бычков, уроженец Красноярского края.

В учебном городке ИСР есть что посмотреть: и все это не макеты, а обезвреженные Андреем Сергеевичем и его подчиненными заряды. А эта страшная находка с разрешения "ликвидатора" в виде подарка отправляется в музей. Нет, не "Поля чудес". А внутренних войск.

На другой день на этой же дороге вновь гремит взрыв. На этот раз "душки" заложили 82-мм минометную мину в кострище на месте прошлого привала саперов в надежде, что парни, расслабившись, потеряют бдительность. Просчитались они и на сей раз. Шансов на успех им не оставил сапер Абдулла из Кабарды. Он же, как-то проходя в составе инженерного разведдозора мимо веденского рынка, ответил почеченски поливавшим грязью его товарищей "мирным" жителям, что, мол, нехорошо так ругаться правоверным мусульманам, чем немало смутил расходившихся "джихадовцев".

Недалеко от места подрыва заряда стоит православный крест. Тут в прошлом году в устроенной засаде погибли трое наших военнослужащих. Вечная им память!

Впереди — мост и соседний блокпост. Конец маршрута. Дошли!

Пропылив, дальше, на Сержень-Юрт, прошла колонна. На прощание помахав рукой, проехал на замыкающем бэтре знакомый разведчик; прострекотав в вышине, улетел вертолет сопровождения, и саперам пора собираться в обратный путь. Задача выполнена.

А поздно ночью высота 856,0 вдруг оживет артиллерийскими залпами. Боевую вахту подхватят минометчики батареи, которой командует капитан Андрей С. Получив точные координаты целей, они совместно с приданной батареей 120-мм самоходных пушек "Нонна" (пример отличного взаимодействия армейцев и взвэшников, кстати) будут долбить по квадратам расположенные в окрестных лесах базы боевиков. На следующий день по каналу ЗАСа придет информация: "В результате ночного артобстрела в квадратах ... уничтожено 18 боевиков".

Костью в горле, крепким орешком стала для боевиков эта застава в горах. Чего только не предпринимают они, чтобы выжить военных с высоты. В ход идут самые грязные методы ведения войны, вплоть до попыток

опорочить военных или взять их измором. Однако, как говорят на Востоке, "собака лает — караван идет". И никакая, даже самая злая собака не сумеет остановить караван, идущий к миру!

Вдаль и до горизонта, уходя в облака, карабкались горы. Вершины самых высоких из них ослепительно блестели на солнце, ниже по склонам бушевала почти тропическая зелень. Природа словно показывала возможность сосуществования контрастов. Зимы и лета. Войны и мира. Го-

ворят, чтобы добраться до снежной вершины, надо идти несколько недель. Дорога к миру здесь вряд ли будет короче.

Илья РОМАНОВ
Фото автора

Ведено — Москва

Письма в номер

Ветеран забытого полка

Пишет вам капитан запаса Куделин Владимир Антонович. Хочу рассказать о моей судьбе. Может быть, она вам покажется интересной.

На срочную службу во внутренние войска МВД, тогда еще СССР, меня призвали поздно, в 24 года. Службу начинал в Грузии радиотелеграфистом. Отслужив, остался на сверхсрочную в должности часового КПП. Должность эта требовала внимательности, и мне эта моя черта характера пригодилась. Однажды, обратив внимание на появившиеся на моем участке непонятные провода, сообщил об этом начальнику караула, предотвратив тем самым побег осужденных. Через полтора года службы меня направили в Орджоникидзевское училище ВВ, окончив которое в декабре 1969-го я в звании лейтенанта прибыл для прохождения службы в Сибирь, в Алтайский край. Скоро ко мне с Кавказа переехала семья, продав там дом.

Служба на новом месте заладилась. Сказались и жизненный опыт, и значительная разница в возрасте с моими подчиненными. Уже в первый год мой взвод был признан лучшим в батальоне. Таковым и оставался все девять лет моей службы на этой должности. Я старался узнать подчиненных поближе, вникать в их проблемы, больше работать индивидуально. Это и приносило свои результаты. Ни один из них не уволился без награды: грамоты или знака "За отличие в службе". Многие, кстати, оставались на сверхсрочную службу. Человек пять поступили в училище. И письма многие писа-

ли, в гости приезжали. Хорошие у меня были подчиненные!

В свое время попал я в опалу из-за того, что обратился к бывшему в часть с проверкой генералу Николаеву с предложением по перераспределению обязанностей среди офицеров. Однако, как вы догадались, ничего не изменилось, и я ходил в "отверженных" до 1979 года. А как только комбата от нас перевели, меня назначили сначала помначштаба, а потом командиром роты. ИТК, которую охраняла моя рота, была весьма сложным участком. Очень много среди осужденных было попыток побега, но мои солдаты, порой с риском для жизни их предотвращали. За девять лет, которые я пробыл на должности командира роты, не было допущено ни одного побега. И я этим до сих пор горжусь.

А в 1988 году пришел приказ увольнять тех, у кого выслуга не соответствует званию. Мне было 47 лет, а в капитанском звании можно было служить до 45. Нужно было или майора присваивать, или на пенсию провожать. Начштаба направил мои документы на присвоение воинского звания на ступень выше, но их не утвердили и, вручив медаль "За отличие в воинской службе", меня отправили в отставку. Два с половиной года не дали дослужить до 25 лет.

Вскоре и саму часть расформировали, передав функции по охране ИТК Минюсту. Правда, подразделение, созданное на базе моего батальона, считается как бы его правопреемником, но задачи у него совершенно другие, командование полностью поменялось. Кто-то из моих бывших сослуживцев ушел работать в администрацию

колонии, кто-то вовсе уволился. И ветераны части остались за бортом. Нет, нас изредка приглашают на праздники, но когда я как председатель совета ветеранов обращаюсь за помощью, то часто слышу в ответ одно и то же: то денег нет, то оркестр в отпуске... Оно, конечно, понятно. Части воюют, своих проблем хватает, не до стариков. Но нам ведь тоже обидно, оркестр-то нам сегодня бывает нужен не для праздников! Те, кто внутри колонии работали, к УВД относятся, и начальник УВД помогает им. А мы ничьи вроде...

В преддверии приближающегося 200-летия МВД главнокомандующим войсками в очередной раз предписано всем командирам частей проявлять должную заботу о ветеранах. Думается, и командование расквартированного в нашем городе подразделения найдет время и возможности проявить внимание к своим ветеранам. Но что будет, когда юбилейные мероприятия закончатся? Неужели опять забвение? Хочется надеяться, что командование части не будет ждать новых юбилеев и указаний сверху, а станет руководствоваться здравым смыслом и совестью.

С уважением, капитан в отставке
Владимир Куделин.

История сильной женщины

Пишет вам сослуживица супруги погибшего при исполнении служебных обязанностей подпол-

ковника Владимира Мезенцева. Пять лет назад, 26 февраля, его вместе с другим офицером части подполковником Виктором Овсянниковым расстреляли по дороге на службу два самовольно оставивших часть преступника в погонах.

Жизнь этой семьи протекала у нас на глазах. Сразу после окончания Новосибирского училища ВВ МВД России лейтенант Мезенцев и очаровательная выпускница омского техникума Лариса сыграли веселую и шумную свадьбу. Гости смеялись, что жених только десять дней и погулял на свободе, но молодые на подколы внимания не обращали. Они были абсолютно счастливы.

Мезенцеву повезло со службой. Его, одного из лучших выпускников, оставили в училище, дали комнатку. Через пару лет — квартиру. Родилась дочь Катенька. Затем учеба в Академии имени Фрунзе, переезд в столицу. Комнатка 13 квадратных метров. Лариса устраивается работать в детский садик. Сначала нянечкой, затем воспитательницей. Она обожала малышек.

После академии Мезенцевы переезжают в Таджикистан. Жизнь в столице республики сначала напоминала красивую сказку: пышная южная природа, восточный базар. Когда в республике начались волнения, переросшие в вооруженные столкновения, стало страшно. Муж не мог вырваться домой, пропадал сутками на службе. Его батальон охранял тогда Дом правительства. Когда ему, окруженному в этом здании сторонниками оппозиции, предложили сдать оружие, майор объяснил, что его подчиненные хорошо вооружены и достаточно обучены, сдаваться не намерены. И тогда прозвучала вкрадчивая фраза: «А ваша семья тоже ничего не боится? Что скажешь, начальник, если завтра на переговоры принесут головы твоих жены и дочери?». Реакция офицера была мгновенной. Уже через два часа солдат-водитель вывез его семью на охраняемый военный аэродром...

Когда батальон был расформирован, семья Мезенцевых вернулась в Новосибирск. Молодого майора прекрасно помнили в училище, и он вернулся к знакомой работе. Сначала преподавателем, потом старшим преподавателем, затем командиром курсантского батальона. Три года семья офицера жила в частном домишке, приульнувшемся на окраине города. Когда начала формироваться оперативная часть в Томске, Владимиру Мезенцеву предложили должность замкомбрига и ...трехкомнатную квартиру. 10 месяцев жизни на новом месте пролетели в хлопотах по обустройству родного гнездышка. Казалось, счастье вновь начало улыбаться семье офицера. А потом грянули те выстрелы.

Тогда, по сути, в чужом городе Лариса очень нуждалась в помощи и поддержке друзей, сослуживцев, соседей. Среди таковых оказалась Марина Жилинская. После работы она сначала заходила к Ларисе узнать, как дела, а потом уже шла домой. Подруга старалась всячески отвлечь женщину: таскала по магазинам, выводила в город. Можно сказать, была той жилеткой, в которую Лариса выплакала свое горе. Постоянно помогали Володины сослуживцы. Если что-то было нужно, тут же выделяли машину, людей. Без их помощи и внимания вдове было бы очень тяжело. Командование помогло перебраться в Новосибирск, где похоронили мужа, предоставило квартиру, помогло устроиться на работу, сначала в училище, а потом и в округе. Не забывают Ларису и сослуживцы по Томску. Постоянно звонят, заходят в гости.

Очень важно, чтобы в тяжелые минуты рядом были близкие люди. Вот и Ларисе, если можно так сказать, повезло: семьи Прокопьевых, Губайдуллиных, Жилевских окружили ее теплотой и вниманием. Особенно это важно на первых порах, когда надо, чтобы люди просто приходили в опустевший дом, вспоминали, говорили. Как бы взяли шефство. Это ведь не так

просто — приходите в дом, где случилась беда. Не ради того, чтобы вручить цветы или подарок и быстренько уйти. А слушать, вместе плакать, вспоминать, приходите не от праздника к празднику, а постоянно. Чтобы помочь привыкнуть к одиночеству, которое обрушивается внезапно.

Лариса — сильная женщина. Она нашла в себе мужество не просто выжить, но начать все сначала. Снова полюбить, создать семью.

Говорят, тот, кто однажды разбил, боится снова подниматься в небо. Но это про слабаков. Сильный человек, если он уже почувствовал радость полета, если он умеет летать — обязательно снова поднимется под облака. И будет счастливым. Потому что в памяти нашей души остается не падение, а радость полета.

Старший прапорщик
Евгения Буторина.

От редакции. Вот такие два письма одновременно пришли в редакцию журнала. Объединить их мы решили по той простой причине, что в них прослеживается судьба людей, отдавших войскам самое дорогое: годы, здоровье и даже жизнь любимого человека. И как разнятся их судьбы в дальнейшем, если взглянуть на отношение к ним сослуживцев, командования по прошествии нескольких лет. Не хочется проводить какие-то параллели, обвинять кого-либо в бездушном отношении к людям и делать скоропалительные выводы. Ведь если самый лучший лекарь — время, то, безусловно, лучший судья — совесть.

Русский офицер едет на Кавказ,
Сто и двести лет — бегут года,
Свято помнит он дедовский
наказ —
Защищать российские юга...

(Из песни группы
"Восточный синдром"
"А на Кавказе...")

И ТОГДА НАСТАНЕТ ЗАВТРА

В первом ряду —
вернувшиеся из
Чечни бойцы, ге-
рои статьи

В воинском коллективе в пункте постоянной дислокации воюющей части идет перемещение военнослужащих, сплошной служебный круговорот. Вернувшись с ППС или караула, бойцы практически тут же готовятся к выполнению новых задач. Нагрузка на каждого солдата или офицера возрастает многократно, поэтому увидеть среди бела дня в комнате информирования и досуга роты связи группу военнослужащих, не задействованных на службе, было несколько странно.

Просторная комната. Неброские обои, аквариум, кашпо с цве-

тами. Книжная полка: Чаковский, Маяковский, Хемингуэй, свежий номер газеты "Русь Державная"; видеодвойка с набором не самых свежих боевичков: "Рейнджеры из атомной зоны", "Последний из племени людей-псов", "Кавказский пленник" с Олегом Меньшиковым. Бросается в глаза стенд "Вы в памяти нашей навечно", посвященный павшим в боях сослуживцам.

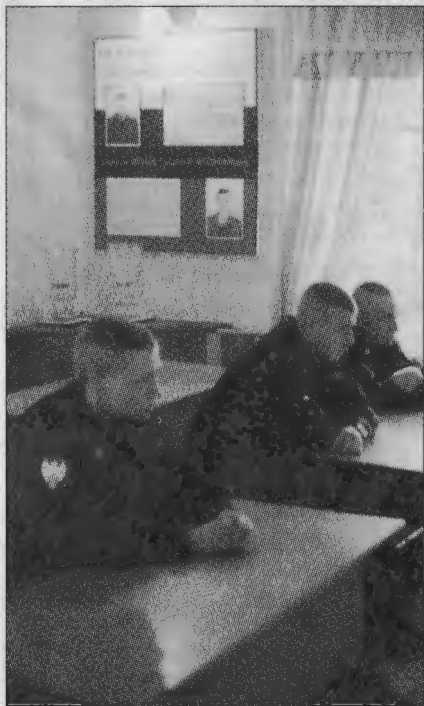
Впрочем, все прояснилось. Ребята, отслужившие в Чечне, прибыли в часть, ждут указа президента об увольнении в запас. Рядовые Алексей Пономарев — с Ор-

ловщины, Александр Красиков — вологжанин, Илья Путинцев — воронежский. На груди у каждого знаки "За отличие в службе", "Участник боевых действий в Чечне". Неудобно как-то и спрашивать, оценила ли это их по достоинству Родина или им, чертыхаясь, пришлось покупать этот "дембельский набор" у опостылевших торгашей, развернувших свой прибыльный бизнес вблизи военных городков. Все они честно отпахали в Чечне по десять месяцев, а Александр даже больше года. Практически каждый день ребятам приходилось выезжать на

боевые операции, участвовать в инженерной разведке.

— Проверяли дороги, находили фугасы. Всего более двадцати. Бывало, несколько недель пусто, а потом каждый день — по сюрпризу, а то и по два. Часто попадали под обстрелы, — не спеша рассказывает самый разговорчивый из них, Алексей Пономарев.

Во время одного из таких выходов, 20 августа прошлого года, под Алхан-Юртом, на его глазах погиб сослуживец, кинолог Николай Чачин — подорвался на фугасе, еще двое его товарищей полу-

Перед командировкой в Чечню. А. Воротников, Д. Саглаев, В. Тимофеев.

чили ранения. Алексей находился в тридцати метрах от эпицентра, его чудом не зацепило тогда. А уже на другой день они снова вышли на "тропу войны". А как иначе? Если откажешься ты, то вместо тебя пойдет твой товарищ.

— Однажды при проведении инженерной разведки в самашкинском лесу, — включается в

разговор Александр Красиков, — я был в первой машине колонны, с радиостанцией, и вдруг кто-то из экипажа заметил на обочине дороги фугас, сквырнутый туда шедшим впереди грейдером. Я подал условный сигнал, колонну остановили, боеприпас подорвали и пошли дальше.

Только и всего. Немногословные ребята из российской глубинки, не претендуют на лавры суперменов, скромны и невзыскательны. Считают дни до дембеля и ждут, когда появятся деньги в кассе. Кто-то, может быть, подумает: "Ну какие же они супермены или герои? Вот спецназ или разведка — это да, крутизна!". Но ни один здравомыслящий командир спецназа не рискнет выдвигаться куда-либо без ИРД. Не раз выручали эти ребятки и спецназ, и десантуру, выходя на поединок со смертью. И выдержка здесь должна быть железная, ибо неизвестно, где притаилась смерть и в каком она будет выражена эквиваленте. Хотя об этом как раз лучше и не думать.

А жизнь идет своим чередом. На смену увольняемым солдатам должно прийти пополнение.

Здесь же в роте находятся бойцы, которые ждут команды на отправку в Чечню. Прямо как пассажиры на вокзале в зале ожидания. Их тоже трое. Рядовой Александр Воротников родом из Новосибирска. Прослужил 16 месяцев в Брянске. Когда предложили отправиться в Чеченскую республику, он недолго думая согласился. Причина вполне обычна для солдата — желание испытать себя. Рядовой Денис Саглаев, курянин, прослужил 9 месяцев. Горячего желания ехать в командировку у него нет, все-таки служил рядом с домом. Однако отказываться он не счел возможным. Поедет с ним и рядовой Валерий Тимофеев, также военный водитель. Домой все дружно, не сговариваясь, о перемене места службы решили пока не писать, хотя родные Дениса уже и дознались. Отцу он сумел объяснить необходимость этого мужского поступка, а вот с мамой сложнее.

Ничего, ребята, хоть и тяжела жизнь солдата, не располагает он

подчас своей судьбой, однако отказать от командировки — значит запятнать свою короткую биографию. Тяжело потом будет вспоминать годы армейской службы, натываясь на этот неприятный момент.

Да и среди офицеров хватает желающих послужить России на Кавказе. Про одного из них рассказал мне офицер отделения по работе с личным составом бригады майор Олег Попов. Капитан Игорь Ц. на должность заместителя командира отдельного разведбата по работе с личным составом бригады, дислоцированной в Чечне, попросился сам. Семья, дети и даже трехкомнатная квартира — все это у капитана есть. Нет только спокойствия в душе. За державу обидно. И еще. Именно из этой части и именно в разведку легендарной 101-й бригады также добровольно перевелся в разгар первой чеченской кампании его сослуживец и товарищ капитан Олег Визнюк, героически погибший в Грозном в августе 96-го, ставший впоследствии символом мужества и отваги для разведчиков внутренних войск. Старую русскую офицерскую традицию — заменить павшего товарища — однополчанам надо продолжать, считает Игорь.

Пишу об этом в пику досужим разговорам, что, дескать, в Чечню едут служить далеко не лучшие наши кадры, либо бесперспективные любители "зеленого змия", либо разочаровавшиеся в жизни, эдакие Печорины. Бросьте судить с собственных благоустроенных колоколен на бой идущих! Они сегодня дают нам надежду, что у нас все же будет завтра.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**
Фото автора

Курск — Москва

Участие в федеральной целевой программе "Государственные жилищные сертификаты" — это реальная возможность для увольняемых в запас военнослужащих получить жилье. Поэтому понятен интерес наших читателей.

В этом выпуске "Квартирного вопроса" мы решили дать ответы на наиболее часто возникающие у них вопросы.

1. Какими правовыми нормами следует руководствоваться при постановке на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий?

Статьями 30 и 31 Жилищного кодекса РСФСР и Примечными правилами учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений в РСФСР (утверждены постановлением Совета Министров РСФСР от 31.07.84 № 335) установлено, что принятие на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, осуществляется органами местного самоуправления по месту жительства. При этом они должны руководствоваться Правилами учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054.

2. Каков порядок формирования очереди на получение государственных жилищных сертификатов?

Согласно п. 16 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 19.03.2002 № 168 (далее — Правила), установление очередности граждан — участников программы для получения сертификатов осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в той же хронологической последовательности, в какой каждый из них был поставлен на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий в соответствии с за-

конодательством Российской Федерации.

3. Кто и на какое время рассчитывает размер безвозмездной субсидии по программе?

Согласно п.9 Правил размер субсидии рассчитывается федеральным органом исполнительной власти или органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющим выдачу сертификатов, указывается в сертификате и является неизменным на весь срок действия сертификата. Расчет размера субсидии производится на дату выдачи сертификата.

4. Как поступить с выданным государственным жилищным сертификатом в случае изменения состава семьи участника программы?

В соответствии с Правилами выдача сертификатов гражданам, уволенным с военной службы, осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При ситуации, приведшей к изменению состава семьи участника программы, необходимо информировать рабочую группу, созданную при администрации области для реализации программы. При наличии у владельца сертификата обстоятельств, потребовавших замены сертификата, владелец возвращает его в орган исполнительной власти, выдавший сертификат, с заявлением о замене (с указанием причин замены). Решение о замене сертификата принимается органом исполнительной власти, выдавшим сертификат, в течение 10 дней с даты получения заявления владельца сертификата. Ранее выданный сертификат вместе с корешком направляется государственному заказчику.

5. Как при этом будет производиться расчет размера субсидии?

В соответствии с п.20 Правил. Если замена сертификата производится, например, в связи с его утерей, расчет размера субсидии в новом сертификате будет сделан, исходя из рыночной стоимости 1 кв. метра общей площади жилья, действовавшей на дату выдачи сданного сертификата.

В случае смерти владельца сертификата расчет размера субсидии в новом сертификате производится на дату выдачи нового сертификата, исходя из нового со-

става семьи и средней рыночной стоимости 1 кв. метра общей площади жилья на территории субъекта Российской Федерации, избранной для постоянного проживания.

6. Можно ли, имея жилую площадь для постоянного проживания ниже установленной социальной нормы, стать участником программы?

В соответствии с условиями программы ее участниками могут быть только граждане, не имеющие жилых помещений для постоянного проживания на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Таким образом, если гражданин имеет постоянную регистрацию в жилом помещении, то независимо от его площади и числа прописанных там граждан, он не может быть участником программы "Государственные жилищные сертификаты".

7. Можно ли получить жилищный сертификат, не давая обязательства о сдаче служебной квартиры?

Согласно п. 30-е Правил для получения сертификата гражданин — участник программы, в числе других документов, обязан предоставить в комиссию справку квартирно-эксплуатационного органа о сдаче жилья по последнему месту службы (для граждан, не имеющих жилых помещений для постоянного проживания) или обязательство о сдаче жилого помещения после приобретения жилого помещения с помощью сертификата.

8. Могут ли принять участие в программе "Государственные жилищные сертификаты" граждане, проживающие в военных городках, утративших статус закрытых?

Граждане указанной категории, желающие принять участие в программе, не заключившие договора социального найма на занимаемое жилое помещение, могут оформить отказ от служебной квартиры, перешедшей в муниципальный фонд (без их согласия), и обратиться с соответствующим заявлением в рабочую группу по реализации президентской программы "Государственные жилищные сертификаты" при администрации субъекта Российской Федерации, в котором они стоят на учете для улучшения жилищных условий.

В соответствии со статьей 48 Жилищного кодекса РФ ордера на жилое помещение может быть признан недействительным в судебном порядке, если это требование заявлено в течение трех лет со дня его выдачи.

9. Могут ли принять участие в программе граждане, проживающие в ЗАТО?

Переселение граждан из закрытого административно-территориального образования на новое место жительства и обеспечение их жильем, в соответствии с п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 11.01.2001 №23 "Об обеспечении жильем граждан, переезжающих из закрытых административно-территориальных образований на новое место жительства, или выплате компенсаций этим гражданам", осуществляется органом местного самоуправления этого административно-территориального образования за счет предусматриваемых на эти цели средств федерального бюджета, бюджета указанного административно-территориального образования, средств организации (объекта) и федерального органа исполнительной власти.

10. Как определяется средняя рыночная стоимость 1 кв. метра общей площади жилья для расче-

та размера безвозмездных субсидий и ссуд на приобретение жилых помещений?

Во исполнение распоряжения Правительства РФ от 16.03.2000 г. №394-р Госстрой России ежеквартально определяет среднюю рыночную стоимость 1 кв. метра общей площади жилья по субъектам Российской Федерации для расчета размера безвозмездных субсидий и ссуд на приобретение жилых помещений (в том числе по программе "Государственные жилищные сертификаты").

Программой не предусмотрено определение размера субсидий по стоимости 1 кв. метра общей площади жилья в центральных городах субъектов Российской Федерации.

Анализ этих данных показал, что в отдельных регионах Российской Федерации средняя рыночная стоимость 1 кв. метра общей площади жилья неоправданно завышается из-за включения в стоимость необоснованных затрат (в том числе посреднических услуг риэлторских фирм). Госстроем России было направлено органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации письмо о необходимости принятия законодательно обоснованных мер, обеспечивающих формирование оптимальной стоимости на рынке жилья.

11. Будет ли осуществляться компенсация разницы между предоставленной субсидией и фактической стоимостью жилья, если участником программы были вложены собственные средства?

Условиями программы компенсация разницы между предоставленной субсидией и фактической стоимостью приобретаемого жилья не предусматривается.

12. Имеют ли право на участие в программе граждане Российской Федерации, ранее проходившие службу в вооруженных силах и других воинских формированиях государств — участников СНГ?

Данная категория российских граждан обеспечивается жильем на основании Федерального закона "О статусе военнослужащих" (п.3, ст.2) и Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. №1054.

В марте 1997 года подписано Соглашение об обеспечении жилыми помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей государств — участников СНГ.

С 1 января 2000 года право на улучшение жилищных условий на льготных условиях в Российской Федерации имеют граждане Российской Федерации, ранее проходившие службу в вооруженных силах Армении, Белоруссии, Кыргызстана и Казахстана, подписавших указанное соглашение.

Удостоверения на право получения жилья на льготных основаниях гражданам, уволенным с военной службы из вооруженных сил и других воинских формирований государств — участников СНГ, выдаются областными (республиканскими) военными комиссариатами.

Граждане указанной категории могут быть участниками программы при условии соответствия их данных ее условиям.

Грозного, обстреляли боевики. Спешиваясь с бэтра, прапорщик Евгений Фокин, исполнявший обязанности командира взвода связи, почувствовал сильный удар в область поясницы, а затем дикую боль в правой ноге. На секунду показалось, будто ее оторвало.

Не только ранение, но и обычная травма позвоночника — это всегда очень серьезно. А тут бандитская пуля застряла в поясничном отделе позвоночника.

Товарищи затащили его под броню, вкололи обезболивающее. Придя в себя и оцупав онемевшие конечнос-

время". И наконец, последний пункт — подмосковное Реутово, Главный клинический военный госпиталь ВВ МВД России. Еще несколько операций лучших нейрохирургов. И неутешительный диагноз: паралич правой нижней конечности в связи с травмой позвоночника. Врачи сделали все, что могли. Современная медицина оказалась бессильной спасти воину ногу. Главный врач прямо так и сказал его отцу, офицеру запаса, по-мужски и предельно честно. Конечно, лечение будет продолжаться: массажи, пункции, но лучше заняться поиском инвалидной коляски.

В общем, приплыл, парень. Ходить не будешь уже никогда! Ему, в его цветущем возрасте, на всю оставшуюся жизнь маячила каталка. И как приговор судьбы — "инвалид 1-й группы". Отчаяние. Это первое, что овладело им. Все жизненные планы, которые он строил, рушились в одночасье, как картонный домик. Как жить дальше? В городе Воронеже его

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Этого симпатичного, невысокого роста, коренастого воина (на фото слева) я встретил в Чечне, в расположении элитного подразделения внутренних войск — полка специального назначения "Витязь", где он проходит в настоящее время службу по контракту. Удивительная история произошла с ним больше года назад. Если бы мне рассказали ее другие, я бы не поверил. Да и было в чем сомневаться. Получив тяжелое ранение позвоночника и будучи практически обездвиженным, меньше чем через полгода он не просто встал на ноги и начал ходить, но и переносит серьезные нагрузки, продолжает службу. И не где-нибудь, а в спецназе!

Колонну, которая шла февральским сумеречным утром 2001 года по безлюдным улицам

ти, он понял: нога на месте, но отказывается ему подчиняться.

Потом была срочная эвакуация в полевой госпиталь, расположенный в аэропорту Грозного, перевязка и дальнейшая транспортировка. Теперь строго на север. Сначала во владикавказский госпиталь, где ему оказали не самый теплый прием, уложив прямо на голую сетку кровати. "Я тебя туда не посылала", — злобно прищурившись, бросила смуглая медсестра в ответ на просьбу раненого принести хоть что-нибудь из одежды, укрыть обнаженное израненное тело. Затем Ростов, окружной госпиталь, где лишь на тринадцатые сутки после ранения врачи решились на операцию по извлечению пули. "Почему же так поздно? — негодовал главврач. — Упущено драгоценное

ждет невеста, они собирались пожениться. Она еще ничего не знает про его несчастье. И не должна узнать!

На смену чувству отчаяния, пришло желание побороть болезнь. Не верилось, что вот эта нога, вчера еще послушная, сегодня как будто не принадлежит ему. Бред! Просто так он не сдастся. Надо хотя бы попытаться добраться до умывальника, расположенного в углу палаты, самому. Пытался. Падал на пол. Выслушивал упреки дежурной сестры, уткнувшись разгоряченным от нагрузки лицом в подушку. А затем новая попытка...

Взглянуть на свою беду с другой стороны ему помогли ухаживавшие за ранеными сестры милосердия, монашки:

— Молись, солдат. Что не по

Патриотический плакат - составная часть Министерства обороны России и внутренних дел Российской Федерации

Боевая служба является высшей формой поддержки боевой готовности

Учись владеть современным боевым оружием, пораждать врага с верного выстрела

ПЕЧАТЬ ЛЮБЫХ
РАЗМЕРОВ НА
ИЗНОСОСТОЙКИХ
ВСЕПОГОДНЫХ
МАТЕРИАЛАХ
ДЛЯ НАГЛЯДНОГО
ОФОРМЛЕНИЯ
ТЕРРИТОРИЙ ВОЕННЫХ
ГОРОДКОВ

Успех в бою приносит сила, выносливость и воля

Патриотический плакат - составная часть Министерства обороны России и внутренних дел Российской Федерации

ВЫСЫЛАЕМ ОБРАЗЦЫ
НАШЕЙ ПРОДУКЦИИ
И КАТАЛОГИ
(БЕСПЛАТНО)

Руководитель проекта
Кураев Виктор
менеджер
Алексеева Света

Москва, ул. Профсоюзная, 78

Тел. (095) 424-66-86

силам человеку, то может Бог! И мы будем за тебя молиться.

Надежда затеплилась в его душе. Вспомнились случаи исцелений, рассказанные ему в детстве мамой, донской казачкой из станицы Плазуновской Волгоградской области. Вспомнился дед Евсей, станичный атаман, который не раз рассказывал о чудесной помощи в случае, происшедшем с его отцом, также казачьим атаманом, на германском фронте. Все эти позабытые родные образы оживали теперь в памяти Евгения, заставляя по-новому пережить рассказы дорогих ему людей. Мама, дед и прадед были верующими людьми, сохранившими свою веру, пронесли ее через всю жизнь.

Но как молиться? Евгений, в отличие от них, никогда не был особенно верующим. И окрестился только перед армией. Из всех молитв он знал лишь "Отче наш", и ту нетвердо. Но это была последняя надежда! По его просьбе ему в палату принесли икону

Спасителя и Евангелие, а нательный крестик он и так никогда с себя не снимал.

Молясь, Евгений не оставлял попыток подняться с постели, разминал, массажировал ногу. В один из дней ему показалось, что у него шевелится мизинец. "Тебе только кажется, так всегда бывает", — "утешил" его лечащий врач. Но воин знал, что вера поможет ему, и очень надеялся встать на ноги. Так прошло несколько дней. И вот однажды, проснувшись утром, он почувствовал силы и какую-то уверенность в себе. Подтянув специальные "ходунки", он встал и... не упал.

Как-то в мае, когда его сослуживцы только вернулись из спецкомандировки, в казарме Краснознаменного полка появился Евгений. На костылях он двигался по проходу сам. Бывший с ним в том бою лучший друг и сердечный товарищ заместитель командира третьей роты по работе с личным

составом капитан Владимир Т. увидел его и, не удержавшись от восторга, растроганно воскликнул: "Брат! Ты ходишь! Это чудо!"

Вот, собственно, и все. Меньше чем через четыре месяца после такого ранения Евгений начал, на удивление всем, ходить. А меньше чем через год он уже убыл со своими боевыми товарищами в очередную кавказскую командировку.

Сила воли, уверенность в победе над недугом и крепкая вера в Бога вернули здоровье русскому воину. Это ли не пример того чудесного сплава, который всегда был характерен для нашего солдата, помогая ему одерживать победы не только над противником, но и, что гораздо важнее, над собою!

Роман ИЛЬИН
Фото автора

Ханкала — Реутово — Москва

сококласный специалист. Этому много причин. Главное качество для офицера, например, в звене роты-батальон, — умение и желание работать с людьми. И здесь нужен офицер, каждому слову которого подчиненные будут буквально внимать. Академический “поплавок” такой гарантии не дает. Только личный авторитет, только индивидуальный подход, только определенная база знаний могут дать в итоге командиру, которому будут верить люди, за которым они пойдут в огонь и в воду.

Примером здесь может служить майор Виталий Прылипко. По специальности офицер-артиллерист, он, служа в первую чеченскую кампанию в бригаде морской пехоты, неоднократно выполнял обязанности арткорректировщика. Это не мешает Виталию Борисовичу ныне успешно корректировать проблемы воинской дисциплины в отделе по работе с личным составом бригады. И не потому, что войскам меньше нужны опытные артиллеристы, чем “замполуды”. Просто майор однажды понял, что ему надо что-то очень важное сказать людям. Может быть, то, о чем ему думалось в январе 95-го, когда он с горсткой бойцов, отрезанный от своих, вжимался в землю вблизи “дворца Дудаева”, фактически вызывая огонь на себя. Таким людям можно простить отдельные человеческие слабости и недостатки. За них стоит и необходимо биться в первую очередь. “Просто теоретики и знатоки человеческих душ, которые боятся людей, боятся их вопросов, их проблем, в курском соединении, пока я на своем месте, не нужны”, — уверенно говорит этот опытный офицер.

Примеров же беспечной кадровой политики достаточно и здесь.

Когда наверху было принято решение о сокращении части СМВЧ в Белгороде, удивлению и разочарованию офицеров не было предела. Одна из лучших частей округа шла под нож! И это при том, что два года назад губернатор Белгородской области Евгений Савченко на средства областного бюджета построил прекрасный военный городок со всей инфраструктурой; при том, что именно в Белгороде наиболее благополучно обстоят дела с обеспечением жилой площадью офицеров и прапорщиков. Казалось бы, служи и радуйся, приноси пользу Отечеству. Благоустроенные казармы, объекты

соцкультбыта теперь сиротливо ждут новых хозяев. А опешивших офицеров взял под опеку сам губернатор. Коллектив офицеров и прапорщиков этой милицейской части почти в полном составе собирается переходить в федеральные и муниципальные силовые структуры Белгородчины, потому что офицеры верят губернатору Савченко.

Иная ситуация складывается в Воронеже. Там власти в упор не видят целый полк СМВЧ, один из самых боевых в бригаде. За последние пять лет властями города полку не выделено ни одного квадратного метра жилья. Приглашение на торжества по случаю Дня внутренних войск было ими проигнорировано. Власти города демонстративно взяли курс на выдавливание полка с их территории. Очевидно, в славном городе Воронеже нет уличной преступности или местная милиция сама в состоянии с ней бороться. Но не получится ли так, как, например, в Тамбове? Ныне, когда часть там сокращена, незадачливый градоначальник пребывает в недоумении: так и неосвоенный военный городок висит балластом на городском бюджете, а уличная преступность стала чувствоваться в городе куда волготнее. Одним словом, поезд ушел, а колёса еще стучат в ухах незадачливых отцов города.

Словом и делом

Призывной контингент в последние годы меняется. К сожалению, не в лучшую сторону. Но работать можно и с ним. По анонимным опросам из десяти призывников девять просто не хотят служить. Однако уже через полгода их количество уменьшается вдвое. И число преступлений, совершенных военнослужащими соединения, в сравнении с прошлогодним периодом сократилось наполовину. Наш психолог майор Сергей Зубков с достаточной степенью точности прогнозирует неадекватные поступки военнослужащих. Советы специалиста неукоснительно выполняются командирами.

Есть успехи и в служебно-боевой деятельности. Только за два первых месяца текущего года той третью личного состава бригады, которая не находится на Северном Кавказе и на реабилитационно-восстановительных мероприятиях, при несении патрульно-постовой службы задер-

жано за совершенные преступления 15 человек, за административные правонарушения — 13902 человека, есть и изъятия холодного и газового оружия, наркотических веществ.

Не отстают и сводный полк курского соединения в Чечне. Здесь идет самая настоящая минная война. Обеспечивая безопасность федеральной трассы Ростов — Баку на ее самом опасном, чеченском, участке и прикрытие чечено-ингушской административной границы, его солдаты ежедневно выходят на инженерную разведку. Изошренность противника в этой войне хорошо известна. Когда подорвались один за другим старшина Роман Шеин, рядовой Валентин Скобелев и рядовой Николай Чачин, некоторые солдаты дрогнули, пали духом. И тогда заместитель командира сводного полка подполковник Игорь Никольников назначил открытое собрание коллектива. Успокоив подчиненных, опытный офицер предложил самим солдатам решить, кому идти завтра с ним на разведку. Первым вызвался рядовой Сергей Краузе. Через несколько дней, 13 декабря 2001 года, его не стало. Ценой своей жизни он спас товарищей от верной смерти. Обнаружив на обочине замаскированный фугас, Сергей, приняв единственно верное решение, подал товарищам знак об опасности, что позволило им вовремя укрыться. Поняв, что заряд обнаружен, боевики произвели подрыв. Солдат мог спастись, отойдя от заряда на безопасное расстояние, но тогда могли погибнуть товарищи. Свой выбор он сделал.

“Взял слово — подарил мысль!”

— В условиях, когда офицеру приходится работать за троих, роль каждого командира как воспитателя и руководителя возрастает многократно. И главным его оружием всегда был личный пример и слово, — продолжает рассуждать офицер. — Но меняются времена, меняется психология людей, а значит, нужны новые подходы в воспитании личного состава. Наступает страшное время, когда это главное оружие любого воспитателя перестало играть свою основную роль. А без него, слова, воспитательный процесс невозможен. Слова же, лишённые сути, не наполненные смыслом, рассыпаются с бесполезным трес-

ком, не затрагивая сердца людей. “Взял слово — подари мысль!” — вот принцип, который должны исповедовать все офицеры воспитательных структур. Сюда нужно отнести и командиров и офицеров штаба, тыловиков, потому что любое общение с подчиненными — это уже воспитательный процесс. Необходимо знать, о чем будешь говорить с людьми, готовиться к разговору.

Вот только руководители сейчас боятся выступать перед военнослужащими. Человек, имеющий элементарное чувство порядочности, не знает, что можно обещать людям, если у него самого нет уверенности в завтрашнем дне. Людям надоело обманывать и быть обманутыми. И тогда именно офицеру-воспитателю приходится брать на себя ответственность — идти и разъяснять людям, что Родина и ее интересы — это вечно, а все остальное, наносное — временно. Но наши военнослужащие, как и весь народ, обманутый неоднократно, просто не воспринимают голые призывы, лозунги и обещания. Поверят и послушают все же того, кого знают по делам и долгой совместной службе.

— Скажите, при нынешней кадровой политике много ли осталось в войсках таких авторитетных командиров до роты включительно? — с горечью спрашивает полковник. — К сожалению, и те, кто остались сегодня с нами в окопах, не всегда единомышленники. Это или патриоты, готовые многое вытерпеть, но не дать развалить армию, которых значительно меньше, или люди, которые не получили еще квартир и других положенных им льгот, продолжая лишь исполнять обязанности, тянуть ляжку. Но не им, последним, принадлежит право сохранить честь и достоинство русского офицера. Люди еще надеются, что родится наверху четкая и ясно выраженная идея, понятная защитникам Отечества. Дайте ее людям в погонах, и они свернут горы. С этого начнется возрождение армии, да и всей России!

Два главных, но самых верных союзника остались сегодня в арсенале воспитателя. Это — ветераны и отечественная история. Больше, похоже, уповать не на что.

— Старая система воспитания военнослужащих с ее шкалой ценностей разрушена, — с горечью продолжает полковник Зайцев. —

Новые ориентиры и перспективы развития государства размыты и неясны. Нам предлагается жить одним днем, “беря от жизни все”, но что тогда мы оставим потомкам? В самом деле, неужели хлеб наш насущный является единственной и главной проблемой нашего “мутного” времени, в чем мы сами себя, не без подсказок с Запада, почти что и убедили. В российский недостаток огромный дефицит нравственности, духовности, национального самосознания. В телевизионных и радиопрограммах, журналах и газетах, методических разработках и красочных буклетах недостатка нет, но часто ли нам с экранов и газетных полос говорят, что мы — великий народ с неповторимой историей и богатейшими традициями. У одного всем известного маленького, но очень гордого кавказского народа не так уж и много национальных героев, но как он ими дорожит! Как он чтит и любит свои традиции, обычаи, историю. Так неужели в отечественной истории нечего вспомнить? Нечему научиться? Ведь мы — русские, потомки вещего Олега и равноапостольного князя Владимира, благоверного князя Александра Невского и крестьянина Ивана Суланина, преподобного Сергия Радонежского и казачьего атамана Ермака. “Мы русские, с нами Бог!” — восклицал фельдмаршал Суворов. “Не перестаю гордиться, что я — русский!” — вторил ему покоритель Кавказа генерал Ермолов.

Ветераны, как носители идеи государственности, как раз могут помочь нам встать на правильный путь. При этом я отношу к ветеранам любого военнослужащего запаса, которому близка проблема укрепления государственности как символа возрождения России. Поэтому в нашем соединении они частые гости. Используя их опыт и возможности ветеранских объединений, мы организуем экскурсии по местам боевой славы России, музеям, историческим местам, на которые столь богата курская земля. Представьте на минуту: по этой земле, где мы служим Отечеству, скрипя колесами, катились арбы полковцев, с гиканьем пролетала конница Батюга, пылили полки Лжедмитрия и проносились уланы Наполеона, громыхали танки вермахта. Но все они, получив отпор, нашли в этой земле свою могилу! Эта земля просто дышит историей. С другой стороны,

она насквозь пропитана кровью наших предков, русских людей. Разве это не вдохновляет на ратный труд?

Только вспомнив, “кто мы” и “откуда”, вернувшись к своим истокам, мы можем называться сынами русского народа. Мой отец, ветеран Великой Отечественной войны, прошел ее от начала до конца, а дядя, сержант войск НКВД, погиб в 1942 году, на берегах реки Ардон, защищая от фашистов Северный Кавказ. Об этом я помню с детства и буду помнить всегда. А знают ли про своих дедов что-нибудь сегодняшние молодые воины?

— Никогда Россия не жила хорошо чужим умом, об этом и говорит отечественная история. Бездумно импортировать чужие идеи для России — безумие. Следуя зарубежным подсказкам, мы уже растим поколение, которое уверено, что пиво — полезно, курение — не вредно, наркотик — любопытно, а лыжная прогулка, например, что-то совершенно дикое. И наоборот, возвращение к родным корням давало силу и несло спасение русскому народу. Мы же сегодня по-прежнему плохо знаем нашу историю, не хотим досконально ее изучать, боимся погружаться в ее освежающие воды, делаем это с оглядкой на представителей других народов и конфессий, забывая при этом, что все народы России жили счастливо, покуда она была единой и неделимой.

— Я не боюсь обвинений в великодержавности, потому что я офицер и сделать Россию великой и могучей — цель моего служения Родине, мой профессиональный долг, — откровенно говорит полковник Владимир Зайцев. — Тем же, кто тщетно пытается развалить и разрушить Россию, хочется сказать: “Мы не простим вам того, что вы сделали с любимой Родиной. И знайте, она возродится непременно!”

Хорошо, что есть у нас еще полковники, которые рассуждают подобным образом. Настоящие полковники.

**Материал подготовил
подполковник**

Роман ИЛЮЩЕНКО

Фото автора и из архива части

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: страницы истории

Послевоенные реформы

В марте 1946 года НКВД СССР был переименован в Министерство внутренних дел СССР, наркоматы внутренних дел союзных и автономных республик — в соответствующие министерства.

Частые и противоречивые по своей сути организационные изменения НКВД-МВД наводят на мысль, что в их основе лежали причины не объективного, а субъективного характера. Новейшие публикации, архивные материалы показывают, что нередко это диктовалось интересами политической, а то и аппаратной борьбы, стремлением иметь во главе силового ведомства надежного, преданного руководству партии человека.

Накануне и в период Великой Отечественной войны, в первые послевоенные годы неоднократно осуществлялось разделение-объединение (полное или частичное) органов НКВД и НКГБ. Сколько-нибудь вразумительных объяснений этому не давалось ни тогда, когда принимались эти решения,

ни позже — в научных публикациях. Только недавние архивные изыскания подводят к пониманию причин. В. Меркулов, занимавший в разное время должности наркома государственной безопасности, заместителя наркома внутренних дел, незадолго до расстрела в декабре 1953 года в письме к Н. Хрущеву объяснял это тем, что Сталин прекрасно знал об отсутствии у него каких-либо политических амбиций. И поэтому все время “держал его при Берии”, стремление которого подчинить себе все силовые наркоматы вызывало подозрение Сталина.

В первые послевоенные годы ясно прослеживается курс на понижение роли МВД при одновременном укреплении МГБ. В ноябре 1946 года в составе последнего было образовано Особое совещание. В январе 1947 года из МВД в МГБ передаются внутренние войска и транспортная милиция, в апреле 1949 года — Государственное хранилище ценностей (ГОХРАН), в октябре 1949 года — пограничные войска и милиция. В сентябре 1950 года в составе МГБ

были образованы на правах управлений Бюро №1 — для проведения диверсионных и террористических актов за границей и Бюро №2 — для проведения террористических акций (похищения, убийства) на территории СССР.

После передачи милиции и уголовного розыска в августе 1950 года МГБ СССР осуществило реорганизацию Главного управления милиции. В составе ГУМ было образовано три управления: управление милицейской службы (охрана общественного порядка и безопасности в стране, проведение административных мероприятий по исполнению законов и распоряжений центральных и местных органов власти, регулирующих управление в области охраны общественного порядка и борьбы с преступностью); управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией; управление уголовного сыска.

В октябре 1952 года решением Совета Министров СССР на милицию была возложена охрана объектов торговли, а также некоторых учреждений и предприятий промышленности. В составе управления милицейской службы организован отдел вневедомственной наружной сторожевой охраны.

Согласно приказу МВД СССР от 4 февраля 1950 года "Об усилении работы по розыску бежавших из мест заключения и спецпоселенцев-выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения" ГУББ МВД СССР реорганизовалось в Главное управление МВД СССР по оперативному розыску. В июле 1950 года оно было передано в состав МГБ.

МВД меняло свой профиль, постепенно передавая в МГБ и другие ведомства все большее количество функций, связанных с обеспечением порядка. Кроме названных ранее подобных акций можно отметить следующие. Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 6 мая 1951 года войска МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог были расформированы, а охрана промышленных предприятий, железных, шоссейных дорог и сооружений передана военизированной охране министерств и ведомств. В мае того же года конвойные войска реорганизованы в конвойную охрану МВД СССР, что повлекло сокращение штатной численности, снижение уровня социальной и правовой защиты личного состава. В июне 1951 года расформированы войска по охране особых лагерей и тюрем, лагерей военнопленных, а охрана этих объектов поручалась военизированной охране ГУЛАГа МВД СССР, которая в августе 1952 года была передана в МГБ.

В то же время на МВД возлагаются новые обязанности хозяйственного плана. К примеру, на основании постановления СМ СССР от 20 мая 1950 года "О мероприятиях по увеличению добычи и производства асбеста" в составе МВД СССР образуется Главное управление исправительно-трудовых лагерей асбестовой промышленности. А во исполнение постановления СМ СССР от 30 сентября 1950 года "О развитии геологоразведочных работ на золото" в составе МВД создается Геологическое управление.

Как мы видим, в 1949-1953 годах МВД в значительной степени изменило свой профиль в результате передачи милиции и уголов-

ного розыска в состав МГБ. Тем не менее объем выполняемых министерством функций оставался очень значительным, хотя на передний план выдвигалась различного рода хозяйственная деятельность, преимущественно силами заключенных ГУЛАГа.

Новые веяния

Ситуация изменилась после смерти Сталина. 5 марта 1953 года на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР было признано целесообразным объединить МВД и МГБ в одно министерство — МВД СССР, которое вновь возглавил Берия.

Сразу же был взят курс на освобождение МВД от производственно-хозяйственной деятельности. В то же время в состав МВД передавались Главное управление геодезии и картографии, Управление уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит).

26 июня 1953 года Берия был арестован. Серьезные изменения в системе органов внутренних дел начались практически сразу же. По предложению МВД СССР в короткие сроки намечалось упростить структуру центрального аппарата и сократить на 20% его штатную численность.

В январе 1954 года во исполнение постановления ЦК КПСС "О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата" были осуществлены мероприятия, непосредственно касающиеся системы органов внутренних дел. При Совете Министров СССР образуется Комитет государственной безопасности. Таким образом, органы госбезопасности выводились из системы МВД. В рамках объявленного курса на ослабление централизма и расширение прав республик в апреле 1955 года было организовано МВД РСФСР.

В октябре 1956 года предпринимаются шаги к устранению чрезмерной централизации управления органами внутренних дел, восстанавливается принцип

двойного подчинения. Управление Министерства внутренних дел и управления милиции в краях и областях были реорганизованы в управления внутренних дел исполнительных комитетов краевых, областных советов депутатов трудящихся. Органы милиции в районах, городах и рабочих поселках преобразовывались в отделы милиции исполкомов соответствующих советов.

Известные меры по демократизации общества и государства, осуществленные после смерти Сталина, коснулись и органов внутренних дел. На изменение их компетенции и структуры непосредственное влияние оказало то обстоятельство, что наиболее уродливые проявления культа личности связывались именно с этими органами. Они стали как бы олицетворением произвола и беззакония. Подобная, в общем справедливая, оценка во многом предопределила шаги, которые, при всей кажущейся демократичности, обернулись серьезными издержками, привели к нежелательным последствиям.

Реформы 1960-1970-х годов

13 января 1960 года Председатель Совета Министров СССР Н.С.Хрущев подписал постановление правительства, в котором признавалось целесообразным упразднение МВД СССР и передача его функций МВД союзных республик.

Как показала практика, ликвидация союзного министерства привела к усложнению координации работы республиканских органов охраны общественного порядка, к неоправданному разному в нормативном регулировании некоторых вопросов охраны порядка, в частности в определении структуры и штатов милиции. Был затруднен межреспубликанский обмен опытом борьбы с преступностью и использование в этой борьбе достижений науки и техники.

В августе 1962 года республиканские МВД переименовывались в министерства охраны общественного порядка.

Восстановление единой обще-

союзной системы органов внутренних дел было осуществлено в июле 1966 года, когда в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР "в интересах обеспечения единого оперативного руководства деятельностью органов охраны общественного порядка в борьбе с преступностью" образуется союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка.

В составе МООП СССР создаются структурные подразделения, охватывающие основные направления деятельности органов внутренних дел: Главное управление милиции, Главное управление мест заключения, Следственное управление, Главное управление внутренних войск, Главное управление пожарной охраны и другие подразделения.

В ноябре 1968 года МООП переименовывается в МВД СССР. Одновременно перестройке подверглась система органов внутренних дел в городах и районах. Здесь на базе органов милиции были созданы отделы (управления) внутренних дел, в которые вошли также аппараты госпожнадзора, исправительных работ. При них были созданы следственные отделения, аппарат которых в прямом подчинении у начальников горрайотделов не находился.

Существенной реорганизации подвергся центральный аппарат МВД СССР. Вместо Главного управления милиции в феврале 1969 года создаются в качестве самостоятельных структурных подразделений управление административной службы милиции (в последующем — Главное управление охраны общественного порядка), управление уголовного розыска, управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, управление государственной автомобильной инспекции, управление специальной милиции, управление транспортной милиции.

По такому же принципу были реорганизованы МВД союзных республик. Для повышения уровня организаторской работы в МВД образуется Организационно-инспекторское управление,

которое в 1972 году преобразуется в Штаб МВД СССР. Аналогичные изменения производятся в МВД союзных и автономных республик, краевых и областных УВД. Создание штабных подразделений следует расценивать как положительный фактор. Стало больше внимания уделяться информационно-аналитической работе, планированию, установлению системы контроля, проверке исполнения.

В целях улучшения работы по предупреждению преступлений в 1974 году в органах внутренних дел образуется профилактическая служба. В МВД СССР в составе Главного управления уголовного розыска создается соответствующее управление с отделами индивидуальной и общей профилактики. На профилактическую службу возлагаются задачи изучения причин, условий и обстоятельств, способствующих совершению правонарушений, информирования о них администрации предприятий и организаций; выявления лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, и проведения с ними конкретной профилактической работы.

МВД в годы перестройки

Перестройка, начатая в 1985 году, открыла новый этап в развитии системы органов внутренних дел страны. Процесс суверенизации союзных республик привел к изменению правового статуса их государственных органов, в том числе и органов правопорядка. Многие структурные преобразования в системе ОВД обуславливались изменениями в общественном и государственном строе, стремлением отыскать такие организационные формы, которые наиболее полно соответствовали бы новым явлениям в криминальной сфере.

Для любого переходного периода, как показывает история, характерной чертой является частая смена руководителей различных звеньев государственного аппарата. Это подтверждается и последним периодом существования МВД СССР — с 1986 по 1991 год сменилось четыре министра.

В октябре 1989 года было образовано Министерство внутрен-

них дел РСФСР, в связи с чем постановлениями Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР были внесены изменения в структуру центральных аппаратов МВД СССР, министерств внутренних дел союзных республик, утверждена структура центрального аппарата МВД РСФСР. Она включала в себя руководство МВД РСФСР (министр, семь заместителей, коллегия в составе семнадцати человек), Главное управление уголовного розыска, Главное управление БХСС, Шестое управление, Главное следственное управление, Главное управление по охране общественного порядка, Главное управление по исправительным делам, Главное управление лесных ИТУ, управление государственной автомобильной инспекции, управление пожарной охраны, управление профилактической службы, управление внутренних дел на транспорте. Кроме того, предусматривалось создание следующих обеспечивающих служб: политическое управление, организационно-инспекторское управление, экспертно-криминалистическое управление, управление кадров, управление капитального строительства, медицинское управление, хозяйственное управление, отдел военно-мобилизационной работы и гражданской обороны, оперативно-техническое управление, управление материально-технического снабжения, отдел по взаимодействию со средствами массовой информации, управление делами. При МВД РСФСР действовали также республиканский информационный центр, главное управление охраны и управление торговли.

Александр МАЛЫГИН,
доктор юридических наук,
профессор
Роланд МУЛУКАЕВ,
доктор юридических наук,
профессор

Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

Отрывки из книги

О драматических событиях, которые произошли в Москве осенью 1993 года, я буду рассказывать так, как они представлялись мне, тогда еще менее года находившемуся на посту заместителя министра — командующего внутренними войсками МВД России.

Их участниками были тысячи людей. Они описаны во множестве документальных повествований, в которых найдется решительно все: поминутные хроники с расшифровкой позывных в эфире, аналитические записки из высших эшелонов власти, краткие боевые донесения и даже пылкие стихи вооруженных автоматами романтиков. Появляются в печати и еще будут появляться воспоминания ожесточенных людей, которые до сегодняшнего дня так и не поняли, что в гражданских войнах, какими бы справедливыми они ни казались, никогда не было и не будет победителей.

Должность командующего внутренними войсками МВД России — это высокая должность, обязывающая управлять большим коллективом вооруженных людей. Для солдата ВВ его командующий — это высший эшелон власти, назначение которого осуществляется только по указу Президента России. В иерархии Министерства внутренних дел командующий внутренними войсками — это «сильный», но далеко не первый заместитель министра. Как раз из тех, кто делает политику министерства, но не страны в целом.

Не знаю, как сейчас, но мое назначение на должность командующего происходило без особой помпы. И без всяких визитов к президенту Б.Н. Ельцину: не та высота...

До того как президент приехал в нашу подмосковную отдельную мотострелковую дивизию особого назначения — ОМСДОН (сейчас — ОДОН — Отдельная дивизия оперативного назначения), незадолго до этого именовавшуюся дивизией имени Ф.Э. Дзержинского, с Ельциным я виделся только на общих мероприятиях и никогда не беседовал с ним лично.

Конечно, будучи человеком, который командует в стране внутренними войсками — внушительной силой, способной и охранять ядерные объекты, и разоружать бандформирования на Северном Кавказе, — я не мог не видеть, как назревало противостояние между Верховным Советом и местными Советами, с одной стороны, Кремлем и Правительством России — с другой.

Я не мог знать всех деталей противостояния, но, как любой россиянин, понимал, что там, наверху, не все гладко. И как любой нормальный человек, ис-

кренне переживал, когда видел по телевизору эти многозначительные щелчки пальцами по горлу Хасбулатова или Александра Руцкого, моего однокашника по Академии Генерального штаба. Все это настораживало. Конечно, в верховной власти могли быть какие-то трения, но вряд ли кто мог рассчитывать, что Ельцин проигнорирует эти нарочитые и чрезвычайно обидные для любого человека знаки.

Но тем не менее жизнь шла своим чередом. Начиная с марта 1993 года, когда это противостояние заставило президента провести референдум, по всему чувствовалось, что конфликт переходит в стадию разрешения. Но, конечно же, никто и представить себе не мог, что будет он разрешаться столь радикальными методами.

На одном из совещаний министр внутренних дел Виктор Федорович Ерин сказал мне, что Ельцин высказал намерение посетить дивизию имени Дзержинского, но я не стал возводить этот рабочий визит в одно из лучших соединений внутренних войск в ранг знакового события. Разумеется, дивизия эта непростая: во всякое время считалась она элитной. Боевым резервом ЦК КПСС. Это не нами было придумано, а теми предшественниками, которые еще задолго до нашего рождения поняли простую истину: настоящий государственный переворот в России возможен только в столице.

Поэтому по традиции служили в дивизии физически крепкие солдаты, которых в советские годы обыватель мог увидеть только на парадах, либо на похоронах самых высоких партийных деятелей. К 1993 году в силу различных причин отбор в дивизию стал уже не такой строгий. И солдаты пошли пошуплее, и задачи, выполняемые дивизией, уже никто не называл придворными: Баку, Сумгаит, Ереван, Карабах, Южная Осетия, Чечня, зона осетино-ингушского конфликта стали местом ее боевой работы. Хотя и оставалась она при этом главным оперативным резервом министра внутренних дел.

Однако ее расположение — в подмосковной Балашихе — делало дивизию чрезвычайно удобной для высоких визитов, проверок боеготовности и т.д. В контексте того времени и я простодушно считал, что поездка президента к нам — это удобный повод для Верховного Главнокомандующего посетить внутренние войска и познакомиться с их командованием. Кто служил в армии, поймет, что к таким посещениям готовятся загодя.

... Тянулись месяцы, минуло лето, а прибытие Верховного Главнокомандующего в дивизию все откла-

Продолжение. Начало в №4, 6, 7

дывалось. В начале сентября я напомнил об этом своему министру, подчеркнув, что мы готовы.

...Генеральский долг заключается в том, чтобы стойко переносить превратности судьбы, но тогда, не скрою, мне стало очень обидно. И людей, и технику готовили для показа Верховному Главнокомандующему. По-солдатски мне хотелось блеснуть, и найдется ли человек, способный осудить меня за это? Я Ерину сказал: «У нас отличные условия. Закрытая полигонная вышка. Там его не просквозит». И точно — звонит Виктор Федорович: «Ельцин дал добро на 16-е...»

Первое впечатление от прямого общения с Борисом Ельциным у меня осталось самое благоприятное. Слушал он внимательно, вникая в каждое слово. Высокий, энергичный, привыкший к власти, Ельцин отнюдь не производил впечатление человека, бросившего рычаги управления. Чувствовались в нем человеческая мощь, умение воспринимать в твоих словах самое главное.

Несколько раз Ельцин задавал мне уточняющие вопросы, среди которых был один, которому я не сразу придал должное значение: «А.С., а если потребуются применить войска в какой-то критической ситуации, вы способны — и дивизия, и другие соединения — выполнить приказ Верховного Главнокомандующего?» Я ответил: «Конечно! Ведь мы для этого и предназначены!»

...И лишь позже, при осмотре техники МВД, где среди прочих была и та, что стоит на вооружении противопожарной службы, взгляд Бориса Ельцина прочно зацепился за водометы. Тут он даже приостановился и, обращаясь к Ерину, сказал: «Вот что надо применять... Ты понял?»

За обедом я представил Ельцину командование дивизии и дал короткие характеристики офицерам, особенно подчеркнув деловые качества командира дивизии полковника Будникова, назначенного на эту должность всего лишь месяц назад, после окончания Академии Генштаба. Ельцин спросил меня, достоин ли этот полковник быть генералом и командовать такой дивизией. «Конечно, достоин, — ответил я, — потому что недостойного человека мы бы не

назначили на должность комдива». «Если так, — подытожил президент, — я готов завтра же отдельным указом присвоить ему звание генерал-майора». И поручил мне и Ерину срочно готовить соответствующие документы. Тогда слова Ельцина мы расценили только как высокую оценку нашей работы и, не скрою, были довольны, считая, что перед Верховным в грязь лицом не ударили.

Впоследствии, анализируя события тех дней, которые предшествовали политическому кризису в России осенью 1993 года, я вспомнил все эти красноречивые детали президентского визита. Конечно, он готовился к жесткому противостоянию. Конечно, с его точки зрения, проезд в ОМСДОН был своеобразным смотром тех сил, на которые он мог опереться и которые считал последним аргументом в борьбе с политическими противниками.

...Во время показательных стрельб, когда мы были на вышке, Ельцин поехал: было прохладно. И хотя его гражданский плащ мы сразу же заменили на офицерскую куртку, президент попросил подыскать ему какой-нибудь головной убор. Я тотчас снял со своей головы краповый берет спецназа внутренних войск и протянул Ельцину.

Никто не обратил внимания на вспышку фотокамеры одного из сопровождавших президента лиц, но в истории нашей страны Ельцин так и остался в этой ладной офицерской форме, словно подчеркивая тревоги тех непростых дней. В офицерской форме войск, которые во все времена оставались верны присяге, закону и никогда не искали призрачного счастья, участвуя в дворцовых переворотах.

20 сентября у министра Ерина состоялось совещание, очередное, какое случалось у нас каждый понедельник. Решались текущие вопросы, докладывалась оперативная информация из района вооруженного конфликта на границе Северной Осетии и Ингушетии и с границ уже тогда мятежной Чечни.

Но 21 сентября, часов в шесть вечера, Ерин собрал всех своих заместителей и всех членов коллегии министерства, находившихся в Москве. Он сообщил, что через час будет обнародован указ президента № 1400, в соответствии с которым Верховный

Совет народных депутатов РСФСР будет распущен.

Перед МВД ставилась задача: не допустить массовых беспорядков в Москве и ограничить проход депутатов в здание Верховного Совета.

Основная ответственность возлагалась на московскую милицию. Внутренние войска должны были оказать ей содействие по обеспечению безопасности и охране общественного порядка.

Министр сказал, что, если кто-либо из нас по политическим или иным соображениям не готов этот указ исполнять, он готов отнестись к такой позиции с пониманием. Разумеется, такой человек будет освобожден от должности и уволен, но никаким иным преследованиям его не подвергнут.

...Сразу после этого я вызвал командующего войсками Московского округа внутренних войск генерал-майора Аркадия Баскаева и командира дивизии имени Дзержинского генерал-майора Александра Будникова, сообщил о принятом решении и поставил задачу готовить расчет сил и средств для выполнения задач в интересах оказания помощи органам внутренних дел Москвы для обеспечения безопасности в городе. Дал распоряжение о переходе на казарменное положение. Некоторые офицеры по очереди съездили домой за тревожными чемоданами, а в целом командование внутренних войск, привыкшее к боевым командировкам на Северный Кавказ, без проблем перешло на круглосуточный режим работы, когда практически ежеминутно отслеживается информация, готовятся расчеты, составляются прогнозы и — самое главное — уже закручивается механизм подготовки войск к действиям в условиях массовых беспорядков.

...Как я уже говорил, мы стали отслеживать обстановку и получать информацию с мест. Попытки не пустить депутатов в здание Верховного Совета не увенчались успехом. Московская милиция опоздала и не успела блокировать подступы к зданию Верховного Совета. Поэтому уже с вечера, после огрубления указа, депутаты стали съезжаться: был на-

значен внеочередной Съезд Советов. В Белом доме, на Краснопресненской набережной стали собираться люди.

...Насколько могли, отслеживали перемещения боевиков. Ведь под охраной ВВ в те дни находились 53 объекта в Москве, из которых наибольшего внимания для нас и мятежников заслуживали Останкинский телецентр, телестудия на Шаболовке, различные центры связи, объекты, где производились и хранились финансовые ценности, где были ядерные компоненты и ядовитые вещества. То есть мы принимали те меры, которые и должны в такой ситуации принимать войска правопорядка.

В тот же день, 22-го, министр в зале коллегии МВД провел совещание и четко высказал свою позицию: «Россияне восприняли решение президента правильно, страна живет обычной жизнью, а Белый дом самоизолировался. В сложившихся условиях органы и войска МВД являются защитниками закона и общественного порядка. Но в этой ситуации не все так просто: элементы агонии рождают судорожные попытки образовать двоевластие, и в связи с этим Верховным Советом принят ряд решений о назначении новых министров. Меня может отправить в отставку только всенародно избранный президент. Поэтому я без тени сомнения продолжаю выполнять свои обязанности и прошу вас о том же. От нас ждали, ждут и будут ждать провокаций, но ошибок 1 мая (1 мая 1993 года в результате пресечения противоправных действий на Гагаринской площади в Москве погиб сотрудник милиции. — Авт.) мы не должны повторить. Будем действовать решительно. Но работать на упреждение, а не умыться кровью...» (Выступление Ерина приводится здесь по конспективной записи).

Я думаю, нигде и никогда эта позиция Ерина не освещалась. По-человечески она честна. Что касается истории, то это важный документ эпохи. Прежде всего потому, что свидетельствует о том, что МВД России не ставило перед собой целей, связанных с жестким силовым воздействием на оппозиционеров.

...Получив информацию, что к телецентру должны подойти некие армейские подразделения, позвонил командующему Московским военным округом, еще одному своему однокашнику по Академии имени Фрунзе — генералу Леонтию Кузнецову: «Леонтий, там должны подойти «таманцы»... Ты имей в виду, чтобы мы друг друга не постреляли...» Он: «Какие «таманцы»? Никуда солдаты не пойдут, воевать ни с кем не будут!» Я: «Все понял, ты на меня только не шуми, ради Бога. У меня к тебе нет вопросов. Все, я понял, спасибо, Леонтий, за помощь, до свидания. Я даже рад, что там никого не будет, значит, никого не постреляют».

И хорошо, что не подошли, потому что в той ситуации даже трудно сказать, куда было бы повернуто оружие. На помощь оборонявшему телецентр отряду «Витязь» я послал 2-й мотострелковый полк ОМСДОНа. И вот тогда у боевиков началась настоящая паника.

От Макашова ждали победных реляций, а наши БТРы отняли у него последнюю надежду. И хотя я несколько забежал вперед в своем повествовании, но это лишь для того, чтобы с позиции сегодняшнего дня сказать откровенно: не была армия готова к такому повороту событий.

...Неопределенность, чувствовавшаяся в действиях армейцев, вынудила меня высказать своему министру такую точку зрения: «Попомните меня, если события станут развиваться по самому жесткому варианту, все отойдут в сторону. Все кивнут на МВД, но будет уже поздно. Необходимы решения Совета Министров, Совета безопасности, которые бы жестко согласовывали действия всех силовиков и которые были бы обязательными для исполнения». Я же видел, «Вымпел» и тот по-тихому пытался отойти в сторонку... Точно так же в более четкой организации нуждались действия самих органов внутренних дел.

После одной из ночных проверок я пришел и прямо высказал министру, что служба сотрудниками МВД выполняется плохо. Почему мало милиции вообще и где конная милиция, в частности? Нет единого и четкого руководства действиями подразделе-

ний ГАИ, патрульно-постовой службы, ОМОНа и других. Задачи на местах никто не выполняет. Мне капитан задает вопрос: «Можно ли задержать человека, если он подходит ко мне с дубинкой?» Задача никто на местах не ставит. Почему не задерживают за антиобщественные действия активных организаторов беспорядков?

Вот такие вопросы я задал Ерину и чувствую, что это начинает его раздражать.

...Складывающаяся ситуация никак не располагала к промедлению. И я, не скрою, аккуратно подтолкнул Ерина к более четкой организации службы московской милиции.

...28 сентября в 13.10 министр по моей просьбе все же собрал совещание. Кругом масса дезинформации. Какая-то фальшивая телеграмма якобы от исполняющего обязанности УВД Приморья, еще фальшивка — по Северному флоту... В целом вот такая обстановка: мы подвергаемся критике за Белый дом, а овладеть ситуацией не можем. Можно не сомневаться — именно мы в конце концов и останемся крайними. Заставьте, говорю, начальника ГУВД города Москвы генерала Панкрата выполнять свои обязанности. Он же у Белого дома, где несут службу его милиционеры, практически не бывает! Появится на один час. Походит, послушает и опять уезжает. Стал разбираться: милиционеры даже службу организовали в четыре смены, как при обычном варианте. Я спрашиваю Панкрата: «Почему мало милиции?» А он: «У меня же люди отдыхают по графику». Я говорю: «Как вам не стыдно?»

...За чертой этих рабочих забот как-то осталась семья. Когда все началось, я позвонил Вале и сообщил: «Сейчас за тобой подъедет машина, и тебя с Наташкой увезут в госпиталь». Она сразу поняла, что звоню я ей не от хорошей жизни. Спросила только: «Там что-то серьезное?» Ну что я мог ей ответить? Всего лишь: «Так надо. Не переживай. Все нормально. Это обычная мера предосторожности».

Конечно же, не только моя семья переехала под защиту солдат ОМСДОНа. В госпитале разместились семьи и других наших офицеров. Но никакой паники не было, хотя, конечно, наши домашние за-

событиями внимательно следили. Особенно с 3 на 4 октября, по CNN. И переживали, конечно, очень.

...Сам я, откровенно говоря, никаких «расстрельных» списков не видел. Ручаться могу разве что за достоверность исторической фразы Александра Рудкого, бывшего своего соседа: «Не пилите березы в Кремле — они нам еще пригодятся». В то же время слышал, что генерал Анатолий Романов о таких списках говорил более определенно. Возможно, ему было известно, что составляются списки офицеров, которые участвовали в преодолении вооруженных конфликтов. Нам ведь часто грозят. Это обычное явление. Это можно уже в классические учебники записывать: противоборствующая сторона всегда пытается установить фамилии командиров и их домашние адреса.

Поэтому на войне часто используются псевдонимы, однако эти секреты, как правило, живут очень недолго. Тогда, в октябре 1993 года, подробную информацию о нас и о наших семьях можно было купить, скажем, у тех боевиков, с которыми мы воевали на Кавказе.

Понятное дело, никто во внутренних войсках даже не помышлял об уик-эндах. Чтобы постоянно отслеживать обстановку в стране и в Москве, я дал команду установить в моем кабинете телевизоры и настроить их на разные телеканалы. Не без труда мои помощники разыскали четыре переносных телевизора, но и это стало серьезным подспорьем в нашей работе: нередко репортеры подбрасывали генералам пищу для размышлений. Ведь журналистам, в отличие от нас, удавалось довольно свободно общаться с иными оппозиционерами, а это значит, что мы могли просчитывать их возможные действия. Конечно, мы не полагались на искренность тех или иных слов, но для нас было важно понять, насколько они адекватны.

2 октября мы ощутили, что ситуация изменилась, а потому нами был создан резерв, находящийся в 15-минутной готовности, а командующий войсками

Московского округа внутренних войск получил задачу на выдвижение в Москву тех частей внутренних войск, которые называются специальными моторизованными частями и несут службу в форменной одежде сотрудников милиции. Части из Владимира, Тулы, Орехово-Зуево, Сергиева Посада, учебные подразделения из Лунево и Тулы начали выдвигаться к столице. Они шли на помощь тем соединениям оперативного назначения, которые уже несли службу в Москве.

Солдаты срочной службы отличаются от профессиональных сотрудников милиции, они только осуществляют помощь правоохранительным органам, находясь либо во втором эшелоне цепочки, либо в самостоятельной цепочке, но не на главных направлениях. На самых опасных участках стоял ОМОН. А так как по закону за охрану общественного порядка отвечает старший оперативный начальник того субъекта Федерации, где выполняется эта задача, получалось, что именно начальник ГУВД генерал Владимир Панкратов должен был принимать те решения, которые диктовала постоянно меняющаяся ситуация.

То есть мои действия носили характер поддержки, и в соответствии с действующей в МВД вертикалью власти проявлять собственную инициативу я мог только тогда, когда мои полномочия не вступали в конфликт с полномочиями Панкратова и курировавших его в масштабе страны генералов из центрального аппарата министерства — Александра Куликова и Вячеслава Огородникова. Но чувство тревоги не покидало меня утром 3 октября, когда я, сообразно свойствам своего непоседливого характера, добился от министра права советом и делами воздействовать на процесс охраны общественного порядка в Москве. Памятуя о намерении Дунаева захватить здание МВД на улице Огарева, я привлек туда дополнительные силы из состава внутренних войск.

Днем, выезжая из основного здания МВД на ули-

це Житной где-то в половине второго, я отметил, что объявленный митинг на Октябрьской площади (теперь — Калужская площадь) не был бурным, а возле памятника В.И. Ленину находилось несколько сот человек. Сигналом, что события начинают развиваться в жестком ключе, для меня послужил доклад одного из офицеров в 14.30. Он сообщил, что на Октябрьской площади находится крайне наэлектризованная толпа, насчитывающая примерно двадцать тридцать тысяч человек.

Я — военный человек, неплохо знающий, сколько времени может занять сбор батальона, полка, дивизии. Массовое накопление и перемещение людей имеет свои законы и только на первый взгляд кажется хаотичным. В этот раз я сразу же почувствовал руку очень опытного организатора, который в течение нескольких десятков минут смог направить процесс по нужному ему руслу.

...Конечно, направление движения манифестантов не так уж трудно было предположить и человеку, далекому от военного дела. Но четкость, с которой совершались действия (авангард манифестантов, сметая на пути милицейские цепочки и войсковые наряды, три километра до цели преодолел менее чем за час), не оставляла сомнений: оппозиция решилась применить таранный удар. Решительный и решаский. Это была уже не демонстрация силы, а сама сила, посланная в бой, чтобы вырвать победу.

Вот этот размашистый почерк не дал меня обмануть и заставил действовать так, чтобы в этом противоборстве не проиграть неведомому мне командиру манифестантов в быстроте принимаемых решений. На его стороне была инициатива, на нашей — вовремя разгаданный замысел его операции. Не медля ни секунды, я отдал приказ отряду «Витязь» выдвинуться к Белому дому, а генералу Баскаеву — готовить все резервы, которые уже прибыли из Подмосковья и располагались на улице Подбельского.

Сделав это, я позвонил заместителю министра внутренних дел России генералу Александру Куликову, чтобы поделиться своей обеспокоенностью: «Александр Николаевич, уже прорвана цепочка на Крымском мосту. Прорвут и на Зубовской площади.

Важно не дать им пробиться на повороте с Садового кольца на Новый Арбат. Туда надо бросить все силы!» Мой однофамилец ответил раздраженно: «А.С., ты не вмешивайся. Там есть кому командовать! Там генерал Панкратов».

...В тяжелой ситуации я никогда не теряю самообладания. Это не хвастовство, а просто свойство моего характера. Кто-то начинает терять голову, кто-то махнет для уверенности стакан другой водки. Но именно тогда, получив известие о прорыве цепочки на Крымском мосту, первый и последний раз в жизни я испытал удар, который едва смог выдержать. Просто и отчетливо вдруг встали перед глазами все последующие события. Наступила какая-то странная, опустошительная ясность в душе. Пролетают секунды, и ты начинаешь осознавать, что собственная жизнь уже мало что значит для тебя. Легче протянуть руку, достать пистолет и разом покончить со всем. Что это потрясение не лечится ничем, кроме как выстрелом, который будет оглушительным и дымным в этом кабинете на Красноказарменной улице, но в нем будет достаточно силы, чтобы перенести меня туда, где все происходящее уже не имеет ни цены, ни смысла, ни боли.

Вот через что я прошел в ту минуту и запомнил ее на всю жизнь. В тот момент действительно все выскочили из кабинета передать информацию, что прорвана цепочка. Люди ушли передавать приказ о перемещении отряда «Витязь» и о подготовке резервов в Московском округе. Именно тогда я понял, что могу сейчас взять и застрелиться. Но уже мгновение спустя это проходит! Ты выходишь, ты прорываешься из этого вакуума и включаешься в жизнь... Снова отдаешь команды и действуешь, как будто еще мгновение назад ты не стоял на краю бездны.

Последующие полтора часа инициатива прочно удерживалась боевиками вооруженной оппозиции и их митингующими сторонниками.

К 16.00 довольно внушительная часть столицы правоохранительными органами не контролирова-

лась. Чуть раньше на связь вышел Анатолий Романов и доложил: «Васильев перешел с бригадой (софринская бригада оперативного назначения ВВ МВД России) на сторону мятежного Совета».

Впоследствии оказалось, что смалодушничал и струсил только командир бригады. Никто из солдат и офицеров даже не помышлял об измене. Но это было потом, а тогда, получив тревожное известие, я едва сдержался, чтобы не покрыть некоторых сослуживцев, что называется, руководящим языком. Вместо этого я задал Романову вопрос: «Какие силы у тебя там есть?» В этой ситуации единственно разумным представлялся такой выход: надо выводить наши безоружные войска в пункты постоянной дислокации, вооружить их и, посадив на броню, вернуть в город. Было ясно, что начинается гражданская война.

Генерал Романов ответил: «Здесь часть дивизии Дзержинского, командир со мной...» Я счел необходимым как-то его поддержать: «Анатолий, все нормально! Не переживай! Даю тебе команду: веди дивизию в пункт постоянной дислокации и сажай ее на броню...» Тут же поднял трубку прямой связи с министром, доложил свое мнение: дивизию надо выводить. Ерин возмутился: «Ты что? Ты представляешь себе последствия? Бросить город на разграбление...» Я настаиваю: «Виктор Федорович! С резиновыми палками и цитами никто ничего не сделает!»

Но министр не захотел обсуждать эту идею: «Нет, А.С., я запрещаю!»

Вместе со мной на командном пункте находился генерал Владимир Дурбажев. И тогда у меня в голове родилось рискованное решение.

Опять поднимаю трубку прямой связи: «Виктор Федорович! Но это решение военного совета!» А у меня из военного совета один только Дурбажев и есть. Я на него взглянул и добавил: «...А решение военного совета обязательно для исполнения». ...Ерин подумал, подышал в трубку, а потом ответил: «Ну если так, то действуй!» Думаю, именно эта минута необычных переговоров с министром решила исход мятежа. Делать такие предположения мне позволяет

весь ход последующих за этим событий, а также то, что это решение — увести войска из города, чтобы вернуть их вооруженными, — так и не было сообщено президенту страны.

...Когда войска, одетые в форму милиции, покидали Москву, у многих сложилось впечатление, что все рухнуло, а управление потеряно безнадежно. Но, положив руку на сердце, большую ли опасность для боевиков представляли чуть более двух тысяч безоружных солдат, которых любая попавшаяся на пути кучка мятежников готова была растерзать на куски? К тому же были попытки захватить бронетранспортеры, а некоторые даже подожгли, но нам их удалось потушить. Если бы мы тогда не вывели войска, то штурм телецентра «Останкино» и других объектов происходил бы с применением захваченной бронетехники.

Хорошо, что нам удалось предугадать события. Потрепанные, побитые, но не утратившие боевой дух наши части уходили из города. Уходили, чтобы через самое короткое время вернуться в Москву — вооруженными, экипированными, на грозной броне боевых машин. Но пока, без оружия, они представляли собой легкую добычу, и в этот сложный момент их вплоть до шоссе Энтузиастов сопровождали бойцы спецназа из отряда «Витязь» под командованием полковника Сергея Лысюка.

Генерал Романов, впервые сообщивший мне о том, что боевики Макашова рванули к телецентру, выводил в Балашиху именно ОМСДОН. Примерно в 16.05, зная, что на шоссе Энтузиастов и Горьковском шоссе наши безоружные бойцы скорее всего уже находятся в безопасности, я дал команду Анатолию Александровичу: «Дальше давай самостоятельно. «Витязь» пусть разворачивается и напрямик в Останкино». Успели.

На проспекте Мира Лысюк догнал 11 большегрузных машин и автобусов с людьми, среди которых были и вооруженные автоматами: «Я их вижу... Что делать? Можно ли применить оружие?» Но такую возможность я даже не обсуждал, дав команду идти на обгон и организовать оборону телецентра. В воскресный день на столичном проспекте не могло быть и речи о боестолкновении. Могли пострадать невинные люди. К тому же еще оставалась надежда, что, увидев надежно охраняемый телецентр, Макашов откажется от его штурма. Все же генерал... Одно дело — бить безоружных милиционеров и солдат и совершенно другое — по-настоящему схватиться с боевым подразделением специального назначения, прошедшим Фергану, Баку, Ереван, Нагорный Карабах. Бойцы спецназа были надлежащим образом обучены и не дрогнули бы перед куда более грозным противником.

БТРы «Витязя», с ходу взломав ограждение, заняли первый студийный комплекс (АСК-1). Потом, когда в телецентр прибыл генерал Павел Голубец, мой заместитель, стало ясно, что объектом штурма скорее всего станет другой студийный комплекс (АСК-3), откуда ведется прямое телевещание. Поэтому Павел с частью спецназовцев перешел по подземному переходу именно в эфирный корпус и подготовил круговую оборону.

...Казалось, власть дрогнула: гуляющая молодежь, опьяненная первыми победами в районе Белого дома, редела от восторга и лупила отнятыми дубинками по отнятым щитам. На совести радикальных политиков их революционный задор, вот только военный человек Макашов не мог не понимать, что для полноценного штурма, когда разница в потерях между обороняющимися и атакующими составляет, как правило, один к трем, ему потребуются кинуть на алтарь этой сомнительной победы около пятисот жизней своих сторонников и более чем полторы сотни жизней военнослужащих и сотрудников МВД. Кажется, это и была та «любая цена», которую готовы были заплатить оппозиционеры за несколько минут прямого эфира.

То, что наши бойцы будут оборонять стратегичес-

кий объект до последнего человека — уж в этом у него не должно было быть никаких сомнений.

Примерно в 18.30 к Макашову вышел командир взвода, начальник караула по охране телецентра, и у дверей АСК-3 предупредил, что для охраны телецентра прибыл отряд специального назначения. Спецназовцы заняли оборону и будут выполнять приказ. «Поэтому я, — сказал старший лейтенант, — вас официально предупреждаю. Прошу увести людей и не предпринимать никаких мер для штурма. Если будет штурм, будет ответный огонь».

Макашов проигнорировал предупреждение. Более того, стал убеждать окружающих, что все внутренние войска уже перешли на сторону Белого дома, а тут засели «остатки».

Твердо знаю, не мог генерал Макашов не отдавать себе отчета, на что шел сам и гнал вперед своих людей.

...Мне по радиции был слышен доклад командира отряда генералу Голубцу: «Вижу изготовившегося гранатометчика!» Генерал доложил об этом на командный пункт. В 19.10 оборвалась жизнь рядового Николая Ситникова, бойца отряда «Витязь», погибшего от гранатометного выстрела.

...Несколько бутылок с горючей смесью полетели из толпы во входные двери телецентра. Внутри стал разгораться пожар. Прорезав толпу, два грузовика стали попеременно таранить стеклянный холл здания. Со звоном рушились стекла... Генерал Макашов, руководивший нападавшими на телецентр бевиками, обратился к защитникам «Останкино» с предложением сдаться без пролития крови. На принятие решения Макашов великодушно дал 15 минут.

Первая очередь — трассерами — прошла над головами атакующих. Люди, давя друг друга, отхлынули от здания. «Всем отойти от стекол!» — раздался громкий голос от дверей. Одетый в камуфляж спецназовец выскочил из здания телецентра, в одиночку пошел на толпу. Автомат он держал за ствол. «Вам что, обязательно все ломать нужно?» И толпа расступилась перед ним, образуя естественный коридор. Неспешно развернувшись, спецназовец так же спо-

койно вошел в здание. В задних рядах атакующих Анпилов гневно выговаривал оробевшим: «Что, увидели автомат и испугались? А вы как думали — они там без оружия сидят?»

Через несколько минут два оглушительных взрыва прогремели возле самых дверей, и сразу же с обеих сторон заговорили автоматы. Толпа в ужасе рванула в рощу. Многие спрятались за ближайшим гаражом.

Еще раз подчеркну: команда стрелять на поражение была дана только после того, как погиб наш товарищ — рядовой Николай Ситников. И, конечно, без промедления в район телецентра стали убывать на помощь другие подразделения внутренних войск. Уже в 23 часа Макашов доложил в Белом доме, что «Останкино» взять не удалось. И это после победных реляций... Поэтому и шок, испытанный организаторами смуты, был так велик, и остаток ночи — мы знаем — в Белом доме был похож на агонию.

Так как во внутренних войсках МВД России тогда не было ни танков, ни тяжелого вооружения, в бою на подступах к Белому дому перед войсками ставилась задача очистить прилегающую территорию от вооруженных боевиков. В 6.30 колонна (100 человек) прибыла на улицу Рочдельскую к фабрике «Трехгорная мануфактура», где перед ней была поставлена задача блокировать участок этой улицы до середины улицы Николаева в готовности к прочесыванию территории. В 7.15 войсковые наряды этого подразделения заняли исходное положение и сразу же были обстреляны с крыш близлежащих домов.

В 7.30 сводная рота другой части внутренних войск, разворачиваясь на Краснопресненской набережной, подверглась обстрелу из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов, в результате чего два наших бронетранспортера были подбиты, двое наших военнослужащих были убиты, а шестеро — ранены. К сожалению, позже скончался в госпитале старший лейтенант Михайлов. Так что горькие итоги кровопролитного противостояния в октябре 1993

года — шестеро погибших бойцов, около ста человек раненых и травмированных.

Сейчас трудно реконструировать ситуацию, но не исключаю, что огонь по нашим БТРам велся по ошибке «афганцами», которых «таманцы» посадили в свои бронетранспортеры. В надежде, что в бою от них будет больше толку, нежели от солдат срочной службы. Но их, возможно, не проинструктировали правильно.

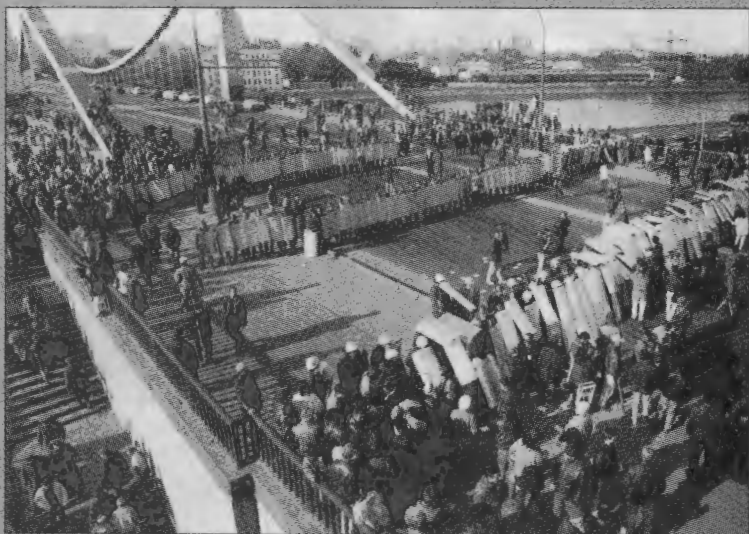
Не исключаю, что в тревожной обстановке кто-то из них растерялся и принял БТРы внутренних войск за неожиданное подкрепление противника. К сожалению, в обстановке гражданской войны, войны, по сути, братоубийственной и коварной, срывает страх неожиданной измены. Появляется неясность обстановки, отчего весь мир кажется враждебным, а значит — подлежащим профилактическому обстрелу. Военные психологи фиксировали подобное.

Горько, если нечто подобное произошло с экипажами наших бронетранспортеров, напоровшихся на кинжальный огонь...

Но это было вполне возможно. Задача на действия в районе Дома Советов ставилась войскам во второй половине ночи. Причем задействованы в ней были разнообразные части армии, ВВ и милиции, прибывшие из Подмосквья. Много в этой операции — я знаю — планировалось на ходу. Например, генерал Анатолий Шкирко был вообще заблокирован: целый день я не мог на него выйти по связи. И вместо Шкирко действиями внутренних войск 4 октября у Белого дома руководил генерал Анатолий Романов. Человек он точный и добросовестный. Уверен, что он сделал максимум возможного, чтобы минимизировать потери.

Однако это никак не умаляет мужества солдат и офицеров ВВ, которые выполнили свой долг до конца.

(Окончание следует)

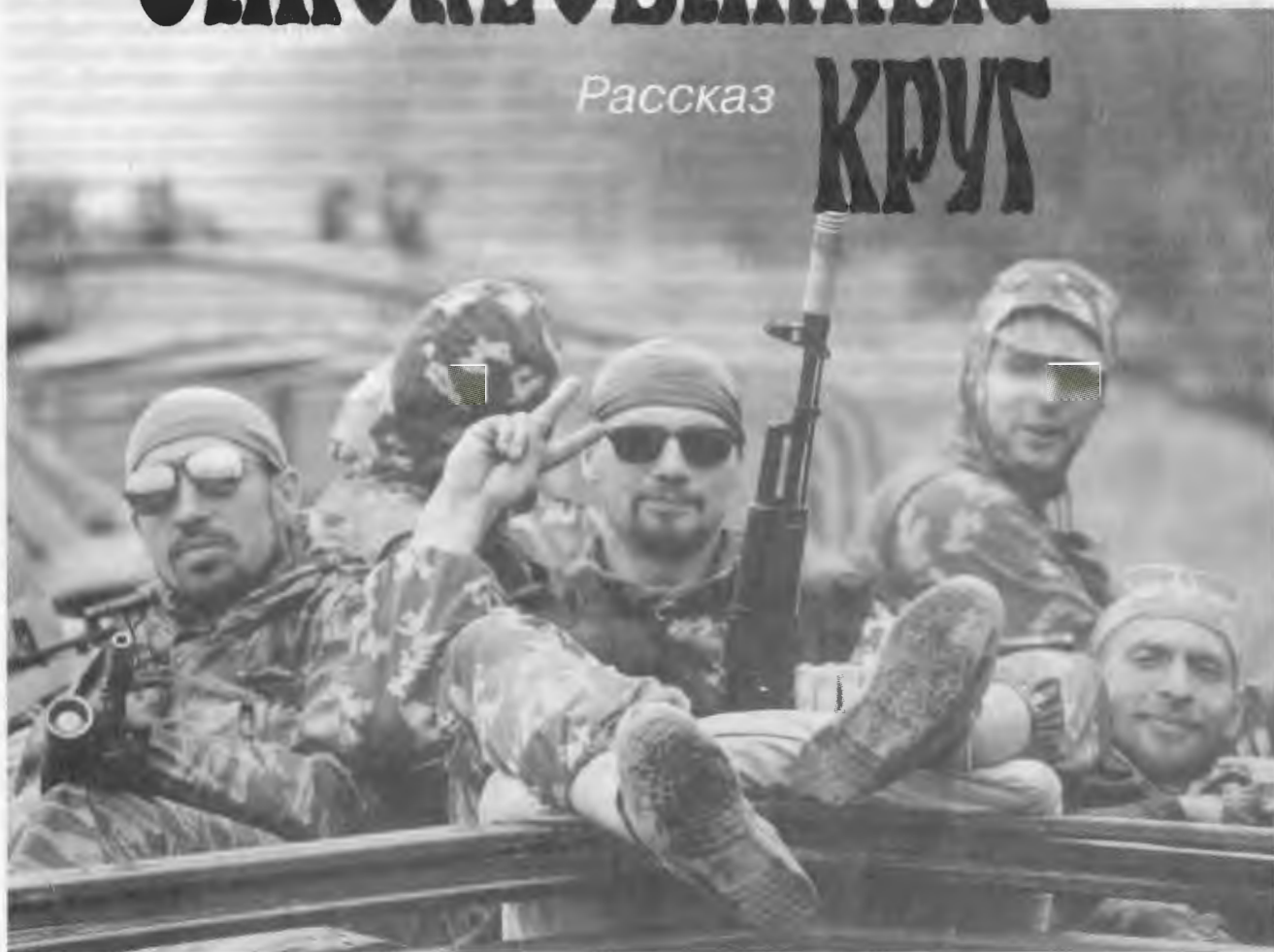
Владимир БАРАНОВ

Владимир Петрович БАРАНОВ окончил Казанское суворовское училище и Ленинградское общевойсковое имени С.М.Кирова. Два года воевал в Афганистане, командовал взводом разведки, был дважды ранен и дважды награжден — орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”. По возвращении в Союз командовал разведротой, был начальником разведки полка, учился в Военной академии имени М.В.Фрунзе. Последние шесть лет службы прошли во внутренних войсках. Подполковник запаса. Читателей журнала мы не раз познакомили с его рассказами из афганского цикла. “Заколдованный круг” — рассказ о первой чеченской кампании. “Он получился горьким, — написал в предисловии автор. — Но горек, как бывают горьки лекарства. А потому, надеюсь, станет полезным для войск, особенно для рядовых исполнителей приказов. Если мы научимся на деле уважать простых людей, с которыми соприкасаемся в местах проведения операций, снизятся и наши потери”.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ

Рассказ

КРУГ

Эта песня не для вас,
Эта песня не для вас!
Мы идем служить в спецназ,
Мы идем служить в спецназ!

Из речевки подразделений специального назначения ВВ МВД РФ

1.

Сельское кладбище в деревне Зяблики было заполнено народом как никогда. Хоронили Олега Холодова, погибшего в Чечне. Не по-осеннему яркое солнце бросало свои прощальные лучи на матового цвета цинк гроба, возле которого уже завершалась траурная церемония. Уже выступили глава администрации поселкового Совета, военный комиссар, директор школы. Все говорили хорошо, проникновенно, искренне скорбя по поводу гибели солдата — скромного и обаятельного парня.

Последние минуты перед погребением были отданы матери. Она, распластавшись поверху гроба, заходила в рыданиях, иступленно целуя окошечко, сквозь которое смотрели на нее подернутые мутной пеленой полукрытые глаза ее сыночка, ее любимого Олега. Тлен смерти уже искажил его черты, и только родинка на левой щеке, выше которой под самым глазом виднелось входное отверстие от пули, оставалась все такой же, ярко-черной...

2.

- Кто?!
- Спец-наз!
- Кто?!
- Спец-наз!

На слог «спец» два десятка наголо остриженных парней в пятнистом камуфляже сгибают руки в упоре из положения лежа, на втором слог «наз» — разгибают. Сгибают — разгибают. До изнеможения. До помутнения в глазах. У кого-то ослабли мышцы, и он плюхается животом на землю, судорожно заглатывая воздух. Но «точечный» пинок сержанта-инструктора заставляет найти силы, чтобы снова занять положение в упоре.

- Кто?! — надрывается в крике сержант.
- Спец-наз! — отзываются новобранцы.

Олегу Холодову такие упражнения давались легко. Атлетизмом он занимался с подросткового возраста. Гири, гантели, боксерская груша являлись обязательными атрибутами его деревенского спортивного уголка. При росте метр восемьдесят пять Олег обладал еще и развитой мускулатурой.

Своеобразная суровость порядков в подразделении специального назначения Холодова поначалу шокировала. Всего их было человек тридцать, отобранных для службы в спецназе. Но недели через две осталось только двадцать. Кто-то не выдержал груза ежедневных спаррингов со своими товарищами под наблюдением инструкторов-сверхсрочников, когда безобидный фингал под глазом был не самым тяжким последствием такого единоборства. Другим не по нутру пришлись ежедневные трехкилометровые пробежки со «сферой» на голове и в бронежилете. Кто-то просто ушел, чтобы не потерять собственное «я». Ведь

все, что было хоть чуточку индивидуальным и независимым, понемногу куда-то улетучивалось.

Периодически ребят заставляли что-то разбивать: обрезки досок, черепицу, пустые бутылки. Кулаками и о голову. Костяшки их пальцев постоянно кровоточили. Но новобранцев учили не только умению стойко переносить физические трудности, но и терпеть боль. Их неукоснительно наставляли, что спецназовец должен исполнять все, что ни прикажут — быстро и без рассуждений.

Кроме ежедневных физических нагрузок молодежь усиленно проходила курс огневой подготовки. Олег и здесь был не из последних. В лесах, на своей Вологодчине, он не раз сопровождал отца на охоте.

3.

Чечня встретила их на удивление спокойно. Между воюющими сторонами было объявлено перемирие.

Но напряжение все же сохранялось. В самом городе, в окрестностях которого и расположились подразделения бригады, обстановка вроде бы контролировалась. По крайней мере, днем. Ночью же город пребывал вне всякой власти. Федералы усиленно охраняли самих себя, а местная милиция в это время суток, как и население, с улиц города просто исчезала. Днем все снова оживало, и создавалась иллюзия присутствия законной власти.

В условиях такой неопределенности для спецназовцев особой работы не было, за исключением сопровождения колонны машин-водовозок два раза в день через весь город к водозабору. Остальное время бойцы группы занимались совершенствованием своей физической выучки.

Олег Холодов тоже совершенствовался. И уже не только погодки, а и ребята старше призывом старались избегать сходить с ним в спаррингах. Никому не хотелось лишний раз ощутить на себе силу ударов его ног и кулаков. Шесть месяцев, которые они прослужили в группе специального назначения, сильно изменили его в моральном отношении. Это был уже не тот добродушный увальнь. Да и его деревенская простота куда-то незаметно улетучилась.

Командование группы к Холодову относилось благосклонно. Оно ценило его за преданность, а главное — за исполнительность. Олегу первому из его призыва присвоили воинское звание «младший сержант». С некоторых пор ему вменили в обязанность роль воспитателя злостных нарушителей воинской дисциплины из других подразделений. Таковых в виде наказания обычно сажали в «чеченский зиндан» — яму полтора на полтора метра и, по крайней мере, не менее четырех метров в глубину. Там их безвылазно держали сутки, а то и двое. Питались нарушители там же. Единственная поправка для них была — отправление естественных надобностей. По такому случаю их вытаскивали на веревках наверх. Некоторых из так называемых «рецидивистов» периодически отводили в расположение группы специального назначения, где их под руководством младшего сержанта Холодова до седьмого пота заставляли отжиматься, подтягиваться на перекладине и бегать по кругу. Одного такого воспитательного сеанса, как правило, хватало, чтобы у нарушителя воинской

дисциплины вырабатывался стойкий иммунитет к новому проступку.

Офицеры группы уже видели Холодова в должности инструктора на сверхсрочной службе. Олег, как мог, старался оправдать высокое доверие.

Так получилось, что именно ему поручили “допрос с пристрастием” двух задержанных дагестанцев. Это были молодые люди, года на два старше Холодова. “Пристрастие”, как вынужденная мера, было вызвано тем, что у этих парней, которые следовали из Грозного в Хасавюрт, были обнаружены три пачки патронов к автомату Калашникова и видеокассета. На ней один из задержанных позировал в черной униформе и зеленой повязке на голове. Задержали их на одном из блокпостов при въезде в город. Водителя с машиной отпустили, а этих доставили в расположение бригады. Вначале им учинили обычный допрос. Когда же молодые люди стали напрочь отрицать свою причастность к чеченским боевикам (а кадры с оружием и зеленой повязку объясняли тем, что один из них служил в охране президента Завгаева), задержанных отдали в руки младшего сержанта Холодова. Но дагестанцы и тогда продолжали стоять на своем...

4.

Когда допрошенных по полной программе парней опустили на веревках в пресловутый зиндан, на них живого места не было. Один из допрошенных — Хизри, даргинец по национальности — откровенно рыдал от обиды и унижения.

Его товарищ, Арслан, чеченец-аккинец, был более сдержан. Все же на видеокассете с оружием в руках и зеленой повязкой на голове был запечатлен именно он. Арслан действительно некоторое время служил в охране президента Доку Завгаева. Но как доказать это федералам, если в военном билете ему по вине канцеляристов записи о службе не сделали, а ту треклятую повязку он надевал ради хохмы. Патроны принадлежали Хизри. Приобрел он их у солдат федеральных войск за три бутылки водки и вез своему дяде в аул Кизил-Юрт. Но патроны — это так... Главная улика — видеокассета.

У парней вся надежда была на водителя машины, на которой возвращались в Дагестан. Арслан успел сообщить ему адрес родни в Хасавюрте с просьбой о помощи.

Хизри и Арслан познакомились в Грозном. Арслан тогда уже уволился из охраны президента Завгаева, нанялся на работу каменщиком к “новому” чеченцу. У него они и познакомились. Но тот стал волокитить с оплатой, и молодые люди решили вернуться домой. Теперь вот сидят избитые в этой пропахшей мочой яме в плену у федералов...

Между тем наступил вечер. На веревках солдаты вытаскили полуживых дагестанцев наверх, дали поест, сводили до ветру и снова опустили в яму. Чтобы не замерзли, бросили им пару засаленных бушлатов и еще кое-какое тряпье. Поставили часового.

Следующие два дня их не трогали. По крайней мере, днем они могли подремать. На третий день их снова выволокли на допрос, и все повторилось по прежнему сценарию. Вначале расспрашивал офицер командования бригады. Пленники оправдывались, как могли. Тогда, ничего не добившись от них, парней от-

дали в руки спецназовцев. На сей раз их не били. Пленников заставляли отжиматься, ползать по-пластунски... Для активизации их усердия в ход шли ивовые прутья. Когда их снова опустили на веревках в зиндан, в их сознании пульсировало только одно желание — отомстить.

5.

Примерно с неделю дагестанцев не беспокоили. Затем пленников пришел навестить офицер, исполнявший обязанности начальника штаба бригады (прежний убыл в пункт постоянной дислокации). Новый начштаба несколько удивил пленников: подполковник довольно вежливо побеседовал с ними, взглянув на следы от побоев, покачал головой. Затем приказал командиру батальона, в расположении которого и находилась злополучная яма, изменить дагестанцам режим содержания. Теперь им разрешено было днем находиться вне ямы под импровизированным навесом. Кроме того, выдали матрацы и одеяла. Пленники без помех могли отсыпаться в дневное время суток. Их снабдили бритвенными принадлежностями и вместо окровавленных рубашек выдали относительно чистые казенные камуфляжные куртки. Но главное, подполковник лично вернул им все, что они смогли заработать в Грозном — рубли и даже баксы, большая часть которых принадлежала Хизри.

Пленники были не удивлены, а просто ошарашены таким участием, поскольку не знали, что данные об их непричастности к вооруженной оппозиции подтвердились. Они же надеялись только на приезд своих родственников и продолжали обдумывать план мести. Даже смягчение режима содержания не поколебало их решимости отплатить обидчикам сполна, тем более что теперь у них на руках оказались немалые деньги.

Начштаба и представить не мог, чем обернется для бригады его великодушие. Ведь кроме возвращения денег он разрешил пленникам и общаться с чеченцем-водовозом, который ежедневно на своей машине привозил в лагерь питьевую воду в обмен на бензин. Это было не то пошло с сернокислым привкусом, которое доставляли бригадные водовозки. Свою водичку чеченец брал из источника, путь к которому для бригадных машин был небезопасен.

Хизри довольно быстро сошелся с этим водовозом. За деньги тот привозил пленникам сигареты, фрукты, соки и всякие сладости.

В один из дней, улучив момент, Хизри вручил водовозу половину своих баксов в виде задатка и пообещал дать столько же, если тот сумеет достать и припрятать у себя несколько толовых шашек, электрозапалов к ним и метров сто электропроводного шнура. В свое время срочную службу Хизри проходил в инженерно-саперной роте и знал, как изготовить примитивный управляемый фугас. Чеченец-водовоз, видя такие деньги, согласился не раздумывая. Пленникам же оставалось только ждать.

6.

Через три недели принудительного заточения задержанными на двух легковых автомашинах при-

ехали отец и старший брат Арслана, дядя Хизри с дальним родственником. Уже через полчаса после теплого общения с начальником штаба бригады дагестанцы на полной скорости мчались прочь, увозя отпущенных родственников.

Миновали блокпост на въезде. Хизри с сосредоточенным видом обзирал окрестности. Потом, переведя взгляд на сидевшего за рулем, сказал:

— Останови машину, Камиль.

Тот молча покосился на Хизри и стал прижимать "Жигули" к обочине. "Москвич" отца Арслана, идущий сзади, сделал тот же маневр.

— Что такое, Хизри? — подал с заднего сиденья голос дядя.

— Я сегодня не поеду домой. Завтра ждите.

— Почему?

— Так надо.

Дядя стал заметно нервничать:

— Давай выйдем, объяснимся.

Они вылезли из машины.

— Ты что задумал?! — набросился дядя на Хизри.

Но у того уже была припасена отговорка:

— Патроны я тебе недозвез. Узнаю, где можно здесь достать, и вернусь.

Между тем к дяде с племянником подошел Арслан со своими родичами. Он знал истинное намерение Хизри. Это был их общий план. Арслан объяснил отцу, что тоже остается сопровождать товарища.

В конце концов старики уступили молодым. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что дядя Хизри спал и видел патроны. Под Хасавюртом развелось столько отморозков, что без оружия и не знаешь, проснешься назавтра или нет... Но чтобы молодые люди опять не угодили в какую-нибудь неприятность, с ними оставили старшего брата Арслана.

В итоге машины продолжали свой путь на Хасавюрт, а троица, возглавляемая Хизри, направилась к дому чеченца-водоюза.

7.

На следующий день рано утром колонна АРСов оперативной бригады в сопровождении бронетранспортеров группы специального назначения, как и обычно, выехала за водой. Олег Холодов сидел на броне головной машины. Рядом с ним расположились его товарищи.

Дорога, изобиловавшая многочисленными выбоинами, была пустынна. Редкие прохожие опасливо замирали на обочине, когда мимо них на полной скорости проносилась колонна федералов. Сентябрьский утренний ветер холодил лица солдат. Шли через район, где в декабре прошлого года велись интенсивные бои с бандой Радуева. Дома, примыкавшие к дороге в этой части города, были наполовину разрушены или сожжены.

Колонна двигалась по избитому войной шоссе. Ничто не предвещало беды, когда вдруг под днищем головного бронетранспортера, свернувшего на обочину для объезда старой воронки, что-то рвануло. Бэтээр заволочло дымом и пылью. Но никого не задело, и все дружно посыпались вниз. Спецназ сразу же занял круговую оборону, открыв стрельбу из всех

стволов. Лупили по всему, что казалось подозрительным. По развалинам домов, кустам, сараям, по тем, кто пытался скрыться, спрятаться. Если человек убегает с места происшествия, значит, он — потенциальный преступник. Так считали бойцы.

Между тем водители АРСов, покинув свои кабины, тоже заняли огневые позиции вдоль обочины дороги, возле своих машин. Но ответной стрельбы не последовало. Тогда по приказу старшего колонны АРСы стали разворачиваться в обратную сторону. Главной бронетранспортер тоже потихоньку сдавал назад, благо не все колеса после взрыва разнесло в клочья. Спецназовцы отходили, прикрываясь броней и продолжая палить из автоматов и подствольников.

Младший сержант Холодов оказался в числе последних. Впереди, метрах в ста пятидесяти, он заприметил кого-то, прятавшегося в кустах. Не долго думая, Олег сосредоточил свой огонь на нем. Человек выскочил из укрытия и побежал к развалинам ближайшего дома. Холодов послал очередь вдогонку. Тот упал, однако быстро поднялся и, припадая на левую ногу, скрылся в развалинах.

Спецназ продолжал организованно и без потерь отходить под прикрытие блокпоста.

8.

Мовлади Эркенов, укрывшись от пуль за кирпичной стеной, неуклюже опустился на землю. Одышка мучила его. Одна из пуль угодила в ногу, другая — в правое плечо. Мовлади истекал кровью...

В этот ранний час Эркенов вышел за водой к ближайшей колонке. Собственный дом его был разрушен прямым попаданием снаряда еще в декабрьских событиях. Под развалинами тогда погибли жена, дочь, невестка, маленькая внучка и внук. Из всей семьи остались в живых он и его двадцативосьмилетний сын Судж, школьный учитель истории. Их обоих приютила у себя соседка — пожилая русская женщина, Валентина Николаевна.

Судж после тех событий ушел в отряд полевого командира Хаттаба. Мстить. Две недели назад он вернулся подлечить раненую руку. Сейчас рана его затянулась, но сын, как понял старик из его слов, обратно в отряд возвращаться не собирался.

...Когда на дороге раздался взрыв, старик с испугу полез в кусты и там притаился. Потом он понял, что федералы стреляют и в него. Одна из пуль прошла плечо навылет. Мовлади метнулся к ближайшему полуразрушенному дому, но еще одна пуля обожгла левую ногу ниже колена. Теперь старик, сидя за кирпичной стеной, пытался прийти в себя. Особой боли он пока не чувствовал, потому что находился в шоке. Обрывком материи, валявшейся неподалеку, перетянул ногу, чтобы остановить кровь. Однако рана на плече продолжала кровоточить. Старик чувствовал, что слабеет, а вокруг по-прежнему не было ни души. Мовлади боялся умереть, как пес на куче хлама. Собрав силы, он тяжело поднялся с земли и, опираясь на обломок доски, заковылял к дому Валентины Николаевны.

Теперь боль заполняла его без остатка. Не обращая внимания на продолжающуюся стрельбу, он упорно пробирался туда, где надеялся найти облегчение своим страданиям... Старик едва держался на ногах. Пла-

за заволакивало красноватым туманом. Споткнувшись, он тяжело упал на землю. Открыв глаза, увидел наконец тех, кого жаждал увидеть: сына и Валентину Николаевну. Рядом с ними стоял незнакомый парень, назвавшийся Хизри.

9.

Затащив отца в дом и уложив его на приготовленную Валентиной Николаевны постель, Судж попытался оказать первую медицинскую помощь. Но было поздно: старик потерял слишком много крови. Он смотрел на сына и, едва шевеля побелевшими губами, попросил:

— Сынок, похорони меня... там... где все наши...

Словно успокоившись, он глубоко вздохнул и затах. Рядом тихо плакала русская женщина. Судж смотрел на бездыханное тело отца, и щемящее чувство одиночества переполняло его.

Две недели назад он еще был у Хаттаба. Гибель семьи, матери и сестры настолько потрясла его, что Судж, отбросив все сомнения, в одночасье оставил школу, своих учеников и пошел воевать против федералов. В отряде Хаттаба он стал снайпером. Воспомнил ремесло, освоенное еще в Афганистане, когда проходил срочную.

Все полгода, проведенные в отряде Хаттаба, Судж убивал. Как искусный снайпер, он погубил многих, попавших в перекрестье его оптического прицела. Он мстил. Но после бойни в ущелье Ярыш-Марды, где боевики разгромили крупную колонну российской военной техники, его словно подменили. Он был потрясен тем, что лично содействовал в том бою.

Еще до начала засады Хаттаб приказал Эркену взять на прицел командирскую машину — кашэмку. Одними из первых тогда погибли офицеры, следовавшие именно в той БМП. Вначале ее долбанули из гранатометов, а все остальное доделал Судж. Он хладнокровно добивал тех, кто пытался выбраться из горевшей машины. Потом все кончилось. На дороге догорала броня и грузовики. Моджахеды Хаттаба сгоняли в общую кучу оставшихся в живых и добивали раненых федералов. Боевики были возбуждены, точнее, опьянены ощущением бескровной победы. В течение сорока минут разгромить такую мощь в полста машин! Они громко переговаривались между собой и хохотали.

Поначалу Судж тоже поддался атмосфере общего ликования, но потом притих. В одном из погибших офицеров он признал Сергея Меркулова, своего бывшего взводного по Афганистану. Последний раз они виделись в Москве, в саду "Эрмитаж", в мае девяносто четвертого года. Меркулов тогда был слушателем военной академии. В саду "Эрмитаж" ежегодно 9 мая собирались ветераны войны в Афганистане. Судж регулярно приезжал на это мероприятие. Он прекрасно помнил ту их последнюю с Меркуловым встречу. Теперь же он стоял над трупом бывшего взводного возле обгоревшей КШМки и отчетливо видел входное отверстие от пули, посланной собственной рукой. Потом Судж отошел в сторону, уселся на землю и горестно обхватил голову руками.

Моджахеды Хаттаба между тем сортировали плененных федералов. Офицеров, прапорщиков и контрактников они отделяли от солдат срочной службы. Пленники, за исключением некоторых, оробели и как-то

внешне измельчали. Рослые же боевики Хаттаба всем своим видом демонстрировали внушительность и силу. Отобранных от общей толпы пленников загнали в ближайший овраг. Пять или шесть боевиков встали по краю в нескольких метрах от обреченных с автоматами у бедра. Потом началась беспорядочная стрельба одиночными, сквозь шум которой слышны были предсмертные крики и проклятия расстреливаемых.

Пленные срочники еще теснее сбились в кучу. Многие из них уже не могли держаться на ногах.

Судж продолжал сидеть на прежнем месте. Он смотрел на них — вчерашних мальчишек, школьников. Таких же, как те, которых он учил истории. Еще раз взглянув на мертвое тело своего бывшего взводного, тяжело вздохнул, поднялся и направился к Хаттабу с предложением предать убитых земле...

С того дня Эркен смотрел на происходившее другими глазами. Как учитель истории, он все больше начинал понимать, что в этой войне победителей и побежденных не будет. Смерть рождает смерть, и это заколдованный круг. При любом исходе исторически Чечня обречена жить с Россией бок о бок.

10.

Бой в ущелье Ярыш-Марды был последним для Суджа. Вскоре объявили очередное перемирие между воюющими сторонами. Отряд Хаттаба расположился на отдых в базовом лагере. Боевики безмятежно наслаждались покоем и тишиной, пока в один из дней их лагерь не подвергся бомбардировке авиации. Судж тогда получил легкое осколочное ранение в правое предплечье. Воспользовавшись этим, он и пришел к Хаттабу. Между ними состоялся разговор.

— Так ты все-таки дома решил подлечиться? — спросил тот в ответ на просьбу снайпера отпустить его домой проведать отца.

— Да. И подлечиться заодно, — вяло ответил Судж.

Наступило молчание. Хаттаб продолжал играть со щенком, крутившимся возле ног.

— Этот офицер, которого ты подстрелил в Ярыш-Марды, твой знакомец, что ли?

Судж поначалу растерялся от такого конкретного вопроса, но сразу взял себя в руки:

— Это мой бывший взводный по Афгану.

— Ты что, в Афганистане был?

— С восемьдесят седьмого по восемьдесят восьмой. Хаттаб покачал головой.

— И где ты там служил?

— В сто восьмой дивизии, в разведбате. Взвод специальной разведки.

— То-то гляжу, стрелок ты отменный.

Их разговор шел на чеченском. Хаттаб говорил чеченски довольно чисто, хотя легкий акцент выдавал в нем "араба".

— Да, Афган меня многому научил. Хотя больше научила учебка в Тамбове, — сказал Судж.

Помолчали. Хаттаб играл со щенком. Вдали, на востоке, белыми главами сияли горные хребты Дагестана.

— Так ты против меня воевал, — прерывая паузу, вздохнул Хаттаб, отпихивая от себя щенка.

— Как так? — удивился Судж.

— Да так. В те годы я тоже был в Афганистане. Только воевал против русских. Значит — против тебя.

Судж молчал. Хаттаб продолжил:

— Я воевал в районе Саланга. Мешал выводу войск шурави.

— Во, блин!.. — вырвалось непроизвольно русское выражение у Суджа.

— Вот тебе и “блин”, — так же по-русски вторил ему Хаттаб.

Судж знал, что Хаттаб более-менее сносно говорит и по-русски. Потому он спросил его, больше, конечно, из любопытства:

— Интересно, командир, а где это ты по-русски бемекать научился?

— В академии Фрунзе. В Москве, — коротко ответил Хаттаб. — Не удивляйся. В девяносто первом меня отправили туда учиться.

— Из Афганистана, что ли?

— Нет. После Афганистана я учился в военной академии в Аммане. Закончил ее. Потом направили в Москву. В Академию Фрунзе. Год учился на подготовительном курсе. Потом на основном, на кафедре тактики. До девяносто третьего. Потом бросил. Бен Ладен опять в Афганистан позвал. Воевать против безбожников.

Эркенов понимал, кого имел в виду Хаттаб. Под так называемыми безбожниками подразумевал власти Афганистана, против которых в октябре 1993 года талибы развязали активные боевые действия. Судж знал, что основу “Талибана” составляли ярые сторонники радикального ислама.

— Так ты фундаменталист, командир, — с некоторой долей иронии подытожил Судж информацию Хаттаба о себе самом.

Хаттабу эта ирония явно не понравилась.

— Что значит “фундаменталист”? Что-то я твоего юмора не пойму... — В интонации Хаттаба Судж почувствовал недобрые нотки. — По-твоему, если правозащитный мусульманин искренне признает власть Аллаха на земле и способствует укреплению этой власти, так он уже и фундаменталист? Посмотри вокруг... Да не только здесь. В масштабах планеты посмотри. Миллионы людей только на словах правозащитные, а на деле суть погрязшие в грехе. И если такие, как я, хотят помочь мусульманам по-настоящему обрести Аллаха в своем сердце, то за это их надо обзывать?!

Судж чувствовал, что их разговор выходит из спокойного русла. Он не хотел вступать в полемику с истово верующим. Судж был воспитан советской школой в духе воинствующего атеизма. Поэтому после некоторой паузы он попытался перевести беседу в нейтральную плоскость:

— Думаешь о ней?.. — деликатно спросил он Хаттаба, кивая в сторону белеющих горных вершин Дагестана. Судж имел в виду Фатьму, юную деву из селения Карамахи, обрученную с Хаттабом.

Хаттаб согласно кивнул:

— И о ней тоже... Однако ж там моя Родина. Я же, по сути, дагестанский чеченец-аккинец. Мои предки были вместе с Шамилем, пока русские его не пленили. Потом они эмигрировали в Турцию, а затем, после Первой мировой войны — в Иорданию. А вот сейчас я делаю то, ради чего они кровь здесь проливали. Я хочу объединить Дагестан с Чечней и далее весь Кавказ в одно мусульманское государство. Однако ты, смотри, хочешь бросить меня?!

Судж похолодел. Хаттаб как бы угадал его истинные намерения.

— Да нет, что ты. Отца хочу проведать и... подлечиться заодно.

— Ладно. Иди.

11.

Отца Судж похоронил в этот же день. Он предал тело земле там, где уже лежали мать, сестра, жена, сынишка и дочь. Еще он попросил тетю Валю, в случае чего, похоронить его самого рядом и показал место.

Утром следующего дня Судж уже сидел в засаде и через прицел своей “снайперки” наблюдал за лагерь оперативной бригады внутренних войск. Он видел, как выстраивалась колонна АРСов. Ее возглавляли уже два бронетранспортера. По верху БТРов, как обычно, вповалку сидели солдаты. Судж выискивал цель. Того младшего сержанта, о котором рассказывал Хизри. Ему нужна была всего лишь одна жертва, за кровь отца. И желательно, чтобы ею стал этот Холодов.

Судж обшаривал прицелом одного федерала за другим. Все они, как ему показалось, были контрактниками: уж слишком разухабистый у всех внешний вид: на голове пиратского вида косынки или панамы а-ля наемник в Юго-Западной Африке, на ногах — кроссовки, на руках кожаные полуперчатки... Но снайпер ошибался. Это были все те же спецназовцы, преимущественно солдаты-срочники. Наконец выбрал одного здоровяка в черных пижонских очках. Он долго целился именно в очки.

Отдача от выстрела причинила раненой руке Суджа сильную боль. Он непроизвольно закрыл глаза и поэтому не видел, как солдат-федерал, медленно заваливаясь на бок, упал на землю к колесам бронетранспортера. Когда Судж оправился от боли и снова посмотрел в окуляр прицела, здоровяк уже лежал навзничь и не шевелился.

Эркенов почти машинально отсоединил прицел, уложил в чехол и, закинув винтовку за спину, быстро исчез в кустарнике.

Пули густо жужжали над его головой. Судж уходил в сторону Шали, туда, где базировался отряд Хаттаба...

12.

На кладбище деревни Зяблики хоронили Олега Холодова. Заходящуюся в рыданиях мать смогли наконец оттащить от гроба. Четверо дюжих мужчин осторожно на длинных белых полотенцах стали опускать гроб в открытый зев могилы. Оркестр заиграл Государственный гимн Российской Федерации. Почетный караул трижды выстрелил в воздух, отдав последние почести погибшему герою. Скоро над могилой вырос, весь усыпанный цветами и венками, глиняный холмик с крестом. Потом народ стал расходиться. Родственники, держа под руки безутешную мать, повели ее с кладбища. Она шла, не видя дороги, поминутно оглядываясь. Она шла и все скорбно качала и качала головой...

Василий СЛОБОДЯНЮК

В 1960 году был призван на службу во внутренние войска Василий Иванович Слободянюк, и так сложилась судьба, что вместо трех лет срочной проносил шинель три с лишним десятилетия. Да и ныне старший прапорщик в отставке не порывает со своим воинским коллективом, продолжая трудиться в газете Северо-Западного округа внутренних войск "Защитник Родины". Его корреспонденции и фотографии не раз публиковались в нашем журнале. В 1983 году он стал лауреатом конкурса Союза журналистов СССР "Время, отлитое в строки". Стихи — еще одна грань творческой природы Василия Ивановича. В 2000 году в Санкт-Петербурге увидела свет его первая книжка — "Мелодии души моей".

О ЧЕМ ВЫ, БЕРЕЗЫ, ШУМИТЕ...

О, дивной юности соседство!
Я птицей рвусь на склоне лет
В мое нетронутое детство
И в тот березовый рассвет,
Где хоровод ведут девчата,
Поет гармонь на все лады,
Где за высоким тьном хата,
В цветенье розовом сады,
Где терпкий запах каравая,
С хрустящей корочкой

хлебец...

Тот сказочный кусочек рая
Во сне увидел наконец!

У хуторка с автобуса сойду
И сразу в детство окунуся...
К воде студеной припаду,
Прохлады утренней напьюся.
Пройдусь к восходу босиком
Близ мелководной Деревички.
У поля дивного тайком
Рвать буду чудо-черевички.

МАЦЕВИЦКИЙ ШЛЯХ

Куда ведешь, шлях
Мацевицкий?

Ведь ты немало повидал.

Здесь в старину

Богдан Хмельницкий

На Переяславль путь держал.

Горят огнем, как прежде,
маки,

А рядом с ними — васильки.
У панов польских гайдамаки
Здесь отбирали кошельки.

Я слышу грохот экипажей,
Я зрю с бандурой старика.
А может, здесь в цепях

под стражей

Везли в тюрьму Кармелюка?

Здесь в ту войну
рвались снаряды,

И насмерть тут стоял
солдат.

Тут батьки Ковпака отряды
Прошли с боями до Карпат.

Березам белым здесь

раздолье,

Пшеница зреет на полях...

Люблю тебя, мое Подолье,

Мий ридный Мацевицкий
шлях!

Герою Советского Союза
Михаилу Ашику

Спокойный взгляд.

Звезда Героя.

И гул оваций в тишине.
Его приветствовали стоя
Все те, кто не был на войне.

Свет орденов и блеск медалей,
Их триумфальный перезвон
Зовет в те огненные дали,
Где бой жестокий принял он.

Шоссе на Вену. У развилки
Жестокий вихрь

свинцовых лав.

На бровь надвинув
бескозырки,
Зубами ленточки зажав,

Стояла насмерть морпехота,
Презрев сплошной снарядный
лай.

Атакам яростным нет

счета,

От взрывов вздыбился Дунай.

А им приказано держаться.
Уж третьи сутки истекли.

Их оставалось лишь
тринадцать
На маленьком клочке земли...

О ты, Евтерпа, чудо-муза,
Пой оды тем, кто Русь любил!
Герой Советского Союза
Их многократно заслужил.

О чем вы, березы, шумите,
Чей слышите горестный
крик?
Цепочка имен на граните
И скромный букетик гвоздик.

А рядом проносятся грозы,
В душе от печали щемит...
И вновь материнские слезы
Насквозь прожигают гранит.

Прощальная дробь автомата,
Свинцовой пурги
круговерть...
Откуда вы родом, ребята,
Бесстрашно презревшие
смерть?

И, встретившись с пулею
вражьей
В коротком, последнем бою,
Вы все же вернулись в
Лебяжье,
Чтоб с нами остаться
в строю.

Берез причудливые тени
Коснулись краешка земли.
Приказ — и темные мишени
Взметнулись веером вдали.

Простите вы, края родные,
Солдатам нынче не до сна:
Сверкают вспышки огневые,
Чтоб вечной стала тишина,

И чтоб смеялись звонко дети,
Для них живем,
для них творим.

За мир на голубой планете
Тебя, солдат, благодарим!

Звучит команда боевая,
Привычен пули тонкий свист.
И снова осень золотая
Нам на погон роняет лист.

От папиросок вьется дым,
То синий, то седой.
А воин трогает лады
Напруженной рукой.

И что за скрытая краса
В гармонии той была!
Вдруг на любые голоса
Запела, завела...

Солдат доволен:
— Ну, друзья,
Не мало ль в ней огня?
Стара гармошечка моя,
Да сердцем молод я!

От счастья мы все пьянеем,
Родится кто — торжество.
Его нарекли Алексеем --
Это крошечное существо.

Пульс рода продлится дольше.
Сохрани его, Бог, и спаси!
Одним человеком больше
Стало теперь на Руси.

У кровати его — иконки
На столе — небогатый пир.
И невинно глядят глазенки
На нахальный
и грешный мир...

Марине В.

С капелью звонкой
день весенний
В березках белых заплутал.
Таким, как ты,

Сергей Есенин
Стихи когда-то посвящал.

В душе надежда пусть
зажжется
И станет маяком в судьбе.
И пусть сынишка улыбнется
Улыбкой мартовской тебе.

Исчезнет праздник за полями,
Расстает в дымке без следа,
Но первые слова для мамы
Ты не забудешь никогда.

Жаль, не цветет пока рябина,
Не манит запахом сирень.

Но как идет тебе, Марина,
Букетик счастья в этот
день!

ПЕСНЯ

В походе, на марше
Солдат не молчит:
Начнет запевала,
И песня звенит.

О том, как ракеты
Взлетают к звезде,
Как наши победы
Куются в труде.

И песню ту слышат
В далеком краю
Девчонки, что пишут
Про верность свою.

В походе, на марше
Солдат не молчит:
Начнет запевала,
И песня звенит.

У старости нет отчества.
В полноводье лет —
И боль от одиночества,
И надежды свет.

Это даль без просини,
В ней отражены
И палитра осени,
И цвета весны.

Ах ты, доля-долюшка!
Время знать тоску.
Много было горюшка
На твоём веку.

Русь, не надо жалости
И дворца с крыльцом.
К одинокой старости
Повернись лицом.

Старость — миг отрочества,
Мудрость, дом и честь...
У нее нет отчества,
Но душа-то есть!

Виктор КОВАЛЕВСКИЙ

Виктор Гаврилович Ковалевский родился в 1943 году. Окончил Высшую школу милиции в Волгограде, где многие годы проработал в органах внутренних дел, в том числе четырнадцать лет — в уголовном розыске. Подполковник милиции запаса.

Мы неоднократно публиковали его юмористические рассказы в "Сапогах всмятку".

МИЛИЦЕЙСКИЕ

БАЙКИ

"КОЛУН"

Цыганский барон прикатил на "Волге" с жалобой на уголовный розыск.

А все начиналось так...

Цыгане поселились на окраине поселка, рядом с небольшим оврагом. Дворов десять. И зажили. Время горбачевское: в магазинах водки нет, а у них есть. Где берут — никому не известно. Как продают — все знают. Деньги рекой потекли.

Ракет не оставил сие без внимания. Вечером пришли трое. Дань, мол, платить надо. Получили. Один — пулю в глаз, двое других — звание мастеров спорта. По бегу. Милиция оказалась бессильной. Стрелявший исчез в странах ближнего зарубежья. Местные бухнули крепко и решили наказать цыганскую братию.

Саранча, узнав об этом, засуетилась. Стала собирать монетки. Сам барон кинулся искать защиты в уголовном розыске.

Прибежал к начальнику утру:

— Гражданин начальник, хана нам! Порэжут или пожгут. Охрана нужна. Пока не уедем. Сколько надо — заплатым...

— Денег не нужно, — посочувствовал Боев, — и так поможем.

И помогли.

Уже к вечеру приехали. Почти всем отделением, человек десять-двенадцать. В доме столы накрыты в ряд. На столах куры, индюки, утки. И, конечно, водка. Встретили концертом. Ромалы пели под гитару, плясали на пузе. Часам к трем утра выдохлись. Выдохлись и ребята из УРа. Вылакали бутылок десять. Набились в "уазик" и разъехались по домам.

И так несколько вечеров подряд. Поначалу стеснялись, к еде еле притрагивались. Но пили охотно. Потихоньку освоились. Сбацали под гитару "Здесь под небом чужим..." Потом в картишки срезались. На цыганских девок. Сначала понарошку. А потом так одну к стенке приперли, что и барон глаза выпучил. Двое из-за нее подрались. Красивая была...

Назавтра цыгане уезжали.

Виктор Ломако, розыскник со стажем, как на грех заступал на дежурство. Прощальный ужин оставался за спиной.

— Слушай, Брусик, — шепнул он еще молодому, но не в меру шустрому сотруднику. — Ты в курсе, что цыгане завтра отчаливают?

— Да.

— А сколько птицы у них заготовлено в дорогу, видел?

— Навалом, там еще и поросята есть, — причмокнул Брусик.

— Поросят не нужно. Заметно будет. А вот пару уточек да водочки позаимствовать не мешало бы. Завтра суббота. Повеселились бы.

— Ага, — только и сказал Брусик.

...Уже за полночь Брусик пнул ногой Серого, Серый — Попа, и так по цепочке. Встали. Напоследок хлопнули по стакашке, пожелали цыганке доброго пути и пошли на выход. Обычно цыгане сразу же закрывали за ними дверь. На улицу не выходили. Боялись. Так было и на этот раз.

В темноте на выходе из сеней каждый из оперов цеплял что-либо из корзины и усаживался в машину.

Разъехались. А утром цыганка заголосила. Пропало двенадцать индюков и ящик водки. Сначала свалили на рэкет. Потом взвесили все, обсудили. Барон поехал искать правду-матку.

...Замполит Трусов как на иголках выслушал историю и, взбрыкнув от нетерпения, побежал портить настроение боссу, зная о том, что мужики из ОУР его любимчики.

Начальник, угрюмый и подавленный, сидел в кабинете. Он был вообще-то мужик во всем правильный, но сегодня почему-то не опохмелился, и потому все мысли его витали вокруг кружки с пивом.

— Василий Львович, опять уголовный розыск отличился, — злорадно ковырнул замполит, — на сей раз индюков поворовали. Нужно принимать срочные меры вплоть до увольнения.

— Хм. Так-таки и увольнять? — почесал за ухом начальник. — А не порем ли мы горячку, Казимир Степанович? А? Ну-ка, давай, как говорится, прикинем, что, куда и зачем? Сколько, говоришь, ушло индюков от цыган?

— Хек, ушло... Как же они уйдут, если уже оципаны?

— Фу ты! Да я так, образно выразился.

— А-а, ну тогда двенадцать.

— Водки?

— Ящик.

— Так стоит ли из-за этого шум поднимать?

— Мм-м?

— Вот тебе и "мм-м". Сколько за два года, с той поры как цыгане поселились у нас, они тут нахапали? На спекуляции водкой, сигаретами, шмотками? А? Воз? А может, и два. А наши ребята чуть что — ноги в руки и пошел. С этого воза позаимствовали какую-то щипаную птичку... Э-э-э! — И махнул рукой.

— Ничего себе птичку! — затряс головой Трусов, — двенадцать индюков и ящик водки! Да это...

— Вот я и говорю, — перебил начальник, — лучше бы поделились, а то голова что-то трещит... Может, попросим? А?

От неожиданности у Трусова физиономия вытянулась так, что приобрела форму головы колли.

— Д-да нет, — выйдя из оцепенения, она снова стала округляться, — это аморально. Нас не поймут в управлении. Нам нужно выяснить, кто и сколько взял. Ведь возвращать-то придется. Вот надавить бы на эти беспшашные головы, глядишь, они и расколятся.

Начальник брезгливо одарил новоявленного "коллун" взглядом, каким смотрят на скисшую лапшу в кастрюле. Только и буркнул:

— Ну тогда назначай время. Разбираться будем.

В час дня собрались.

"Коллун" докладывал. Докладывал с упоением, злорадно шаря глазами по опущенным затылкам.

Опера сидели молча. Они всегда так. Уткнувшись носами в пол и выслушивают. И когда приятное, и когда неприятное...

— Ну, что скажет начальник уголовного розыска? — закончив изложение, приступил к допросу "Коллун".

— Да, конечно... в принципе это... — витиевато начал Боев, отвдавший уже за завтраком индюшатины, — в принципе, конечно, это... Да, в общем, что и говорить. И так все ясно.

— Что ясно? Где индюки? Где водка? С кого конкретно будем спрашивать?

— Н-ну, я думаю, с тех, кто там был.

— Хорошо, будем разбираться. С каждым в отдельности. Ломако!

— Слушаю вас!

— Сколько индюков и водки взяли с собой?

— Я дежурил вчера. Так что моя персона к водке и индюкам никакого отношения не имеет.

— Гм, ладно. Брусиков!

— Вчера сынишку из садика взял в девятнадцать часов. Пришли домой. Больше никуда не выходил. Жена и теща подтвердят.

— Еще бы не подтвердили! — вякнул вполголоса Бадья. — Двух индюков захапали...

— Тише, тише! — не расслышав реплики, продолжил "Коллун". — Попов!

— К-как уехал в-вчера в с-семнадцать часов на две кражи, так в-вернулся аж в два часа ночи, — заикаясь, понес Поп околесицу.

— Пр-роверим, — нажимая на "р", посуровел "Коллун". — Принесите, Боев, книгу учета происшествий.

— Они не зарегистрированы. Разобрался на месте. Заявы не будет.

— Во-о д-дает! — уже сам заикаясь, подергал подбородком "Коллун". — Думаете, пронесет? Сейчас же едем по адресам. Дежурный, подготовьте машину, — нажал он на кнопку селектора.

— А кражи безадресные, — совсем успокоился Поп. — У проезжих украли по майке из чемоданов. Они уехали уже.

— Ага, майкам ножки приставили, — опять хихикнул Бадья. Опера прыснули.

— Да-а, — со скрытой угрозой протянул "Коллун". — С вами каши не сварить. Сейчас всем отделением едем к цыганам. Разбираться будем на месте.

— Да цыгане-то давно тю-тю, — с насмешкой произнес Боев. — В двенадцать дня подогнали два рефрижератора, погрузились и уехали.

— Может, цыгане наврали все, товарищ майор? — как можно наивней спросил Бадья. — Им же верить нельзя. Сами слопали, а теперь тень на плетень наводят.

— Да не-ет, Бадейкин, не слопали! Двенадцать индюков и ящик водки за один присест? Даже если всем табором, и то не справятся.

— Справятся, — сквозь зубы уже выдавил Боев. — Если человека запросто хлопнули, то почему бы им с индюками не справиться? Да и вообще к чему все эти разборки? Цыгане уехали, индюки пропали. Если и отыщутся, куда их определить? В морг? Время попросту теряем, да и все. А у нас люди в камерах. С ними работать нужно. Завтра же за раскрываемость спрашивать будете.

Опера загудели в поддержку.

— Ладно, на сегодня хватит, — встал начальник милиции. — Давайте по рабочим местам.

Глаза его смотрели вслед уходящим операм тепло и ласково. Будто бы опохмелился.

Пашке выпало дежурить под Новый год. Обидно, конечно. Но Пашка не унывал. Жена и пятилетний сын еще вчера уехали на недельку погостить к бабушке.

“Вот и хорошо. Побуду хоть чуток холостяком. Утром сдам дежурство и закачусь на часик-другой в шашлычную к Гоге. Может, кого из старых друзей встречу, а может, давнюю подругу...” Так рисовал себе Пашка перспективу на завтрашний день. Вытянув затекшие ноги, он поудобнее устроился на стуле. Часы показывали три утра. За окном густо валил снег. В районе пока было тихо. Беситься обычно начинают только к рассвету, когда мужики хватят лишку и их тянет на подвиги. По времени сейчас как раз наступает этот момент. Да, так оно и есть. Вон уже кто-то звонит.

— Дежурный Центрального РОВД старший лейтенант Копытин слушает.

— Здравствуйте, — ответил сбивчивый женский голос. — Тут дерутся, приезжайте скорее.

— Где дерутся? Кто дерется?

— Ой, вон один уже упал! Быстрее же!

— Еще раз спрашиваю, где дерутся?

— Да на улице. Неужели не ясно? А еще милиция. Всегда вы приезжаете к шапочному разбору.

— Женщина, милая, не волнуйтесь. Куда приезжать-то? Улиц ведь много.

— Лесная, улица Лесная.

— Дом?

— Напротив аптеки.

— Кто звонит? Как ваша фамилия?

— Может, вам и адрес дать, где я живу?

Трубка брошена.

— “Прима”, “Прима”, я — “Глобус”, — послал в эфир позывной Пашка. — Ответьте, где находитесь?

— “Глобус”, “Прима” на связи. Слушаю вас.

— “Прима”, поезжайте на улицу Лесную. Напротив аптеки драка. Разберитесь.

— Понял вас.

Через полчаса были доставлены первые нарушители. Двое мужчин. Без пальто и шапок. Одному — за сорок, другому лет двадцать пять. У обоих на лицах свежие синяки.

— Чего не поделили?

— Да вот, — ответил тот, что постарше, — племяш обозвал мою женку Дунькой с мыльного завода.

— Ну и что из этого?

— А то, что ее и впрямь зовут Евдокией и работает она, как есть, на мыльном комбинате. Зачем же насмеяться над старшими?

— Ты чего же это куражишься над родственниками? — обратился Пашка к молодому.

— А чего она нос сует не в свое дело? “Дураки вы, — говорит, — с Лидкой. Зачем обменялись на девятый этаж? Вдруг лифт сломается? Как тогда добираться с детьми?” Объясняю ей доходчиво, что мы выгодно обменялись: однокомнатную на двухкомнатную, хоть и с доплатой. А она опять за свое: “На верхнем этаже всегда крыша течет”. Я ответил, что это у нее крыша едет. Она обозвала меня сморчком. Ну а я ее — Дунькой... А дядя, — молодой как-то виновато посмотрел на старшего, — вот дядя и вызвал меня поговорить на улицу...

— Ну ладно. До утра протрезвеете, а там начальник решит, что с вами делать. Ремнев, — обратился Пашка к сержанту, — проверь задержанных по адресу и отведи в камеру.

— Товарищ старший лейтенант, — вобрав голову в плечи, начал просить дядя, — уж я как-нибудь выдержу до утра, а племяша отпустите. У него двое детишек.

Пашка посмотрел на племяша.

— Утром к девяти подойдешь?

Молодой радостно кивнул.

— Смотри не подведи меня. Чтобы без опозданий. Ясно? — и опять к сержанту: — Проверил данные? Тогда веди этого в камеру, а молодого отправь домой. И в книге задержанных отметку сделай...

Около восьми утра изрядно подуставшего Пашку раньше обычного сменил напарник. В милиции тоже люди. Пашка поспешил домой.

Уже через час он сидел у Гоги и, опрокидывая рюмашечки, наверстывал упущенное. За соседним столиком рекой текло шампанское. Перед глазами мельтешила симпатичная официантка Роза. Было тепло и уютно. Пашка блаженствовал.

Он и не заметил, как вошедший старшина милиции уже с минуту глядывался в затемненное помещение шашлычной. Наконец он остановился на Пашке и быстренько подошел к столу. Полусшепотом выдал:

— Еле нашел, Павел Петрович. Спасибо, Шишкин подсказал. Там начальник милиции разыскивает вас.

— Чего ему? Я же отдежурил свое.

— Наверное, не с той ноги встал, а может, и вовсе спать не ложился. Орет, спасу нет.

— Чего орет-то?

— Да вы какого-то хулигана отпустили, а тот вовремя не подошел в отдел. Вот начальник и разбушевался. Срочно, говорит, разбейте Копытина, и пусть он явится вместе со своим "подопечным". Оба отметят у меня Новый год в камере. Может, сказать, что не нашел вас? А? Павел Петрович? А хулигана мы доставим.

— Не надо, — зло выдохнул Пашка. — Я его сам привезу. Где живет эта свинья неблагодарная? Адрес есть?

Слегка пошатываясь, Копытин оделся и сел в машину.

...Подъехали к дому. Пашка поднялся на второй этаж и позвонил в дверь.

— Кто? — спросил хриплый мужской голос.

Пашке почудилось, что хозяин нетрезв, и он зычно рывкнул:

— Открывай, сосунок! Я тебе покажу сейчас "кто"!

За дверью притихли. Видимо, разглядывали пришельца в глазок.

— Открывай, говорю. Почему не явился вовремя, скотина? — пьяно наезжал Пашка.

— Сам скотина! — огрызнулись в ответ. — Нажрался с утра, а теперь ищешь на свою ж... приключений.

— Ах ты, мать твою так! А ну открывай! — Пашка сильно ударил кулаком в дверь.

— Вы чего хулиганите?! — добавил женский голос. — Я сейчас милицию вызову!

— Я тебе такую милицию вызову! А ну давай своего остолопа. Я с ним говорить буду. — Пашка слегка навалился на дверь.

С внутренней стороны послышался щелчок, дверь приоткрылась на длину металлической цепочки. Пашка мгновенно сунул ногу в образовавшуюся щель.

— Вы чего хулиганите? — мелькнуло в проеме испуганное женское лицо. Пашка не понял. Эта женщина по возрасту могла сгодиться разве что в матери тому самому племяшу. И он вынужден был несколько ретироваться.

— Где ваш сын?

— Какой сын? Мы вдвоем с мужем здесь проживаем.

— Машка, ты чего там баланду травишь? — услышал опять хриплый голос Пашка. — Отойди от двери и тащи скорее топор. Я ему щас ногу отхреначу.

— Николай, ты в своем уме?! Опять в тюрьму хочешь сесть?

— Ничего, за одну ногу не расстреляют, а этот меня на всю жизнь запомнит.

Пашку обуял дикий страх. "А вдруг и вправду отхреначит? Да за дверью же зверь, а не человек". Хмель стал быстро улечувиваться. Пашка дернул пару раз ногой в надежде вытащить ботинок. Но не тут-то было. Дверь словно припечатала с той стороны.

А из квартиры опять донеслось:

— Чего стоишь, рот разинула? Тащи скорее!

Пашка затрясся. И вдруг он вспомнил про удостоверение. Судорожно вытащив из кармана, стал трясти им перед дверью.

— Я работник милиции! — сорвался он на противный визг. — Вы еще пожалеете у меня!

Но красная книжица на сей раз не помогла. Все тот же голос настойчиво требовал топора.

— Коля, он говорит, что работник милиции.

— Какой работник милиции? Пьянь он беспробудная. Придержи дверь, я сам сбегаю на кухню.

На какой-то миг дверь дала слабину. Совсем отрезвевший Пашка наддал плечом и, выдернув ногу, стремглав бросился вниз.

— Мужики, — заорал он не своим голосом, — там какой-то чокнутый на меня с топором кидается!

Милиционеры выскочили из машины и устремились вверх, на ходу выхватывая пистолеты. Подбежав к двери, Пашка изготвился к вторжению с одной стороны, водитель — с другой. Старшина замачал по центру, чтобы в глазок видели человека в форме.

— А ну открывайте, а то сейчас ломать будем! — громко приказал старшина и ударил по двери рукоятью "макарова".

— Сейчас, сейчас, — засуетилась женщина. — Хорошо, что вовремя подъехали. А то тут какой-то хулиган...

— Стоять, руки за спину! — ворвавшись в квартиру, заорали милиционеры.

Пашка бросился вперед и забегал по комнатам. Искал "племяша". Мужик с бабой остекленевшими глазами наблюдали за происходящим. Они стояли в коридоре. Топора нигде не было видно.

Остывший немного Пашка уже не так резко спросил:

— Где ваш сын?

— Какой сын? — перекосилась в испуге хозяйка, признав в одном из ворвавшихся "пьяного хулигана".

— Это улица Лесная?

— Да.

— Дом двадцать три?

— Да.

— Квартира сорок четыре?

— Да.

— Стригунковы здесь проживают?

— Да нет здесь никаких Стригунковых. Мы с мужем здесь вдвоем. Фамилия наша Федоровы.

— Как Федоровы? А Стригунковы?

— А-а... Так вы ошиблись адресом, — облегченно вздохнула хозяйка. Мужик стоял с опущенной головой, — Стригунковы переселились на девятый этаж. В этом же подъезде. Мы с ними перед праздником обменялись квартирами. Прописаться-то не успели, а вот переселиться — переселились. А что, разве мы нарушили закон?

— Да нет, не нарушили, — сконфузились в замешательстве беспшашные головы. Для них стала очевидной нелепость ситуации, в которую они попали. В протоколе-то значился адрес Стригункова, а

не место его действительного проживания. Помощник дежурного при заполнении документа допустил неточность. Посыпались искренние извинения...

— А где же чокнутый с топором, Павел Петрович? — лукаво спросил старшина, когда все трое вышли из подъезда.

— А-а, — махнул Пашка рукой и ничего не сказал. После такой встряски ему уже было ни до мужика с топором, ни до каверзного племяша. Ему было ни до чего. Он хотел спать.

РАЗБОРКА ПО-ЖЕЛТОВСКИ

До встречи “Ротора” с московским “Спартаком” оставалось два часа. В уголовном розыске все сотрудники — фанаты футбола. Отсюда сложившаяся традиция. На каждый матч — всем отделением и — орать до хрипоты.

Душно. Ломако пошире распахнул окно.

— Дмитрич, зайди к начальнику, — приоткрыл дверь Щелков.

— Чего там? — недовольно буркнул Ломако.

— Не знаю.

Опер нехотя приподнялся, толкнул дверь кабинета напротив.

— Что такое, Сергей Николаевич?

— Понимаешь, Дмитрич, — начальник розыска дернул плечами, — у Мякотных с этим убийцей ничего не получается. Целый день долбит, а толку нет. Поможешь?

— Так там все вроде бы ясно.

— Нам-то с тобой ясно, а доказывать нечем. Мякотных с самого начала запорол дело. Выложил то, что не нужно было. Сказал, что баба умерла. Подкорытов понял все, и теперь от него никакой явки с повинной не выбьешь.

— Николаич, а может, в камеру его? До завтра? Сегодня-то уже некогда. Футбол...

— А основания для задержания есть? — проявил недовольство Маликов.

— Ну ладно, попробую, — вздохнул Ломако.

Вернулся в кабинет. Сел. Стал думать. Припомнил подробности.

...Сегодня утром у подъезда своего дома была обнаружена не подающая признаков жизни двадцатипятилетняя гражданка Чернова. Рядом, на скамеечке, сидел ее сожитель, неоднократно судимый Подкорытов, и, прикрыв лицо ладонями, нервно вздыхал: “На хрена я это сделал?!” Он не стал отрицать, что выкинул сожительницу из окна квартиры. С четвертого этажа. Как это случилось — не помнил. Был пьян. Осмотр в квартире каких-либо результатов не дал. Следов, указывающих на сопротивление со стороны потерпевшей, не обнаружено. Зафиксированы относительная чистота и порядок.

В отделе, куда доставили Подкорытова, Мякотных, пытаясь наскоком решить вопрос, сообщил по-

дозреваемому, что выброшенная им сожительница в морге, и предложил написать явку с повинной. Мотивировал тем, что чистосердечное признание должно спасти его от пожизненной отсидки.

Да, именно здесь он и допустил профессиональную ошибку. Внезапно протрезвевший Подкорытов почувствовал смертельную опасность и круто “пошел в отказ”: “Не выбрасывал я ее, она сама выпрыгнула”. Имея за плечами солидный воровской багаж и разбираясь в криминале не хуже опера, он понял, что мертвая ничего уже не скажет, а иных доказательств его вины милиция не имеет.

“Эх, Мякотных, Мякотных! Не сказать, что ты сотрудник неопытный. Как-никак, шесть лет в уголовке отбабахал. А дело серьезное загубил на корню”.

Анализируя сложившуюся ситуацию, Ломако одновременно перебирал различные варианты предстоящего разговора с Подкорытовым. И наконец, тщательно взвесив все, остановился на рискованно-крайнем: действовать на грани фола. То есть — давление, давление и еще раз давление... Убийца должен быть наказан. И Ломако решительно встал. Направился к секретарю-машинистке.

— Анна Васильевна, я тебе минут через десять позвоню, нужно комедию разыграть. Как тогда. Помнишь? С меня шоколадка.

— И бутылка лимонада.

— Ага.

Зашел к Щелкову.

— Миша, а, Миша, Мякотных с Подкорытовым разбирался и где-то прокололся. Тот прикинул, что к чему, и показаний давать не желает. Может, притащишь мне этого ублюдка через пару минут? Только сделай вид, что ведешь к немаловажной персоне.

Ломако вновь вернулся к себе. Поправил галстук, одернул пиджак...

— Разрешите, Виктор Дмитриевич? Вот, привел по вашему приказанию. Можно идти?

Ломако кивнул.

— Садись, скотина, — не давая вошедшему возможности опомниться, буром накатил опер. — Нам теперь и на хрен не нужна твоя явка с повинной. Я только что из больницы. Чернова жива, хотя еще и в тяжелом состоянии. Сломаны четыре ребра и обе ноги. — Давление опера было грубым и жестким. Но в этом была своеобразная необходимость. Как считал Ломако, со скотиной нужно разговаривать только на его же языке. — Так вот, — продолжал опер, — три часа назад ее прооперировали, и вскоре у нее можно будет выяснить кое-какие подробности. Так что твои показания нужны нам будут в дальнейшем как собаке пятая нога. А теперь думай башкой своей, стоит тебе тянуть резину или нет? Только быстро. Я на тебя время попросту тратить не стану, — и отвернулся к окну.

Как обухом по голове ударили Подкорытова. “Вот попал с корабля на бал...” Он еще не совсем внял услышанному, но мозги уже напряглись и поневоле зашевелились в поисках пути к спасению. “Пургу гонит начальник или нет? Жива или нет? Может, на понт берет? А вдруг правду говорит? Что тогда? Ведь он еще не знает, что кокнулись-то двое. А может, зна-

ет? Вот мент поганый. Даже в глаза не смотрит. Отвернул харю в сторону и молчит. Хочешь — верь, мол, хочешь — не верь. В душу бы ему, суке, заглянуть. Да-а, это не какой-то там Мякотный. Прет дуром, причем нагло и в цвет”.

— Только вот не пойму, — откуда-то издалека донеслось до Подкорытова, — отчего она не захотела тебя сдать сразу? Боится или цену набивает? Слушай, — продолжал сеять панику и тревогу в душе Подкорытова опер, — а может, в квартире, кроме вас, был кто-то третий? А? Или Чернова повязана с тобой чем-то? Ну, скажем, сбытом вещичек, золотишка? А? Почему она молчит? Я ведь задал ей пару вопросов на эту тему.

“Похоже, правду говорит мент, — сглатывая наживку, склонялся к мысли Подкорытов. — Иначе бы тоже начал давить на явку с повинной. А он даже и не заикнулся. Спокойно наезжает. А что, в самом деле, могла же эта клуша остаться живой? И не давать в отношении меня раскладку? Все равно ей деваться некуда. Да и знает, что если со мной что-нибудь случится... И все же колотья еще рано. Нужно спровоцировать мента и посмотреть, как онотреагирует”. И Подкорытов внезапно спросил:

— А можно мне повидать ее?

Ломако ожидал подобного вопроса. И был готов ответить на него. Он презрительно уставился на Подкорытова. Ни один мускул не дрогнул на лице опера, и было видно, как в судороге задергались желваки преступника. Игра вступила в одну из решающих фаз. Ломако нарочито помедлил, словно размышляя, и стал потихоньку выдавливать вслух:

— Ну, в общем-то я человек, и, как говорится, ничто человеческое мне не чуждо. Хотя ты и есть мразь ничтожная... Ну, а что толку, если ты встретишься с ней? — спросил он, все так же пристально глядя в глаза. — Какой в этом смысл? Надеешься, что простит? Вряд ли... Хотя... Ну, положим, я предоставлю тебе такую возможность. Разумеется, под крышей конвоя. Ну доставят тебя в больницу. А дальше-то что? Чернова даст письменное согласие не привлекать тебя к ответственности? Хотя... хотя кто вас, жулье паршивое, знает? В конце концов, это ее право — решать, сидеть тебе в тюрьме или быть на свободе. Да и для нас-то баба с возу — кобыле легче.

Поставив точки над “i”, Ломако окончательно выбил почву из-под ног Подкорытова. Тот почти на сто процентов уверовал в то, что сожигательница жива. “Да простит она мне, простит!.. Не такое еще было... Я ее, кикимору...” — услышал вдруг опер изуверский лепет преступника, от которого его всего аж передернуло.

— Молчи, падло! Мне твои излияния совершенно не нужны! — взвился Ломако и, деланно успокоившись, стал набирать номер: — Мне главврача. — Он выдержал паузу. — Анна Васильевна, извините, это вас опять Ломако из уголовного розыска беспокоит. У меня к вам просьба. Пожалуйста, изыщите возможность поместить Чернову в отдельную палату. К ней сейчас подвезут мужа. Им будет о чем поговорить. — Помедлил. — Спасибо.

Этим разыгранным фарсом с участием машинистки он почти доконал Подкорытова. “Действитель-

но, мент уже был в больнице. И она жива. Надо попытаться разжать кранты”.

А Ломако положил трубку.

— Та-ак, — протянул он. — Значит, так. Сейчас конвой доставит тебя в больницу. Главврач обеспечит разговор с Черновой наедине. Мой совет тебе: проси прощения хоть на коленях. Да, вот... — помедлив, добавил: — Прихвати с собой что-нибудь из фруктов. К больной ведь едешь. Охрана разрешит. Деньги есть?

— Есть, есть! — радостно вскочил со стула Подкорытов. — А вообще-то добавьте малость, а то вдруг не хватит.

Накал борьбы достиг высшей точки. Наступил момент сродни тому, когда рыбак, зацепив свой улов, с максимальной осторожностью должен вытащить его на берег. И Ломако “потянул леску”. Он хлопнул рукой по лбу и резко встал:

— Слушай, Подкорытов, да надо мной же смеяться будут. Скажут, пустил ни за что ни про что козла в капустные грядки. А может, и того более — отчего это вдруг поблажка этому трепачу? Уж не прикупил ли тот Ломако? Да-а, совсем ты мозги мне закомпостировал.

— Какие мозги, кого купил? — съезжился от неожиданности Подкорытов и, боясь упустить ускользающую надежду, спросил испуганно: — Что же теперь делать?

— Что делать, что делать... — поморщился Ломако. — Ну, изложи хотя бы вкратце, что натворил. Это и будет мне реабилитацией.

— Явку с повинной, что ли?

— Ну пиши явку с повинной, — снизошел Ломако. — Только побыстрее и покороче. А то у меня времени совсем мало.

Подкорытов уже подсознательно верил в реальность происходящего. Он взял ручку и стал писать.

Ломако присел и занялся своими бумагами. Изредка бросал косые взгляды на Подкорытова. Вот появились первые строки. Это уже кое-что. Как бы между прочим спросил:

— И как же это ты сумел ее сбросить? Ведь сопротивляться же должна?

— А я ее сначала скалкой по башке. Она и отключилась, — не отрываясь от писанины, пояснил Подкорытов. Он уже не чувствовал подвоха в вопросах и отвечал машинально и неосознанно, зная по опыту, что в таких случаях необходимо искать сочувствия в глазах работника милиции. Только доверительный контакт с ним дает какой-то шанс на спасение.

А сердце Ломако екало от радости. Реальное доказательство существует. И чтобы его найти, необходимо дожать, но не перегнуть палку, и он с напускным равнодушием, нехотя спросил:

— Это та самая скалка, что на кухонном столе лежала?

— Да нет, есть еще одна, поувесистей. Я ее в шифоньер, под белье сунул.

“Все, дело сделано”. — Ломако в открытую уже посмотрел на листок.

— Ну что, скоро ты там? Слушай, а за что ты ее так жестоко?

Подкорытов расписался, положил ручку. Ломако поднял трубку:

— Миша, найди.

— Да она, сука, меня наколоть вздумала. До шестого месяца беременность скрывала. А вчера призналась. Меня это и взбесило. Ее шпунтенок-то мне на кой черт?! — Подкорытов предельно разоткровенничался, млея от возможности спасительного исхода для себя. И уже с нескрываемым цинизмом прошипел, как змея: — Для начала наступал ей по животу. Не поняла, стала орать на всю квартиру. Вот я тогда и тюкнул ее по тылке. Да она же живучая, как кошка. Я так и знал, что с ней ничего не случится. Я... — он не договорил.

С перекошенным лицом Ломако медленно поднялся и спустя мгновение перекинулся через стул. Схватив Подкорытова за волосы, он с силой крутнул их и припечатал негодя мордой к столу. Истощенный вопль Подкорытова вряд ли охладил бы пыл опера, но на счастье ворвался Щелков.

Ломако отпустил преступника, взял со стола его писанину и тяжко выдавил:

— Лучше бы ты, ничтожество, вместо своей сожительницы место в морге занял. Определи, Миша, этой скотине подходящее стойло в камере.

Вобрав голову в плечи, Подкорытов, как затравленный зверь, с ужасом взирал на Ломако. Он внезапно почувствовал, что его постепенно загоняли в угол, пока не приперли совсем и не опрокинули так, как опрокидывает братва зарвавшегося в зоне. Он понуро встал и в сопровождении Щелкова молча вышел из кабинета.

Ломако опустил на стул. Глянул на часы. Прошло всего сорок минут. Встал и пошел к начальнику.

— Николаич, давай машину. Вещдок изымать нужно. Перед тем как выбросить Чернову, Подкорытов ударил ее скалкой по голове. В остальном, думаю, экспертиза разберется, — и положил "явку с повинной" на стол.

Дежурный, определяя в камеру Подкорытова, спросил Щелкова с иронией:

— Ну что, раскололи?

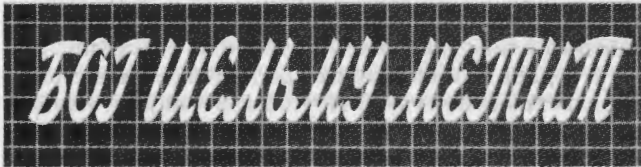
— Да.

— Кто? — недоверчиво посмотрел дежурный.

— Ломако.

— Как?

— А по-жегловски. Раз-два — и в дамки.

В кабинете скучали два оперуполномоченных. Одному, еще не совсем оперившемуся сотруднику, позарез нужен был модный "дипломат". Другой, более опытный, заступал на сурочное дежурство. По линии уголовного розыска.

Звонок.

— Дмитрич, спустись в дежурку.

Ломако спустился в дежурную часть. Помощник дежурного Скобелев сообщил:

— Нужно выезжать на происшествие. В квартире недели две назад мужик повесился. Жил один. Соседи почувствовали запах и вскрыли дверь.

— Ну, Володя, ты даешь!.. — сквасился сразу Ломако. — Не успел еще порог отдела переступить, а ты мне такую пакость подсовываешь.

— Дмитрич, я сочувствую. Но ты ведь дежуришь.

— Дежурю, — Ломако почесал в затылке. — Ты погоди, сильно-то не трезвонь. Дай покумекать малость.

Постоял пару минут. Покумекал. Затем пошептал что-то на ухо Скобелеву и вышел.

Поднялся на второй этаж. Зашел к себе в кабинет.

— Чего там? — спросил Славик.

— Да ничего, ложная тревога, — с напускной беззаботностью ответил Ломако и уселся на свое место.

День только начинался, но в помещении было уже душно. Окна нараспашку. На улице август.

Ломако немного порылся в бумажках и снял трубку.

— Здравствуйте, Валентину Михайловну можно?.. Мам, привет! Как там у вас? Нормально?.. Что? "Дипломаты" завезли? Кожаные? А цвет? — Ломако скосил глаза на Славика. У того даже ушки оттопырились. Сидит — весь внимание. Ломако прикрыл трубку и, загнув большой палец, посмотрел уже вопросительно.

— Братъ, братъ! — вскочив со стула, засуетился от радости Славик.

— Мама, можно отложить? Только до обеда? Ну хорошо, сейчас что-нибудь придумаю.

Опустил трубку. Несколько озадаченно взглянул на Славика.

— Что такое? — встревожился тот.

— Дело в том, что до обеда необходимо забрать.

— Ну что же ты, не успеешь, что ли? Еще десяти нет.

— Да я же дежурю. В любой момент могут вызвать на происшествие.

— Нашел о чем беспокоиться. Я что, не смогу тебя подменить, что ли? Вот, правда... — вздохнул Славик, — денег у меня с собой нет. Придется занять.

— С финансами вопрос решим. Главное — забрать вовремя.

— Так что же ты сидишь? Иди скорее.

— Тогда я ненадолго. Полчасика хватит. — Ломако покидал документы в сейф, закрыл его — и прямиком в дежурную часть.

— Володя, через пару минут можешь заходить.

— Понял, — заговорщически подмигнул тот.

Ломако спустился в подвал и устроился так, что через лестничный проем просматривалась дверь его кабинета.

Долго ждать не пришлось. Скобелев уже поднялся на второй этаж. Из открытой двери донеслось:

— Где Ломако?

— Чего тебе? — ответил несколько высокомерно Славик.

— На происшествие выезжать надо.

— Кража, что ли? — опять через губу последовал вопрос молодого опера.

— Да нет, труп в квартире. Мужик повесился.

— Фу ты, бляха-муха! Надо же такому случиться, я ведь за Ломако остался. Слушай, Скобелев, давай-ка повременим с выездом, хотя бы на полчаса.

— Да нет, Вячеслав Иванович, там соседи уже возмущаться стали. Второй раз звонят. Требуют, чтобы труп немедленно убрали.

— Володя, — отбросив помпезность, заскулил Славик, — может, другого кого пошлешь? Я тебе пuzzyрь поставлю.

— Ну кого же я пошлю? За дежурного опера, сам говоришь, остался, — не поддавался Скобелев. — Действуй.

— Вот е-мое, — глухо застонал Славик.

Ломако стоял не шелохнувшись, пока не убедился, что ершистый оперишка понуро вышел из кабинета. Потом осторожно выбрался из своего пристанища и так же осторожно переместился на другую, удобную для наблюдения позицию. Отсюда просматривалось место, от которого должна была отъезжать милицейская машина. Он оставался "на посту" до тех пор, пока "линейка" не скрылась из поля зрения.

Как ни в чем не бывало Ломако поднялся в свой кабинет и, закури́в, довольно замурлыкал: "Как у нас в садочке, как у нас в садочке роза расцвела..." Затем набрал номер внутренней связи и поблагодарил Скобелева:

— Володя, флакон с меня.

— Дмитрич, твой коллега тоже хотел купить меня за один...

— Володя, о чем разговор. Я же образно выразился. Мы с тобой и три ночью умнем, если, конечно, обстановка позволит.

— Тогда заметано.

Ломако сел поудобнее и, опершись локтями о стол, предался размышлениям: "Самое мерзопакостное в работе опера — это иметь дело с трупами. Вот что, к примеру, предсто́ит сейчас Славик? Он должен в насквозь провонявшей квартире сделать осмотр места происшествия, опросить свидетелей и, погрузив труп в машину, доставить его в морг. И вот там-то его ждет самое страшное..." Ломако вспомнил недавний эпизод, и по телу пробежала дрожь — бр-р...

Дней десять назад отвезили они с Земой очередного "тухлого". Подвезли к моргу и, глотнув побольше воздуха, одним махом вперли труп в подвал. Увидели свободный отсек и сбросили жмурика с носилок. Только было на выход, а бабка-санитарка кричит: "Вы не туда положили! Давайте вон на то место!" Тут круги под глазами, воздуха не хватает, а бабка на своем — перетаскивайте, и все. Ломако рявкнул с досады — и деру вверх по лестнице. А там уже другая бабка: "Чебурашка, я дверь заперла, чтоб они совсем не убежали". Так и пришлось повозиться...

"Да, Славик, не повезло тебе. Жарища-то вон какая, — незло ухмыльнулся Ломако. — Но зато впредь умнее будешь. А то "дипломат" ему, видите ли, навороченный нужен..."

Раздался звонок.

— Дмитрич, давай спускайся вниз, — услышался голос Скобелева.

— Что такое? — почувствовал недоброе Ломако.

— Да Бог и вправду, говорят, шельму метит. На Волге два утопленника всплыли. Ехать надо.

— Да ты что-о? Сразу два! — ужаснулся Ломако.

— Ну да. И, понимаешь, на самой границе с Центральным районом. Еще бы чуть-чуть, и... — почувствовал сержант.

— Неужели нельзя было сбегать их куда подальше по течению?

— Об этом спроси участкового Галошина. Он их обнаружил. А этому Галошину, сам знаешь, все до лампочки.

— Вот баран тупоголовый. Он раскопал их, пусть и тащит сам в морг, — вгорячах бросил Ломако.

— Галошин уже смылся. Он на левом берегу пляж обслуживает сегодня.

— Что же делать? — по привычке почесал затылок Ломако.

— Дмитрич, а может, еще найдешь кого вместо себя? — не выдержав, заржал Скобелев.

— Да кто же еще клонет? — обреченно вздохнул Ломако и потянулся к папке с документами.

Тут-то и ворвался Славик. Был он очень возбужденный, если не сказать агрессивный.

— Ты, козел старый! Я там в противогазе целый час парился, а ты здесь прохлаждаешься? "Дипломат" принес? — наехал он сразу.

Ломако опешил. Не ожидал он столь быстрого возвращения опера.

— Подожди, подожди, ты труп-то отвез? — нагло спросил он.

— Машину не подослали. Сам в морг повезешь, — огрызнулся тот злобно и накатил снова: — "Дипломат" принес?

— Какой "дипломат", какой к черту "дипломат"?.. Тут неvezука такая, — отмахнулся Ломако, — утопленники всплыли, а ты со своим барахлом лезешь. Еще два жмурика обнаружены. Теперь в Волге. Я что, специалист по трупам?! — взывая куда-то вверх, кричал он, — или они все сегодня взбесились?.. Слушай, Славик, — внезапно обмяк он, — а может, поможешь?..

Но, увидев, как багровеет лицо опера, а правая его рука тянется к увесистой пепельнице на столе, Ломако пулей выскочил из кабинета...

Кузьмич был из тех, у кого, как говорится, и зимой снега не выпросишь.

Ломако встретил его случайно, когда зашел в спецкомендатуру изъять кое-какие вещи.

— Кузьмич, здорово! Каким ветром сюда занесло?

— До пенсии год остался. Дежурным вот перевели. А ты?

— Я в "квартирников" переквалифицировался. С воровской мафией контакт устанавливаю. Вот заглянул к вам как раз по делу. Понятых сможешь отыскать?

— Какой разговор, Дмитрич, — засуетился майор. — Уголовному розыску — и отказать? Только вот, — чуть запнулся он, — может, пойдём перекусим сначала? Время-то обеденное. А уж потом делом займемся.

— Согласен.

Пошли в столовую. Теплый апрельский день сопутствовал мажорному настроению дежурного.

— Завтра утром сменюсь как положено и укачу на недельку в деревню. К родственникам. У-ух, благодать-то какая, — потянулся он до хруста в плечах. — Там и праздники майские встречу.

— Ты что, в отпуск собрался?

— Да нет, отпуск у меня в декабре.

— А как с работой? У тебя же дежурства?

— Я договорился с начальником. Отпускает. Привезу ему чего-нибудь. Ты знаешь, Дмитрич, какие там места? — расчувствовался Кузьмич. — Хопер. Лес. Природа. Рыбы — тьма! В гараже с прошлого года вялка лежит.

— Хоть бы угостил, что ли.

— Да она уже ржаветь стала. Вкус потеряла. Вот если бы раньше спросил...

— Ну и скупердяй же ты, Кузьмич. Какой был, таким и остался", — отметил про себя Ломако, но ничего не сказал.

— Тесть кабанчика заколет, сальцом разживемся, — блаженно продолжал Кузьмич. — У меня в гараже еще с прошлого года мясо в консервах осталось. — Кузьмич спохватился: — Но плесень какая-то в банках завелась.

— А в голове твоей не завелась? — не выдержал Ломако.

— С головой все в порядке, — ничуть не обиделся скряга. И внезапно спросил: — Дмитрич, у тебя госталонов на бензин случайно не завалилось?

Эти слова взбесили Ломако. Неумное желание наказать Кузьмича за такую наглость возникло мгновенно. Но чтобы не спугнуть зарвавшегося, он осторожно спросил:

— Зачем тебе?

— Да я же на "жигуленке" своим еду. А это, считай, верст двести с гаком будет. Где столько денег на горючее взять?

— Вон куда метишь, шельма. На чужом горбу в рай хочешь въехать. Бензинчик тебе нужен. Ну что ж, сейчас мы изобразим тебе бензинчик", — зло ухмыльнулся Ломако а вслух произнес:

— Знаешь, Кузьмич, талонов у меня нет, а вот "живым" бензином помочь смогу.

— Где же ты его возьмешь? — недоверчиво спросил Кузьмич.

— Да ведь мой дядька автоколонной правит. Забыл?

— И сколько он может сделать?

— Ну... литров триста.

— Хи-хи-хи, — прыснул Кузьмич.

— Ты чего, не веришь?

— Верю всякому зверю. А тебе, ежу — погожу. Я же знаю твои приколы.

— Как хочешь. Но я тебе лапшу на уши вешать не собираюсь...

Зашли в столовую. Пообедали. Назад возвращались медленно, лениво перекидываясь ничего не значащими фразами.

Почти у самого входа в здание Кузьмич, сощурился и без того маленькие глазки, не выдержал и спросил:

— Не брешешь?

— Чего "не брешешь"?

— Насчет бензинчика?

— Я десять раз не повторяю.

— А завтра можно вопрос решить? — наконец-то окончательно клянул он.

— Да хоть сегодня.

— Сегодня нельзя. Я на работе. А вот завтра бы я подъехал к тебе в отдел часиков в пять вечера.

— Давай так.

— И завтра же можно затариться?

— Конечно.

— Та-ак, десять пустых канистр имеется, три возмужу у соседа и сорок литров залью в бак", — раскатал губы Кузьмич и, встрепенувшись, вспомнил:

— Ну что, понятые тебе нужны?

— Давай быстрее. Мне еще по нескольким адресам проскочить надо.

...Изъяв вещи, Ломако спустился со второго этажа и, минуя дежурную часть, умышленно замедлил ход.

Кузьмич, казалось, только этого и ждал.

— Так завтра в пять вечера? — напомнил он, высовываясь из приоткрытой двери.

— Только не позже. А вообще-то, Кузьмич, — развернулся Ломако, — совесть у тебя есть какая-нибудь?

— Чего? — недоумевающе уставился тот.

— Бензинчик-то не задарма льется, как думаешь?

— А-а, — понятно закивал скряга, — с меня флакон.

— Не флакон, а два. И ржавую рыбу прихвати на закуску.

— Понял, понял, все будет в порядке, — успокоил Кузьмич.

...На следующий день, едва приступив к работе, Ломако зашел к Попу. Тот был в не меньшей степени пройдоха, чем сам Ломако.

— Серега, дело есть.

За две-три минуты операция "бензин" была состряпана.

Около пяти вечера в кабинете Ломако раздался звонок:

— Дмитрич, это я. Ну ты что, не передумал? — спросил все еще сомневающийся Кузьмич.

— С чего бы это?

— Тогда я через десять минут у тебя.

— Давай. — Ломако положил трубку и тут же шмыгнул к Попу.

— Серега, Кузьмич вышел на связь. Подъедет че-

рез десять минут. Смотри не проморгай. Забегай ко мне только после звонка.

Ровно в семнадцать Кузьмич зашел в кабинет, хитренько улыбнулся. Глаза выдавали прежнее недоверие.

— Ну что, едем? — боясь оказаться посмешищем и готовый свести все к обычной шутке, спросил он.

Ломако кивнул и открыл сейф. Бросил туда бумаги и спросил, не глядя:

— Водку принес?

— Да мы по дороге возьмем. Деньги у меня с собой.

— Не-ет, Кузьмич. Так дело не пойдет. Меня на мякине не проведешь. Я ведь тебя тоже знаю.

— Да я...

— Да пошел ты!.. — и Ломако стал вытаскивать документы обратно.

Кузьмич быстренько смикитил, к чему может привести его прокол со спиртным.

— Тогда я мигом! — и он выскочил из кабинета.

Минут через десять вернулся и протянул газетный сверток.

Ломако сунул его под стол.

— А вторая?

— А вторую мы разопьем в гараже. Там и закусим.

— Ну и жмот же ты, Кузьмич. Возьмешь с тебя чего лишнего... Ну да так уж и быть, поехали. Только дай вот позвоню.

Набрал номер и выдал Попу сигнал эзоповым языком. Не спеша положил трубку и стал убирать со стола бумаги.

Вот тут-то и вбежал Поп. Глаза что у бешеной собаки.

— Дмитрич, скорей на выход. Тебя начальник тревожит. Три хаты поставили на уши.

— Сергей, я же только что приехал с происшествия...

— Ничего не знаю. Объясняй начальнику. Он уже ногами стал топтать, — и Поп выскочил за дверь.

Ломако посмотрел на Кузьмича: вот видишь, мол, как бывает. Ты же сам мент и должен понимать.

Но Кузьмич сейчас был уже не в состоянии что-либо понять. Бензин уплывал на глазах, и ему стало от этого мучительно больно. С каким-то глуповатым видом он уже безнадежно спросил:

— А может, позвонишь дядьке? А я бы без тебя съездил?

— Нельзя, Кузьмич. Без моего личного присутствия ничего не получится. Бензин, брат, как и Восток — дело тонкое. А впрочем, — Ломако отвел глаза, — а впрочем, можно испробовать один вариант. Я накатаю сейчас записку от имени дядьки.

— Вот, вот, давай я по записочке, — заискрился надеждой Кузьмич.

— И сколько же тебе бензина?

— Как договорились — триста литров.

Ломако качнул головой и, уткнувшись в бумагу, быстренько набросал:

“Уважаемая Глафира Дормидонтовна! Предъявительно сей записки прошу выделить триста литров бензина марки 93 на заправку машин автоколонны № 41. Расчет в ваш адрес будет произведен до конца текущего года.

Начальник автоколонны № 41 Брежунович И. И.”. Отдавая Кузьмичу галиматью, Ломако пояснил:

— Поедешь на ту заправку, что у Мамаева кургана. Спросишь Глафиру Дормидонтовну. Симпатичная такая женщина. На гречанку смахивает. Отдашь ей записку. Только смотри, — лукаво прищурился Ломако, — смотри не дури, старый пес. Она моя родственница по жене. Понял?

— Понял, понял, — крутился уже юлой Кузьмич. — Мне только бензинчику бы. Больше ничего не нужно.

Однако, прочитав записку, он подозрительно осклабился:

— Ну, ты дае-ошь, Дмитрич! Это кто же по такой бумажке отпустит бензин? Ни печати тебе, ни подписи.

— Да, Кузьмич, чувствуется, что и тебя на мякине не проведешь, — загудел весело Ломако. — Хотел немного пошутковать с тобой. Да не вышло. Давай сюда прошение.

Кузьмич протянул.

Ломако с серьезным видом поставил в верхнем углу кружочек и втер туда какой-то замысловатый иероглиф. Расписавшись под фамилией Брежунович, вернул записку:

— Это вроде визитной карточки. Понял? Давай дуй теперь.

— Вот сейчас все по уму, — бережно засовывая писульку в карман, заулыбался Кузьмич. — А то начал дурака. Дураков-то у нас не-ет! — самонадеянно проблеял он и выскочил из кабинета.

...Через пару минут с куском колбасы ввалился Поп.

— Ну что?

— Раскрутил, да только на одну бутылку.

— Вот скупердяй...

Закрылись наглухо. Сидели тихо и выпивали.

Минут через сорок зазвонил телефон.

— Дмитрич, это я. Где твоя Глафира Дормидонтовна? Я ее нигде не найду. — Голос халявщика негодующе дрожал.

— А ты на какой заправке был?

— Да я их все объездил...

— Извини, Кузьмич, а какой сегодня день?

— Пятница, — не чувствуя подвоха, ответил тот.

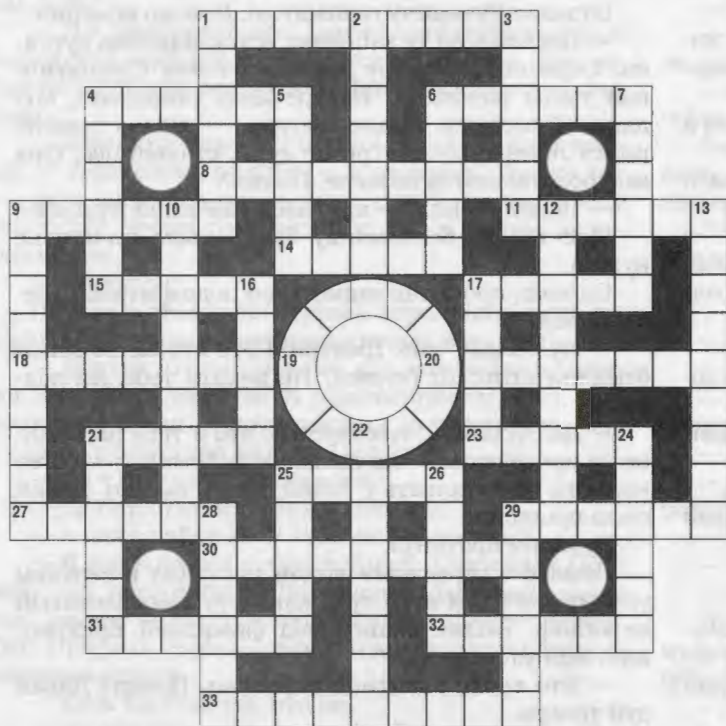
— А число?

— Тридцатое.

— А год? — давясь уже от смеха, издевался Ломако.

— Ты что, дурак, что ли? — выйдя из себя, заорала трубка.

— Дурак не дурак, Кузьмич, а вот с таких умных, как ты, кое-что всегда имею. По поводу бензинчика-то надо было раньше обращаться. Бензин — он, как и Восток... — и Ломако положил трубку.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Участок местности, оборудованный для обучения и совершенствования навыков вождения боевых машин. 4. Крытое сооружение на берегу моря (реки, озера), предназначенное для строительства кораблей, судов. 6. Поселок в Курской области, где в 1943 г. произошло крупное сражение. 8. Плава итальянской фашистской партии и правительства в 1922-1945 гг., который поддерживал Гитлера во Второй мировой войне. 9. Один из основных факторов, характеризующих местность при организации и ведении боя. 11. Устный или письменный доклад должностного лица начальнику по установленной форме. 14. Военный летчик-штурмовик, совершивший в войну 170 боевых вылетов, дважды Герой Советского Союза. 15. Древний город в Словакии на одноименной реке, укрепленный двойным валом, в IX веке — столица Нитранского княжества, 17. Политический и государственный деятель Великобритании, участник Берлинской конференции в 1945 г. 18. Поворот парусного судна с косым парусным вооружением на другой галс носовой частью против встречного ветра. 20. Сооружение, создаваемое в память военно-исторического события и его участников (памятник, монумент и т.п.). 21. Правительство, пришедшее к власти в результате военного переворота. 23. Улучшенная грунтовая дорога. 25. Участник французского движения Сопротивления, Герой Советского Союза и национальный герой Франции. 27. Пограничный или заградительный отряд и место его расположения. 29. Одно из морально-боевых качеств военнослужащего. 30. Русский физик, автор трудов по электронной оптике. 31. В Испании род холодного оружия — длинный

складной нож. 32. Автомобильная или железная дорога, проходящая параллельно линии фронта. 33. Композитор-песенник, автор песни "Заветный камень" о защитниках Севастополя.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Блестящий успех, выдающаяся победа. 2. Перенос срока призыва на действительную военную службу на более позднее время. 3. Военная форменная парадная одежда. 4. Военная часть или подразделение, перевозимое железнодорожным поездом. 5. Представитель легкой кавалерии, появившийся в России в 1694 г. при Петре I. 6. Военачальник, генерал армии, участник боев под Москвой и Сталинградом, дважды Герой Советского Союза. 7. Роман Г. Коновалова. 9. Передающая радиостанция, действующая самостоятельно в составе радионавигационной системы. 10. Российский поэт, автор слов песни "Хотят ли русские войны?". 12. Название космонавта в США. 13. Концентрационный лагерь в Польше в 1941 — 1944 гг. 16. Стремительное движение частей и подразделений. 17. Русский генерал, участник русско-японской войны 1904-1905 гг. 21. Город на Украине, в устье Днепра, основан в 1778 г. как крепость с судовой верфью для Черноморского флота. 22. Маршал Советского Союза. 24. Повреждение тканей организма от внешних воздействий. 25. Деятель чешского рабочего движения, организатор социал-демократической партии страны. 26. Военный головной убор с высоким козырьком и плоским верхом. 28. Горючий продукт, применяемый в качестве зажигательно-огнеметных смесей. 29. Крейсер Черноморского флота, команда которого в 1905 г. восстала под руководством П. Шмидта.

ПО КРУГУ: 19. Часть прибрежной акватории с прилегающей территорией для стоянки кораблей и судов. 20. Искусственная мишень.

Составил **Е. КУЛИКОВ**

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6, 2002

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Потсдам. 6. Патриот. 9. Дахау. 10. Фугас. 13. Страж. 14. Кавалер. 16. Вираз. 19. Матрос. 20. "Кольцо". 21. Иприт. 22. Конев. 25. Учение. 26. "Тайфун". 30. Мосин. 31. Авиация. 32. Округ. 35. Внезапность. 36. "Ветеран". 37. Морозов.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. "Побратимы". 2. Радар. 3. Запад. 4. Голованов. 7. Таран. 8. Рубеж. 11. Наступление. 12. "Зильберфукс". 15. Ан. 17. Позиция. 18. Моточас. 23. Суворовец. 24. Ондulatory. 27. Авиизо. 28. Карпов. 29. Пилот. 33. Ангар. 34. Отход.

Как-то удивительно тихо прошел семидесятилетний юбилей замечательного русского поэта Глеба Яковлевича ГОРБОВСКОГО. Пожалуй, лишь патристические издания откликнулись на знаменательную дату подборками стихов этого, вне всякого сомнения, выдающегося мастера слова нашего времени.

Он родился в Ленинграде в семье учителей. Отец — из псковских крестьян, мать — дочь известной комизьярской просветительницы Агнии Данщиковой. С шести лет рос без отца. В войну оказался на оккупированной Псковщине, был малолетним батраком в Прибалтике. После войны учился в ремесленном училище, служил в армии, работал столяром, слесарем, участвовал в геологических экспедициях на Сахалине, Камчатке, в Якутии и Средней Азии. Закончил филфак Ленинградского университета. Автор многих поэтических книг, а также сборников прозы. Лауреат Государственной премии им. А.М. Горького.

Матери

Предвоенные дождики лета,
На Варшавском вокзале цветы!
...Я впервые на поезде еду.
Десять дней до Великой Черты.
Провожает меня, задыхаясь
От улыбок и жалобных слез,
Мама... Мама моя молодая,
Золотой одуванчик волос!
Умоляла попутчиков слезно
Присмотреть за мальчишкой
в пути...

Слышишь, мама, гудок паровозный!
От вагона, дружок, отойди.
...Мы расстались. И время проворно
Понесло нас по рельсам своим.

Напиталась война... И тлетворный
Над дорогой рассеялся дым.
Далеко мы заехали, знаю.
До седни. И тебе не в укор, —
Все я вижу: не ты, а шпая
Провожает меня до сих пор.
Вижу лето и солнце, как мячик,
Над перроном... И люди в купе...
Золотистых волос одуванчик
Все мелькает в нарядной толпе.
Провожает меня испугленно,
За окном продолжает бежать...
И уже до последнего стона
Будет в жизни меня провожать.

Медаль "За боевое содружество"

ПОЛОЖЕНИЕ о медали "За боевое содружество"

Медалью "За боевое содружество" награждаются сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, военнослужащие внутренних войск МВД России за заслуги в укреплении боевого содружества и военного сотрудничества и, в отдельных случаях, другие граждане Российской Федерации и иностранные граждане за оказание помощи в выполнении возложенных на МВД России задач.

ОПИСАНИЕ медали "За боевое содружество"

Медаль имеет форму круга золотистого цвета диаметром 32 мм, с выпуклым бортиком с обеих сторон. На лицевой стороне помещена горизонтально в три строки надпись "За боевое содружество". Ниже надписи размещена центральная часть геральдического знака — эмблемы органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации с государственным гербом в поле щита. Справа и слева надписи выложены ленты, повторяющие стилизованный абрис двуглавого орла. На обороте медали надпись "Министерство внутренних дел Российской Федерации". Все изображения и надписи выпуклые. Медаль крепится посредством ушка и колечка к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой лентой голубого цвета. В середине ленты нанесены полосы черного (0,5 мм), желтого (1 мм), красного (3 мм) и белого (0,5 мм) цвета в зеркальном исполнении от центра ленты. Ширина ленты 24 мм.